

Приложение к журналу
«Индекс/Досье на цензуру»

НЕВОЛЯ 32 2013

32

ISSN 1817-3541

НЕВОЛЯ





НЕВЮЛЯ

32 • 2013

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Фима Жиганец Не в кипиш дело	25
Макс Махмаг Книги, Ленин и кино	50
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (декабрь 2012-го – февраль 2013 года)	59
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	74
Игорь Кичапов Два прикола	105

ЗА СТЕНОЙ

Александр Август Дурхата	116
Иван Маркелов Прокурорские проверки	132

ИСТОРИЯ

По материалам зарубежных СМИ

Легендарные тюрьмы	138
Александр Сидоров О чем сигналил нам батайский семафор?	143

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах

По состоянию на **1 февраля 2013 г.** в учреждениях УИС содержалось 697,5 тыс. человек (– 4,3 тыс. человек к началу года), в том числе: **в 739 исправительных колониях** отбывало наказание 580,4 тыс. человек (– 4,6 тыс. человек), а именно:

– **в 130 колониях-поселениях** отбывало наказание 38,9 тыс. человек (– 566 человек);

– **в 5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1829 человек (+ 10 человек);

в 230 следственных изоляторах и 165 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях содержалось 113,2 тыс. человек (– 419 человек);

в 7 тюрьмах отбывало наказание 0,9 тыс. человек (+ 12 человек);

в 46 воспитательных колониях для несовершеннолетних 2,3 тыс. человек (+ 17 человек).

В учреждениях содержится 57,2 тыс. женщин (– 480 человек), в том числе 47,2 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, ЛИУ, ЛПУ и 9,6 тыс. человек, в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу, при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 796 детей.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

2459 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 469,6 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

53 государственных унитарных предприятий исправительных учреждений, 587 центров трудовой адаптации осужденных, 52 лечебно- и 41 учебно-производственная мастерская.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 319 вечерних общеобразовательных школ и 549 учебно-консультационных пунктов, 333 профессионально-технических училища и 302 обособленных структурных подразделения, действуют 555 храмов, 702 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС составляет 338,3 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 246,5 тыс. человек (кроме того переменный состав – 7,2 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **8 учреждений высшего профессионального образования** с 7 филиалами, в том числе Академия права и управления, 74 учебных центров и пунктов, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Уголовные дела о мошенничестве в сфере бизнеса можно возбуждать только по заявлению потерпевшего (*Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

Вводится дифференциация мошенничества в зависимости от сферы экономической деятельности.

Закрепленный ранее в УК РФ состав мошенничества охватывал все случаи хищения чужого имущества или приобретения права на него путем обмана или злоупотребления доверием. Однако он не в полной мере учитывал особенности тех или иных экономических отношений. Это не позволяло на практике должным образом защищать интересы пострадавших от мошеннических действий.

В связи с этим в УК РФ включены отдельные статьи, предусматривающие уголовную ответственность за мошенничество в сфере кредитования, страхования, предпринимательской деятельности, компьютерной информации, при получении выплат, а также с платежными картами.

Общий состав мошенничества сохранен, но дополнен новым квалифицирующим признаком – мошеннические действия, повлекшие лишение права гражданина на жилое помещение. Такие деяния достаточно распространены и должны строго караться независимо от стоимости жилья, которого лишился потерпевший. Кроме того, значительно увеличен размер штрафа, применяемого дополнительно к лишению свободы за мошенничество с использованием своего служебного положения или в крупном размере.

Для исключения практики возбуждения «заказных» уголовных дел все виды мошенничества, присвоение или растрата, а также причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием отнесены к делам частно-публичного обвинения. То есть они возбуждаются только по заявлению потерпевшего. Условие – указанные деяния совершены индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации при ведении бизнеса. Исключение составляют случаи причинения вреда государственным (муниципальным) компаниям или совершение этих деяний в отношении государственного (муниципального) имущества.

Лиц, подозреваемых или обвиняемых в мошенничестве (независимо от его вида), нельзя заключать под стражу, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности.

Также вводится уголовная ответственность за фальсификацию сотрудником силовых ведомств результатов оперативно-разыскной деятельности, если это было сделано в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к преступлению, либо чтобы причинить вред чести, достоинству и деловой репутации.

При проведении гласных оперативно-разыскных мероприятий предусмотрена возможность копирования информации с изъятых электронных носителей. Такое право предоставлено не только владельцу носителя, но и обладателю содержащихся на нем данных. Это касается также случаев проведения обыска и выемки в ходе предварительного расследования.

Право осужденного просить суд заменить неотбытую часть наказания на более мягкое или изменить вид колонии закреплено в законе (Федеральный закон от 1.12. 2012 № 208-ФЗ «О внесении изменений в статьи 78 и 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Законодательно закреплено право осужденного обращаться самому или через адвоката (законного представителя) в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким его видом или об изменении вида исправительного учреждения.

На практике данный вопрос суд рассматривал ранее только по представлению учреждения (органа), исполняющего наказание. Такой подход противоречил позиции Конституционного суда РФ, который указал, что УИК РФ и УПК РФ не препятствуют осужденному обращаться в суд с такой просьбой. Более того, они предполагают обязанность суда рас-

смотреть ее по существу. Это вытекает из конституционного права каждого осужденного за преступление просить о смягчении наказания.

Прописан порядок подачи ходатайства. В частности, это делается через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание. К ходатайству прилагается характеристика на осужденного. В ней указываются данные о его поведении, отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, а также к совершенному им деянию. Там же приводятся сведения о возмещении осужденным причиненного в результате преступления ущерба.

В отношении тех, кто отбывает наказание за преступления против половой неприкосновенности малолетнего и болен педофилией, в характеристике обязательно отражаются данные о примененных к ним принудительных мерах медицинского характера и отношении этих лиц к лечению. К ходатайству такого осужденного прилагают заключение его лечащего врача.

Вносятся необходимые коррективы в порядок разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора.

Утверждено новое комплексное «Положение о возмещении процессуальных издержек...» (*Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации»*).

Начиная с 2014 года размер возмещения процессуальных издержек в уголовном и гражданском процессах будет ежегодно индексироваться с учетом уровня инфляции.

Кроме обязательства индексировать процессуальные издержки, Правительством РФ утверждено также новое комплексное «Положение о возмещении процессуальных издержек...», устанавливающее порядок и размеры (зависящие от различных подробно регламентированных обстоятельств) возмещения расходов на проезд к месту проведения процессуальных действий и обратно, оплату гостиниц и других мест проживания, суточные расходы, понесенные участвующими в процессуальных действиях потерпевшими, свидетелями, их законными представителями, экспертами, специалистами, переводчиками, понятыми, а также адвокатами, участвующими по назначению в уголов-

ном деле. «Положением» установлены и размеры вознаграждения, выплачиваемого переводчикам, экспертам и назначенным адвокатам.

Действие «Положения» распространяется на возмещение аналогичных расходов, понесенных в процедурах Конституционного суда РФ.

Регламентирован порядок образования Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (Федеральный закон от 30.12.2012 № 297-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 11 Федерального закона "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних"»).

Установлено, что Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав создаются на территории субъекта РФ. Порядок создания и осуществления деятельности Комиссии определяется законодательством соответствующего субъекта РФ.

Целями создания Комиссии являются, в частности: координация деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; выявление и устранение причин и условий, способствующих этому; обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Кроме того, новая редакция статьи 11 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» конкретизирует полномочия Комиссии и предписывает обязательное исполнение органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних постановлений Комиссии.

До 1 января 2014 года отложено вступление в силу законоположений о принудительных работах (Федеральный закон от 30.12.2012 № 307-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" и статью 6 Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон "О судебных приставах" и отдельные законодательные акты Российской Федерации"»).

Сроком на один год отложено применение положений Уголовного кодекса РФ, устанавливающих использование принудительных работ в качестве одного из видов уголовного наказания.

Принудительные работы рассматриваются как альтернатива лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести, а также за совершенные впервые тяжкие преступления.

Кроме того, также на один год продлено действие положений законодательства о судебных приставах, предусматривающих полномочия должностных лиц данного ведомства по препровождению в специальные учреждения иностранных граждан, подлежащих выдворению за пределы РФ.

Переписка несовершеннолетних, находящихся в учреждениях, относящихся к местам принудительного содержания, с органами, осуществляющими контроль за указанными учреждениями, с прокуратурой, судом, Уполномоченным по правам человека в РФ не должна подвергаться цензуре (Федеральный закон от 30.12.2012 № 319-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних"»).

Принят Закон, уточняющий порядок осуществления общественно-го контроля за обеспечением прав несовершеннолетних, находящихся в центрах временного содержания, а также в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа.

Определено, в частности, что общественный контроль за обеспечением прав несовершеннолетних осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

Установлен перечень случаев, когда переписка несовершеннолетних, помещенных в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, не подлежит цензуре, и установлен срок (не позднее одних суток, за исключением выходных и праздничных дней) передачи по принадлежности корреспонденции несовершеннолетних.

Скорректирован порядок направления обращений осужденными (Федеральный закон от 30.12.2012 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации»).

Уточнен порядок направления осужденными предложений, заявлений, жалоб и ходатайств.

Предусмотрено, что они могут быть поданы в соответствии с Законом о порядке рассмотрения обращений граждан России, но с учетом

требований УИК РФ. При этом обращения осужденных к аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, лишению свободы или смертной казни могут быть изложены в устной и письменной формах.

По просьбе осужденных администрация исправительного учреждения уведомляет их о передаче операторам связи писем, почтовых карточек и телеграмм для их доставки по принадлежности.

Установлен срок, в течение которого администрация исправительного учреждения осуществляет цензуру почтовой корреспонденции осужденных. Он составляет не более трех рабочих дней, а если письма, почтовые карточки и телеграммы написаны на иностранном языке – не более семи.

Порядок переписки между осужденными и осуществления денежных переводов лицам, не являющимся их близкими родственниками, закрепляется в Правилах внутреннего распорядка исправительного учреждения.

Остальные поправки носят несущественный (уточняющий) характер.

Лица, добровольно сдавшие предметы, указанные в статьях 222 и 223 УК РФ, освобождаются от уголовной ответственности по данным статьям, вне зависимости от того, были ли этими лицами совершены иные преступления с использованием названных предметов (Федеральный закон от 30.12.2012 № 306-ФЗ «О внесении изменений в статьи 222 и 223 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Изменения, внесенные в статьи 222 «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» и 223 «Незаконное изготовление оружия» УК РФ, направлены на единообразное применение правоохранительными органами и судами примечаний к указанным статьям.

Ранее примечаниями к статьям 222 и 223 УК РФ было предусмотрено, что лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в названных статьях, освобождалось от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Срок лишения свободы за организацию незаконной миграции увеличен с двух до пяти лет (Федеральный закон от 30.12.2012 № 308-ФЗ «О внесении изменений в статью 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Ужесточены санкции за организацию незаконного въезда в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, их незаконного пребывания

в РФ или незаконного транзитного проезда через территорию РФ (статья 322.1 УК РФ). Данная статья УК РФ предусматривает различные виды и размеры санкций за организацию незаконной миграции: штраф, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, лишение свободы с ограничением свободы или без такового.

Так, в частности, максимальный размер штрафа увеличится с 200 тыс. до 300 тыс. рублей, срок обязательных работ – с 360 до 420 часов, срок исправительных работ – с одного года до двух лет, принудительных работ – с двух до трех лет, максимальный срок лишения свободы – с двух до пяти лет с ограничением свободы с одного года до двух лет.

В случае совершения тех же деяний организованной группой или в целях совершения преступления на территории РФ срок лишения свободы может составить до семи лет вместо ранее предусмотренных пяти.

Положения Уголовно-процессуального кодекса РФ о преступлениях небольшой тяжести приведены в соответствие с Уголовным кодексом РФ (Федеральный закон от 30.12.2012 № 309-ФЗ «О внесении изменений в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

УК РФ (в редакции Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ) к преступлениям небольшой тяжести относит уголовно-наказуемые деяния, за которые предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше трех лет (ранее – двух лет). В этой связи в УПК РФ внесено изменение, согласно которому заключение под стражу в виде меры пресечения может быть применено при совершении преступления небольшой тяжести, за которое установлено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше трех лет, при невозможности применения более мягкой меры пресечения.

Уточнен порядок направления в суд требования о возмещении имущественного вреда лицами, уголовное преследование которых признано незаконным или необоснованным (Федеральный закон от 30.12.2012 № 311-ФЗ «О внесении изменения в статью 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Если уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, то требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор, либо, согласно внесенной поправке, в суд по месту жительства реабилитированного.

Усилена уголовная ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (Федеральный закон от 30.12.2012 № 312-ФЗ «О внесении изменений в статью 322 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Предусмотрено, в частности, что пересечение Государственной границы РФ при въезде в РФ иностранным гражданином или лицом без гражданства, въезд которым заведомо для виновного не разрешен по основаниям, предусмотренным законодательством РФ, наказывается штрафом в размере до 300 тыс. рублей, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Ранее за указанное деяние Уголовным кодексом РФ было предусмотрено наказание в виде штрафа в размере до 200 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительных работ на срок до двух лет, либо лишения свободы на тот же срок.

Лица, осужденные к лишению свободы, будут сниматься с регистрационного учета по месту жительства и регистрироваться по месту их пребывания в учреждении УИС (Федеральный закон от 30.12.2012 № 313-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации" и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации»).

С 1 февраля 2013 г. вводится регистрационный и миграционный учет по месту пребывания осужденных к лишению свободы.

Администрация соответствующего СИЗО или ИУ обязана регистрировать и снимать с регистрационного учета по месту пребывания осужденных к лишению свободы россиян, а также ставить на миграционный учет и снимать с него осужденных к лишению свободы иностранцев и лиц без гражданства. Это не касается лиц, содержащихся в транзитно-пересыльных пунктах или переведенных в СИЗО из исправительных учреждений для участия в следственных действиях.

С 1 января 2014 г. будет введен аналогичный учет в учреждениях уголовно-исполнительной системы, исполняющих наказание в виде принудительных работ (т. е. с момента применения этого вида наказания на практике).

Регистрировать граждан России в указанных учреждениях по месту пребывания будут только после снятия их с регистрационного учета по месту жительства.

Данные меры будут способствовать более полному и объективно-адресно-справочному учету россиян и иностранцев.

Федеральный закон вступает в силу с 1 февраля 2013 г., за исключением положений, для которых установлен иной срок введения в действие.

Суды разъясняют

Как должен исчисляться срок содержания под стражей, если уголовное дело возвращается прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом?

УПК РФ, исходя из стадийного построения уголовного судопроизводства, устанавливает отдельную регламентацию сроков содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых в период предварительного расследования (ст. 109) и подсудимых в период судебного разбирательства (ст. 255), не предусматривая при этом общую предельную продолжительность применения данной меры пресечения. В силу этого исчисление сроков содержания под стражей на досудебной и судебной стадиях процесса осуществляется автономно. Соответственно, положения статей 109 и 255 УПК РФ не предполагают включение времени содержания под стражей на предыдущей стадии производства по уголовному делу в срок содержания под стражей на последующей стадии, как и наоборот. Последовательный переход от одной уголовно-процессуальной стадии к другой в ординарном порядке требует принятия отдельного судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу – исходя из законодательно установленных для каждого из этапов уголовного судопроизводства пределов.

Особым случаем продления срока содержания обвиняемого под стражей является принятие такого решения при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом по основаниям, указанным в части 1 статьи 237 УПК РФ.

Устранение таких препятствий не связано с исполнением неполноты проведенного предварительного расследования, поскольку УПК РФ не предусматривает право суда направлять уголовное дело для дополнительного расследования, наделяя этим полномочием только прокурора при поступлении к нему материалов дела с обвинительным заключением или обвинительным актом по окончании предварительного расследования (п. 2 ч. 1 ст. 221 и п. 2 ч. 1 ст. 226). Принимаемое же судьей по результатам предварительного слушания уголовного дела промежуточное решение о его возвращении прокурору имеет целью не продолжение следственной деятельности по обоснованию или до-

полнению обвинения, а приведение процедуры предварительного расследования в соответствие с требованиями, установленными уголовно-процессуальным законом, с тем чтобы – после устранения выявленных процессуальных нарушений, не устранимых в судебной стадии, – вновь направить дело в суд для рассмотрения по существу и принятия по результатам его рассмотрения итогового решения.

Возвращение дела прокурору не приводит к автоматическому восстановлению избранной ранее меры пресечения, прекратившей свое действие после направления уголовного дела в суд. В связи с этим на правовое регулирование применения заключения под стражу в случае возвращения дела прокурору распространяется сформулированная КС РФ позиция, согласно которой в уголовном судопроизводстве суд призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения о применении меры пресечения – исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности на любой стадии уголовного судопроизводства эти решения принимаются.

По смыслу части 3 статьи 237 УПК РФ суд, решая при возвращении уголовного дела прокурору вопрос о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, обязан устанавливать разумный срок, учитывая при этом продолжительность содержания обвиняемого под стражей на досудебной стадии процесса с тем, чтобы его пребывание под стражей не превысило предельные сроки, предусмотренные статьей 109 УПК РФ, и исключая при этом время содержания обвиняемого под стражей со дня поступления уголовного дела в суд и до его возвращения прокурору, сроки исчисления которого определены статьей 255 УПК РФ для судебной стадии.

(Определение КС РФ от 1 ноября 2012 г. № 2001-0)

ВС РФ разъяснил вопросы применения норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции.

В принятом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», даны разъяснения и рекомендации по вопросам применения уголовно-процессуального законодательства судами апелляционной инстанции. В частности, обращается внимание на следующее.

В апелляционном порядке могут быть обжалованы как не вступившие в законную силу итоговые судебные решения, так и промежуточные решения суда.

При этом отмечено, что законные представители вправе обжаловать судебное решение и принимать участие в судебном заседании независимо от того, что к моменту производства по делу в суде апелляционной инстанции несовершеннолетнему участнику исполнилось 18 лет.

Если судебное решение обжаловано и гособвинителем, и вышестоящим прокурором, то рассмотрению подлежат оба представления при условии, что они поданы в установленный законом срок.

Указано, что извещение сторон допускается в том числе СМС-сообщением в случае их согласия на уведомление таким способом и при фиксации отправки и доставки СМС-извещения адресату. Акт согласия на получение СМС-извещения подтверждается распиской, в которой наряду с данными об участнике судопроизводства и о его согласии на уведомление подобным способом указывается номер мобильного телефона, на который следует направить сообщение.

Обращено внимание на необходимость выполнения требований УПК РФ о содержании апелляционных актов.

Отменяя или изменяя приговор, суд обязан указать, какие именно нарушения закона послужили основанием для этого. Решение суда об оставлении судебного акта без изменения, а жалобы или представления без удовлетворения также должно быть мотивированным.

Назначая наказание, суд апелляционной инстанции обязательно должен решить вопрос о зачете в срок наказания времени предварительного содержания осужденного под стражей.

Судам также рекомендовано реагировать на нарушения прав и свобод граждан, допущенные в ходе досудебного производства или при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции, путем вынесения частных определений (постановлений) в адрес организаций и должностных лиц.

(Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»)

Противоречат ли Конституции РФ пункты 148 и 154 ПВР ИУ?

С требованием признать эти пункты противоречащими Конституции РФ, поскольку они лишают осужденного, переведенного в ЕПКТ (одиночную камеру) или водворенного в ШИЗО, права на прослушивание аудиоматериалов религиозного характера и препятствуют таким образом реализации права на свободу вероисповедания, регулирование которого не может осуществляться ведомственными нормативными актами, в Верховный суд РФ обратился осужденный Т.

ВС РФ разъяснил следующее.

Согласно частям 1 и 2 статьи 14 УИК РФ осужденным гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, они вправе исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними; осуществление права на свободу совести и свободу вероисповедания является добровольным, при этом не должны нарушаться правила внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказания, а также ущемляться права других лиц.

Часть 4 статьи 14 УИК РФ определяет существенные условия, обеспечивающие конституционное право на свободу совести и свободу вероисповедания, и устанавливает в том числе, что осужденным разрешается пользование предметами культа и религиозной литературой, однако не относит к ним использование каких-либо технических аудиосредств и комплектующих к ним.

Оспариваемые в части пункты 148 и 154 ПВР ИУ не изменяют закрепленных данной нормой Кодекса условий обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания и воспроизводят ее положения, позволяя осужденным, помещенным в порядке взыскания в штрафные изоляторы, помещения камерного типа, ЕПКТ, одиночные камеры, иметь при себе религиозную литературу, предметы культа индивидуального пользования для нательного или карманного ношения.

С учетом этого не имеется каких-либо оснований для вывода о том, что оспариваемыми нормами осуществляется вмешательство в свободу исповедания религии, не основанное на законе.

Отсутствуют и правовые нормы, имеющие большую по отношению к оспариваемым положениям юридическую силу, которыми осужденным, содержащимся в помещениях камерного типа, ЕПКТ, одиночных камерах, предоставлялось бы право иметь при себе технические аудиосредства и комплектующие к ним, обеспечивающие их работу.

Оспариваемые нормативные предписания согласуются и с положениями международных правовых актов, регламентирующих права осужденных, в частности Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными, принятыми на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., которые закрепляют, что в пределах осуществимого каждый заключенный должен иметь возможность удовлетворять свои религиозные потребности, имея в своем распоряжении религиозные писания, свойственные его вероисповеданию (правило № 42).

Аналогичное правило содержит и Рекомендация REC (2006)2 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о правилах содержания заключенных в Европе, принятая 11 января 2006 г. (правило 29.2).

С учетом изложенного оспариваемые в части пункты 148 и 154 Правил не ограничивают право на свободу совести и свободу вероисповедания и полностью согласуются с приведенными выше законоположениями и международными правовыми нормами.

Довод заявителя о том, что оспариваемые в части пункты 148 и 154 Правил не допускают использование технических аудиосредств для прослушивания религиозных материалов и осуществляют таким образом регулирование конституционного права на свободу вероисповедания ведомственным нормативным правовым актом, нельзя признать обоснованным. Оспариваемые в части нормы не определяют иные условия реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания, чем те, которые установлены частью 4 статьи 14 УИК РФ.

(Решение ВС РФ от 8 ноября 2012 г. № АКПИ12-1319)

ВС РФ дал разъяснения по вопросам открытости и гласности судопроизводства, а также доступа к информации о деятельности судов.

В целях обеспечения открытости и гласности судопроизводства Пленум ВС РФ подготовил разъяснения, в которых, в частности, указано следующее.

Недопустимы отказ и создание препятствий журналистам в доступе в зал судебного заседания по мотиву профессиональной принадлежности, по причине отсутствия аккредитации или по иным основаниям, не предусмотренным законом.

Если часть дела разбирается в закрытом судебном заседании, то лица, присутствующие в судебном заседании, но не являющиеся участниками процесса, журналисты не допускаются только на эту часть судебного разбирательства.

Судам следует иметь в виду, что законодательство не обязывает лиц, присутствующих в открытом судебном заседании и фиксирующих его ход в письменной форме или с помощью средств аудиозаписи, уведомлять суд и получать на это разрешение.

При этом лица, присутствующие в открытом судебном заседании, но не являющиеся участниками процесса, журналисты, желающие осуществлять фото-, киносъемку, видеозапись, трансляцию хода судебного разбирательства, должны обратиться к суду с соответствующей просьбой (заявлением).

Указано, что из текстов судебных постановлений подлежат исключению сведения, составляющие гостайну, а также персональные данные, кроме фамилий и инициалов истца, ответчика, третьего лица, гражданского истца, гражданского ответчика, осужденного, оправданного, секретаря судебного заседания, судей, прокурора, адвоката и представителя.

Следует учитывать, что суд не вправе отказывать в предоставлении запрашиваемых сведений, ссылаясь на то, что их часть относится к информации ограниченного доступа. В таком случае предоставляется общедоступная часть данных.

Суды также не вправе отказать по устному запросу журналистов в предоставлении информации о деятельности суда, не требующей специальной проверки и поиска (например, о времени и месте судебного заседания, о результате рассмотрения дела, о передаче дела в отдел обеспечения судопроизводства).

(Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»)

С какой целью применяется наложение ареста на имущество?

Одним из правовых средств, предназначенных в уголовном судопроизводстве для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 52 Конституции РФ, п. 1 ч.1 ст. 6 УПК РФ), является предусмотренное статьей 115 УПК РФ наложение ареста на имущество, осуществляемое для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, а также имущественных взысканий, в том числе гражданского иска о возмещении имущественного или морального вреда, причиненного преступлением, который вправе предъявить признанный гражданским истцом потерпевший по уголовному делу к лицам, несущим в соответствии с ГК РФ ответственность за такой вред и признаваемым гражданскими ответчиками (ч. 1 ст. 44, ч. 1 ст. 54 УПК РФ).

Согласно статье 115 УПК РФ наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение; следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия; арест может

быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Поскольку наложение ареста на имущество относится к мерам процессуального принуждения, применяемым в целях обеспечения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора (п. 4 ч. 1 ст. 111 УПК РФ), и в качестве таковой носит временный характер, постольку наложение ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска в уголовном деле не может выходить за временные рамки уголовно-процессуальных отношений, связанных с расследованием и разрешением данного уголовного дела.

Соответственно, ч. 9 ст. 115 УПК РФ, устанавливающая, что наложение ареста на имущество отменяется на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, когда в применении этой меры отпадает необходимость, в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с иными нормами уголовно-процессуального законодательства, предполагает возможность сохранения названной меры процессуального принуждения лишь на период предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу, сроки которых установлены законом (статьи 162, 223, 227 и 233 УПК РФ), но не после окончания судебного разбирательства по уголовному делу и вступления приговора в законную силу, тем более в случае, если предъявленный гражданский иск был оставлен без рассмотрения. Иное приводило бы к подмене частноправовых механизмов разрешения споров о собственности уголовно-процессуальными средствами, причем выходящими за временные рамки уголовно-процессуальных отношений.

(Определение КС РФ от 29 ноября 2012 г. № 2227-0)

Президиум ВС РФ подготовил разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике.

В нем, в частности, обращается внимание на следующее:

– лица, не достигшие 16 лет, не подлежат уголовной ответственности за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны;

– суд не обязан указывать в постановлении о применении принудительных мер медицинского характера сроки принудительного лечения;

– лицо, в отношении которого обвинительный приговор по делу частного обвинения отменен судом апелляционной инстанции и за которым признано право на реабилитацию, имеет право на возмещение вреда не только с лица, выдвинувшего данное обвинение, но и с государства.

(Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 3-й квартал 2012 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2012 г.)

Суды разъясняют осужденным

Должно ли лицам мужского пола, ранее отбывавшим лишение свободы, при отсутствии рецидива или опасного рецидива преступлений, в случае осуждения к лишению свободы за тяжкое преступление назначаться отбывание этого наказания в исправительной колонии строгого режима?

По приговору суда И. (ранее судимый) осужден по п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 213 и п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Наказание назначено на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ. Для отбывания наказания И. назначена исправительная колония строгого режима.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по надзорной жалобе осужденного И., назначил ему отбывание лишения свободы в исправительной колонии общего режима по следующим основаниям.

Из материалов дела усматривается, что по приговору от 19 декабря 1997 г. И. был осужден за преступление, совершенное в несовершеннолетнем возрасте. В соответствии с п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ эта судимость не учитывается при признании рецидива преступлений. По настоящему делу И. осужден за совершение двух тяжких преступлений и одного преступления средней тяжести.

В связи с этим суд первой инстанции назначил И. отбывание наказания в исправительной колонии строгого режима необоснованно, поскольку судом не учтено, что в случае осуждения к лишению свободы за тяжкое преступление лица мужского пола, ранее отбывавшего лишение свободы, действия которого не содержали рецидива или опасного рецидива преступлений, вид исправительного учреждения назначается в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ, т.к. обязательным условием назначения исправительной колонии строгого режима является совершение преступления при рецидиве или опасном рецидиве преступлений.

(Постановление Президиума ВС РФ № 34П12)

В каких случаях рецидив преступлений признается особо опасным?

Согласно ч. 3 ст. 18 УК РФ, рецидив преступлений признается особо опасным при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы, а также при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление. Приведенное законоположение действует в нормативном единстве с иными положениями УК РФ. Так, ч. 1 ст. 18 УК РФ определяет, что рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, а статья 86 УК РФ устанавливает, что в отношении лиц, условно осужденных, судимость погашается по истечении испытательного срока (п. «а» ч. 3). В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ (ч. 5 ст. 74). Пункт же «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ прямо закрепляет, что при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном ст. 86 УК РФ.

В случае отмены условного осуждения приговором, которым назначено наказание с применением правил ст. 70 УК РФ, суд при постановлении нового приговора за вновь совершенное преступление, руководствуясь ст. 18 УК РФ, признает в действиях осужденного рецидив преступлений.

(Определение КС РФ от 24 сентября 2012 г. № 1819-0)

Можно ли защитнику проносить на территорию СИЗО технические средства связи?

Нет, нельзя. Запрет защитнику проносить на территорию места содержания под стражей технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять кино съемку, аудио- и видеозапись, установлен Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ч. 1 ст. 18). Защитник вправе проносить копировально-

множительную технику и фотоаппаратуру на территорию места содержания под стражей только для снятия копий с материалов уголовного дела, компьютеры. Пользование копировально-множительной техникой и фотоаппаратурой, компьютерами защитник осуществляет в отсутствие подозреваемого, обвиняемого в отдельном помещении, определенном администрацией места содержания под стражей.

(Решение ВС РФ от 24 сентября 2012 г. № АКПИ12-1168)

Можно ли оспаривать в судебном порядке перевод осужденных из исправительной колонии в следственный изолятор для участия в следственных действиях в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого)?

В соответствии с ч. 1 ст. 77.1 УИК РФ при необходимости участия в следственных действиях в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) осужденные к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии, воспитательной колонии или тюрьме могут быть переведены в следственный изолятор из указанных исправительных учреждений на основании мотивированного постановления следователя с согласия руководителя следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации или его заместителя либо приравненного к нему руководителя специализированного следственного органа или его заместителя, руководителя территориального следственного органа по субъекту Российской Федерации следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти) или его заместителя – на срок, не превышающий двух месяцев, с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации или его заместителя, руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти) – на срок до трех месяцев, а также постановления дознавателя с согласия прокурора субъекта Российской Федерации или его заместителя либо приравненного к нему прокурора или его заместителя – на срок, не превышающий двух месяцев, а с согласия Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя – на срок до трех месяцев.

Поскольку согласно ч. 3 ст. 77.1 УИК РФ переведенный в следственный изолятор осужденный содержится в порядке, установленном Федеральным законом от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступле-

ний», и на условиях отбывания им наказания в исправительном учреждении, определенном вступившим в законную силу приговором суда, постольку решение о переводе осужденного из исправительной колонии в следственный изолятор, по смыслу ст. 22 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, не требует обязательного предварительного подтверждения в судебном решении. Однако это не освобождает следователя от необходимости принимать решение в соответствии с принципом законности (ст. 8 УИК РФ и ч. 4 ст. 7 УПК РФ) и не лишает осужденного права на ознакомление с данным решением и права на его оспаривание в суде общей юрисдикции, что прямо предусмотрено ч. 4 ст. 12 УИК РФ.

Решение о переводе осужденного в следственный изолятор оспаривается по правилам главы 25 ГПК РФ, если оно не связано с его уголовным преследованием по другому делу, или же по правилам ст. 125 УПК РФ (пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих»). При этом недопустимы ограничения права на судебное обжалование решений и действий (бездействия), затрагивающих права и законные интересы граждан, лишь на том основании, что они не были признаны в установленном законом порядке участниками уголовного судопроизводства, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина должно вытекать из фактического положения этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права.

(Определение КС РФ от 18 октября 2012 г. № 1956-О)

Не в кипиш дело¹

Из баек о Коле Тайге

Глава первая, в которой старого бродягу Колю Тайгу пытаются записать в сыщики

Труп Негра обнаружили вечером на промзоне мужики-литейщики. Как раз между литейкой и цехом офисной мебели есть уютный закуток, где можно пошабить², потерять за жизнь, присев на корточки у стенки, пересечься с пацанами из других отрядов. Негр лежал лицом вниз, из шеи торчал длинный арматурный штырь. Кто-то загнал эту пиковину, подкравшись сзади, и она прошла насквозь, пробив несчастному горло. Когда арестанты наткнулись на мертвяка, окуроч в его руке еще тлел.

– С курением надо завязывать, – тихо сказал Сеня Крот из третьего отряда.

– Заткнись, – шикнул седой Петрович и перекрестился.

– За что его так? – испуганно пискнул мелкий крадунец Яша-Бяша, теребя в жилистых руках засаленные рабочие рукавицы.

– За хрен и за яйца, – коротко пояснил Петрович. – Оно нам надо? Пускай опера разбираются.

Начальника отдела безопасности и оперативной работы майора Дмитрия Сергеевича Куткова сообщение о «мокрухе» шарахнуло по паморокам так, как кокосовый орех долбанул бы Ньютона, попутай тот яблоню с пальмой. За шесть лет беспорочной службы «главкума» в колонии строгого режима до смертоубийства здесь не доходило. Ну, бывало, кому-нибудь ребра ломали, башку пробивали, в прошлом году пассажир из третьего отряда вздернулся (правда, откачали). Тубики

¹ Не в кипиш дело – делать что-то тихо, без шума; также это сочетание используется как просьба – «не посчитай за труд, не сочти зазорным».

² Покурить (*жарг*).

время от времени ласты склеивают. Короче, дела житейские. А тут – арматурой да в шеяку...

Вскоре выяснилось сопутствующее обстоятельство, которое совсем добило майора. Убийство – в целом штука неприятная. Но, если грохнули голимого зэка, никто большого шума не поднимет. Умер-шмумер – другого пришлют. Однако с нынешним жмуrom дело оказалось совсем иного свойства.

Дмитрий Сергеевич печально перелистал пухлую папку с красной диагональной полосой на обложке. Осужденный Сергей Негрий (погоняло Сержик Негр), 29 лет, вторая судимость. Первый раз залетел в двадцать один год по статье 166 УК России, автоугон. Можно бы списать на грехи молодости (приглянулась парню красивая тачка «хендай», решил полихачить с ветерком), если бы не то обстоятельство, что у самого Сержика к этому времени уже имелся свой автомобиль – подержанный двухсотый «мерседес». Негр в родном городе Облупьевске числился «бойцом» у известного авторитета Доломана. Доломановская группировка насчитывала рыл пятьдесят и считалась одной из влиятельных. По оперативным данным выходило, что Негр угнал «колеса» для того, чтобы с подельниками повернуть операцию по запугиванию директора небольшого филиала коммерческого банка. Вывезли мужика за город, помахали пушками, заставили вырыть могилу. В общем, сценарий традиционный, унылая проза жизни. После вмешательства ОБЭПа повязали троих бандюков, а вот Сержика пристроичить к этому безобразию не удалось. Только и смогли навесить угон. Отмерили трешку рублями и полгода мелочью – и то учитывая боевую биографию (длинный перечень приводов в милицию и условный срок за кражу по малолетке).

Второй срок солиднее – статья 162, разбой. Семь годков как с куста, без надежды на УДО – поскольку «осужденный Негрий по отношению к администрации мест лишения свободы ведет себя агрессивно, характеризуется крайне негативно и примыкает к группе лиц отрицательной направленности». Впрочем, теперь негативному осужденному досрочное освобождение до лампочки. Покоится бедняга с биркой на ноге под крестом, на котором намалеван порядковый номер.

«Какой там номер? – одернул сам себя Дмитрий Сергеевич. – Если бы под номером, проблемы бы не было...»

Действительно, тело Сергея Степановича Негрия было выдано его матери и сестре. Оказалось, у этого демонюги сестричка между отсидками брата выскочила замуж за депутата городской Думы Моргулина! Того самого, который скоро в Госдуму намыливается. Сестрица и по-

способствовала тому, чтобы Сержика перевели из другой области в «девятку» – ближе к дому. Нахлопотала на свою голову.

В общем, списать «мокруху» на несчастный случай не получилось. Моргулин с супругой надавили на прокуратуру, «хозяина» колонии подполковника Загайло выдернули к высокому начальству, после чего он пару дней провалялся дома в предынфарктном состоянии. А «куму» Куткову начальник службы исполнения наказаний генерал Бурдюков лично обещал место разносчика шаек в бане при областной лепрозории, если Дмитрий Сергеевич в ударные сроки не раскроет преступление.

– И не вздумай впарить какого-нибудь уroda, который с усеру готов признать себя потомственным расистом! – рычал на Куткова генерал. – Ты мне настоящего душегуба предоставь! Чтобы никаких сомнений по убийству этого Негра не возникло. Тьфу ты, пакость... С такой кликухой я бы сам на себя руки наложил.

«Лучше бы ты сам себе в штаны наложил», – мысленно посоветовал генералу Дмитрий Сергеевич и отправился восвояси – горе горевать.

В тот же день майор вызвал к себе в кабинет Колю Тайгу – «смотрящего» шестого отряда, где мотал срок покойный Сержик Негр. Вместе с Тайгой приплелись еще двое – староста зононской церквушки Егор Андронов и долговязый Витя Сверчок, зачем-то с телевизионной программкой под мышкой.

– Я не понял, Ермишин: это что за трио бандуристов? – сурово наехал на «смотрящего» Кутков. – Ты по-русски туго догоняешь? Я вызывал только тебя!

– Гражданин майор, вы ж порядок знаете, – укоризненно покачал головой Тайга. – Мне без очевидцев в «кумовке» появляться никак нельзя. Гнилые базары пойдут...

– Ты охуел с недосыпу?! – взвился «главкум». – Здесь порядки я устанавливаю, а не зэчния! А ну, пошли вон! – заорал майор на Андронova со Сверчком.

– Тогда разговора не будет, – коротко отрезал Тайга и повернулся, чтобы отправиться вслед за арестантами. – Мне в «шизняк» или с ходу в «бур»³?

Дмитрий Сергеевич понял, что козыри – в руках у Ермишина.

³ Шизняк – штрафной изолятор, до 15 суток изоляции; бур (от лагерного «барак усиленного режима») – помещение камерного типа, или ПКТ, до полугода изоляции, «тюрьма в тюрьме».

– Успеешь еще в «кадушке»⁴ поплескаться, – бросил он. – Только просвети меня, лапотного: почему же Слонику, «смотрящему» зоны, в «кумовку» одному заходить незападло? Он только что здесь был. Да ты и сам в курсе, что я любого из блатоты выдергиваю к себе, когда это требуется.

– Блатота сама за себя отвечает, – равнодушно протянул Тайга. – А я по жизни полосатый⁵. У меня свои понятия, нэпманские⁶.

– Ладно, пусть остаются твои дурошлепы, – махнул рукой Кутков. – Вообще-то Слоник тебя и сам в курс дела введет. Но я хочу лично с тобой перетереть. Чтобы ты просек момент. Лови в оба лантуха⁷.

– Мне уже нутро захолонуло, – хмыкнул Тайга, но в меру. Начальство дровичь – себе дороже. – Дальше что?

– Про убийство Негра тебе, конечно, известно...

– У нас на плантации негров нема, – поправил «кума» «смотрящий». – Не любил покойник, чтобы его в глаза негром тыкали. Но давайте ближе к делу, гражданин майор. Шо ж я, не по курсам за «мокруху» в своем отряде?

– Я думаю, ты по курсам и про то, кто Сержика на пиковину насадил, – сказал Кутков. – Не поделишься информацией?

Тайга изменился в лице.

– Дмитрий Сергеевич, ты, случаем, берега не попутал? – сдвинул брови, спросил он Куткова. – Не срами перед народом. – Он кивнул на арестантов, замерших в дверях. – Никогда я на абвер⁸ не работал и вперед не собираюсь. С каких делов мне должно быть известно, кто Сержика загасил? А и знал бы, так не сказал бы. Это ваше дело – нюхом землю рыть.

– За метлой следи! – снова повысил голос начальник отдела безопасности. – На «ты» будешь со своей урлой⁹ мохнатой базлать! А если вы мне в три дня убийцу не предоставите, я всех вас наизнанку выверну! Загоню спецназ, они вам такое маски-шоу¹⁰ устроят, что небо с

⁴ Кадушка – штрафной изолятор (ШИЗО), куда арестантов водворяют на срок до 15 суток за нарушения режима.

⁵ Полосатый, полосатик – арестант из колонии особого режима, особо опасный рецидивист.

⁶ Нэпманский, нэпманские понятия (от термина 1920-х – «новая экономическая политика», НЭП, нэпман – участник) – старые, «классические традиции и неформальные законы уголовно-арестантского мира; нэпманский вор – вор старой закалки.

⁷ Лантух – в данном случае – ухо (жарг.).

⁸ Абвер – оперативная часть ИТУ (нем. Abwehr – военная разведка).

⁹ Урла – мелкие уголовники, малолетки.

¹⁰ Маски-шоу – спецназ уголовно-исполнительной системы, бойцы которого действуют в масках-балаклавах.

овчинку покажется. Блаткомитет разгоним по крыткам¹¹ от Воркуты до Магадана, дороги на зону перекроем, взвоете – Надя Бабкина позавидует! Я на полном серьезе говорю, Тайга. – Голос Куткова снова опустился на несколько тонов. – Тут вот какой расклад...

И Кутков поведал арестанту печальные обстоятельства дела.

– Чего же этот депутат своего родака из зоны не вытянул? – с сомнением спросил Тайга.

– Может, и вытянул бы, – ответил Кутков. – Да не успел. Короче, так: мы свое расследование и без вас проведем. Но, сам понимаешь, если не найдем, прокуратура с нами сделает то, что Бог не делал с черепахой. А мы, соответственно, – с вами. Так что обсудите со Слоником ситуацию и решайте.

– А не хер решать, – отрезал Тайга. – Я, блядь, не Лобачевский. Я свое слово сказал.

Глава вторая, в которой старый бродяга Коля Тайга взваливает на себя тяжкую ношу графа Монте-Кристо

Ближе к концу того же дня, когда Тайга поимел неприятную беседу с «кумом» зоны, отрядного смотрящего пригласил к себе Слоник. Слоник звали смотрящего девятой зоны строгого режима. Сам Слоник величал себя не «смотрящим», а «положенцем». В принципе оба слова означают примерно одно и то же – арестанта, который негласно поставлен авторитетами уголовного сообщества смотреть за колонией, решать проблемы, следить за «общаком», не допускать беспредела и все такое. Как раньше говорили – «пахан». Но «положенец» звучит внушительнее. Это значит – человек «на положении вора». А «смотрящий» – словечко попроще. «Смотрящим» и в тюремной хате можно быть. Хотя последнее-то время вообще до смеху дошло: авторитета зоны называют «смотрящим», а отрядного – «положенцем»... Короче, какой-то голимый блуд.

Обитал Слоник в четвертом отряде. «Положенец» был младше Николая Павловича больше чем вдвое. Ему стукнуло двадцать восемь, а Тайга седьмой десяток разменял. Хотя Слоник и называл его на «ты», но держался с «рулевым» шестого отряда уважительно. Знал: не зря Тайгу выдернули с особого режима, за ним чувствовалась крепкая воровская рука. Последний из могикан, бронтозавр. Таким место в палеонтологическом музее. Ничего, подождем, пока сами вымрут.

¹¹ Крытка – тюрьма, СИЗО.

– Здоров будь, Анатолий, – приветствовал «положенца» Тайга, войдя к нему в апартаменты. В «черных» зонах, в отличие от зон «красных» (где начальство заставляет сидельцев надевать на рукава алые «пожарные» повязки активистов), «хозяин» и режимники сквозь пальцы смотрят на некоторые «вольности» бродяг. Например, «смотрящим» и «положенцам» позволяют занимать для себя небольшое подсобное помещение. Чаще всего это каптерка. Такое жилище оборудовали и для Слоника.

– Вечер добрый, Николай Палыч, – вежливо ответил Слоник. – Как живется-можется?

– И могло бы, да не с кем, – печально вздохнул Тайга.

– Как так? – поднял брови Слоник. – У вас в отряде что, «дыр-вых»¹² нету? Так я подкину, не вопрос.

«Положенец» хохотнул.

– Ты же знаешь, Анатолий, я свой хрен не на помойке нашел. – Николай Павлович строго глянул на Слоника. – Что звал-то?

– А вот чайком побаловать, – гостеприимно предложил «положенец» место гостю за столом, заваленным снедью. – Горбунков! – крикнул он кому-то за дверь.

На зов влетел взъерошенный арестант невысокого роста, с вытаращенными глазенками. Руки у него явно были скроены не по мерке – длинные, доходящие до самого пола. В огромную кисть каждой из них, казалось, может поместиться по приличному арбузу.

– Видал? – похвалился Слоник. – Прямо сивка-бурка: только свистни, он тут.

– Свистни, чтоб он остался с той стороны, – поморщился Тайга.

– Слышишь, Конек-горбунок, замастырь нам чифирку, – приказал «положенец» и сделал знак карлику удалиться.

– Э, уру-ру! – щелкнул пальцами Николай Павлович. – Мне не чифир, а обычного «купчика». Сердечко берегу, – пояснил он, снова повернувшись к Слонику.

– Сердечко – это хорошо, – одобрил тот. – Здоровье, Николай Палыч, дело нужное. Только странно ты его бережешь. Если тебе так дорог твой покой, на хера же «кума» драконить¹³?

Тайга с самого начала понимал, куда клонится разговор. Перевод стрелок на Куткова не стал для него неожиданностью.

¹² Дыр-вах – пассивный педераст.

¹³ Драконить – раздражать, дразнить.

– Я, по-моему, уже в кумовке ясно выразился, – отрубил он. – Честный босяк на мусоров не работает.

– Без базара, – согласился Слоник. – А кто тебе предлагает на му-сарню пахать?

Николай Павлович непонятливо наморщил лоб.

– Анатолий, растолкуй мне, лапотному, на пальцах, если я не догоняю, – попросил он. – Ты ведь о давешней беседе моей с «кумом»?

– О ней, родимой, – кивнул Слоник. – Об чем же еще?

– А разве «кум» не про то втирал, чтобы я в три дня ему предоставил убийцу Сержика?

– Не будем гнать по бездорожью, – поднял ладонь левой руки Слоник, останавливая Тайгу на полуслове. – Не надо расшатывать себе психику, Николай Павлович. Уточним детали. Мне меньше всего интересно, чего хочет от нас «кум». Важно, чего мы сами от себя хотим.

– Слоник, не мути мне памороки¹⁴. – Николай Павлович в раздражении перешел на погоняло¹⁵ положенца. Нутром чуял: тот ведет какую-то свою игру, а он, Тайга, ее не понимает. Шахматная партия «Каспаров против компьютера». Но ведь и каспаровы у металлолома выигрывали. – Что значит: «чего мы сами хотим»?

– Да то и значит, Николай Палыч. Ты Сержика хорошо знал?

– Ну, как хорошо... Он в моем отряде несколько месяцев. Пацан вроде в пределах¹⁶. Держался братвы, на общак отстегивал, поддерживал воровской курс и все такое. Немного с гонором, дерзкий на руку опять же. Но в целом – правильный арестант.

– А как ты считаешь, это нормально, когда какая-то гнида валит на зоне, которой мы рулим, правильного пацана?! – Слоник повысил голос.

В этот момент на пороге нарисовался растрепанный Конек-горбунок. В руках он нес трехлитровый баллон, доверху наполненный темно-коричневой жидкостью, от которой поднимался горячий пар. Баллон был обернут полотенцем, чтобы горбунок не обжегся. За спиной шныря вырисовывалась неясная фигура второго ээка – с большим заварным чайником в одной руке и граненым стаканом в другой.

– Ты бы еще цистерну прикатил! – гаркнул Слоник. – Давай уже, ставь и наливай... А ты чего ждешь? – обратился он ко второму. – Амором¹⁷ приготовили – и сдрыснули!

¹⁴ То же, что просторечное «не парь мозги»: не пытайся меня задурить.

¹⁵ Погоняло – прозвище. Слово «кличка» за «колючкой» не приветствуется.

¹⁶ В пределах – нормальный человек, за которым не числится «грехов», который ведет себя «достойно».

¹⁷ Амором – быстро.

Несколько минут два авторитетных сидельца попивали чаек и обсуждали новости футбола – победу «Зенита» над «Динамо» в финале Кубка России.

– Я уже сдулся, когда Писарев нашим мяч вколотил, – признался Тайге Слоник – коренной петербуржец. – Но молотки пацаны, дали во второй половине москалям оборотку, воткнули три штуки по самое некуда!

– Удивляюсь тебе, Анатолий, – отломив кусочек от шоколадной плитки и отправив его в рот, заметил Тайга. – Какой смысл смотреть за плясками бешеных ебемотов? Лучше в шахматы партейку сгонять. Но ближе к делу. Что ты за Сержика хотел сказать?

– А то и хотел: мне лично надо знать, кто и за что приговорил Негра, – жестко произнес Слоник. – Понимаешь?

– Я ж не молдаванин, – кивнул Тайга. – А если его за дело кончили?

– Это что у нас на зоне за крутыш завелся, который в обход положенца и блаткомитета такие дела решает? – нахмурился Слоник.

– Нехорошо, – согласился Николай Павлович.

Действительно нехорошо. Если таким макаром дальше покатит, жди на зоне махновщины. Наказать грубиянов, конечно, надо.

– А как же Кутков? – напомнил Тайга о «куме».

– Что Кутков? – Слоник пожал плечами. – На фига нам этот гадский папа? Мы сами должны разобраться, промеж собой. Если Кутков решит помочь – флаг ему в руки.

– Так он же от нас требует...

– Пусть он от своей бабы в постели требует! Когда урода найдем – сами решим, что с ним делать. А кумовские угрозы...

Слоник немного помолчал и добавил:

– Он, кстати, тебе ничего не говорил за твой срок?

– За срок? – нахмурился Тайга. – А что с моим сроком? Отобью полгода до звонка – и поминай как звали.

– Значит, не говорил... – протянул Слоник. – Тактичный, падла. Или слишком умный. Прикинул, что только раздраконит тебя у ребят на глазах. Ты ж с пацанами пришел...

– Не говори загадками! – оборвал Николай Палыч.

– Какие уж тут загадки. «Кум» мне прямо сказал: если что не так, Ермишина на новый срок раскрутим. Фиг он волю увидит.

– Испугал бабу толстым хуем! – «Смотрящий» подскочил от возмущения. – А ты что, Анатолий, с «кумовкой» спелся? К чему ты клонишь?

– Николай Палыч, ты совсем нюх потерял? – оскорбился «положенец». – Я повторяю: мы работаем не на оперов, а на себя. А за угрозу

я промолчать не мог. Ты бы сам такой молчанки не понял. Нам еще меж собой не хватало перегрызться. И насчет раскрутки хер он угадал. Мы этих оперсосов технично разведем. Мало ты, Николай Палыч, на своем веку кумовьев пережил?

И Слоник широко улыбнулся:

– Как ты любишь говорить? Не побоялись Гитлера – не побоимся и Фантомаса. Короче, иди с миром. Наш советский Шерлок Холмс...

Слоник снова хохотнул. Настроение у него поднялось.

– Ну его на хер, этого Холмса, – пробурчал Тайга. – Он с мусорами хороводился. Лучше граф Монте-Кристо. Тот и сиделец бывший, и человек достойный.

– Ну, граф так граф, – согласился Слоник. – «Плачу, как граф, получаю, как разбойник». Вот и получим с нашего умника как разбойники!

Глава третья, из которой читатель узнает кое-что о жульманских карточных понятиях

Тайга крепко взялся за дело с помощью своих подручных: осетина Алихана Джичоева, известного погремухой Князь, и громилы Васи Битюга, который на воле промышлял рэкетом, а на зоне прибился к «правильным» пацанам. Битюга «смотрящий» держал на подхвате для немудреных поручений физического свойства (свернуть кому-нибудь челюсть или припугнуть не в меру оборзевшего «лохмача»). Алихан слыл интеллектуалом: свинтили его мусора с первого курса строительной академии. Уже к вечеру сидельцы-пинкертоны кое-что нарыли.

– Что творится... – возмущенно бубнил Битюг. – Всякая депутатская сволочь жуликами рулит! И не боится светить, что у него родич был за колючкой. Хоть и дальний, а все-таки. В прежнее время его бы за такой факт...

– Глохни, Василий, – цыкнул Коля Тайга. – Ты за наше время лучше растолкуй. Нашли вы, кто на Сержика мог зуб иметь?

– Один за дверью ждет, – сообщил Битюг. – Игорек Земченко. Он недавно Негра на катране прибил¹⁸.

– Зови, – кивнул Тайга.

Игорек Земченко, он же Земчик, в отряде пытел четыре года. На воле Земчик сменил несколько специальностей. Сперва подался к «кармашам». Но к тонкому карманному ремеслу оказался непригоден, пальцы корявые, терпения и прилежания – нуль. А «щипач» – натура тонкая, здесь

¹⁸ Катран – место для азартных игр; прибить – обыграть.

талант нужен. Короче, помыкался на «пропуле» (принимал у крадуна кошелек и смывался), на «притырке» (с пацанами в толпе незаметно разворачивал жертву поудобнее к карманнику), а потом свалил к штопорилам – стал уличным грабителем. С тем и погорел пару раз.

– Присаживайся, Земчик, – радушно предложил Игорьку «смотрящий», когда арестант зашел в каптерку. – Поведай нам за грехи свои тяжкие...

– Какие грехи? – насторожился Земчик. – Вы чего? Зачем звали-то?

– Ты две недели назад с Сержиком в буру катал? – сходу наехал Битюг. – Только не надо юзом ходить!

– Ну, катал, – признался Игорек. – Что с того? Мало с кем я катаю...

– Только не всех потом находят с пиковиной в затылке, – заметил Алихан. – Сержик с тобой сразу расплатился или?..

– Ну, как сказать... – замямлил Земчик.

– Да так и скажи, – предложил Тайга.

– Не сразу, – признался Игорек. – Две штуки отдал, базару нет. А три за ним.

– Ты все выкладывай, – нетерпеливо влез Битюг. – Че ты обезьяну водишь? Вы же с ним на последнем апсе¹⁹ поцапались! Он же тебя за руку поймал!

– Ну, поймал, – согласился Земчик. – Так мы последний кон и не засчитали. Если бы стос был коцанный²⁰, тогда дело другое. А за исполнение спросу нет, сами знаете.

В «благородном жульманском мире» ловкость рук во время карточной игры не карается жесткими санкциями. Наоборот, красивый трюк, тонкий «вольт» всегда приветствуются. Конечно, если соперник заметит, тогда кон переигрывается либо засчитывается в пользу востроглазого. Зато крапленая колода, меченые карты считаются делом недопустимым, за это и пальцы могут поломать, и загнать в «угол обиженных».

– Вот скажи мне, лапотному, – поинтересовался «смотрящий» с ироническим прищуром, – как ты со своими корягами в «исполнители» полез? Такими мальцами²¹ даже за хрен страшно братья... – Николай Павлович вздохнул и махнул рукой: – Лады, проехали. Значит, трешку тебе Сержик так и не отстегнул?

– Ну...

¹⁹ АПС – кон, круг в карточной игре.

²⁰ Коцанный стос – крапленые, меченые карты.

²¹ Мальцы – пальцы.

– Стало быть, фуфло двинул?

– Ничего он не двинул! – возразил Игорек. – Мы договорились, что долг помолчит.

– И до которого же времени? – уточнил «смотрящий».

– Я срок не назначал. У Сержика были свои проблемы, он просил подождать. А мне что? Он пацан порядочный, сказал – сделает.

– Ну да, – скривил рот Алихан Джичоев. – Пацан сказал – пацан сделал, не сделал – опять сказал. Ты ему напоминал о замазке?

– На днях, краешком, – кивнул Земчик. – Он говорит: «Игорек, потерпи. Скоро свиданка с матерью, что-нибудь выкружу». А после свиданки на другой день его и грохнули.

– Может, он тебе сказал, что с маханей ничего не получилось? – подозрительно прищурился Коля Тайга. – У тебя терпение и лопнуло...

– Еще чего! – подскочил Игорек. – Да и не было меня на промке.

– Великое дело, – хмыкнул Алихан. – Заказал кому-нибудь – и всех проблем. Такому же должнику твоему. Часть долга ему скостил, а парнишка Сержика прикончил.

Худая мордочка Игорька покраснела; на секунду показалось даже, что звенькнули выколотые у него на запястьях кандалы, а синюшная чайка на кисти руки захлопала крыльями от возмущения.

– На фига мне его заказывать?! За это не убивают. Легче уж фуфлыжником объявить.

Действительно, попасть в фуфлыжное племя для сидельца – самое последнее дело. Не зря арестантская поговорка гласит: «Фуфлыжник хуже пидора». Собственно, «фуфло» на жаргоне как раз и есть задница. «Двинуть фуфло» сперва значило расплатиться собственной дыркой, из мальчика стать девочкой. По босяцким понятиям нынче, конечно, хуем не наказывают, но жизнь фуфела ненамного лучше петушиной. Тот, кому он должен, держит такого «пассажира» как мальчика на побегушках, может заставить выполнять самые грязные поручения. В принципе завалить зэка – а то и начальничка. Хотя бы и «главкума» Куткова. Так что Игорьку мочить Негра совсем не с руки.

– Сам подумай... – жалобно загундел Игорь. – Я бы его скорее на счетчик поставил. И был бы он у меня вечной «шохой»²². Только я ж не курва!

– И то, – задумчиво изрек Тайга. – Иди, Земчик. Да гляди, боталом²³ не мотай. Про наш базар никто знать не должен.

²² Шоха, шиха – то же, что «шестерка»: прислужник, мальчик на побегушках.

²³ Ботало – язык; то же, что «метла».

Глава четвертая, где мышонok отправляется в полет, а Леха Черныш – в областную больницу

Следующее утро принесло Косте Тайге новую весть. Когда «смотрящий» курил в отрядной беседке, читая заметку о шахматных похождениях Кирсана Илюмжинова, к нему присоседился Михалыч – самый старый лагерник на зоне. Он даже уверял, будто в конце 40-х годов видел главного «суку» Советского Союза Пивовара, когда тот «трюмил» воров на Ванинской пересылке не то еще где-то на северах. Тайга сомневался, но помалкивал. Пусть дедушка хлещется, вреда с того не будет.

– Слышь, Николай, – обратился Михалыч к Тайге, – вы тут убивца Серегиного шукаете...

– Ты откуда знаешь? – недовольно поинтересовался «смотрящий».

– Слухами земля полнится, – неопределенно бросил старичок. – Так я тебе что скажу... На неделе случай вышел, может, до этого дела касательный.

– Что за случай?

– Ну ты в курсе, у Профессора нашего мышь был, Степка...

Профессором в отряде звали бывшего преподавателя истории, пятидесятипятилетнего Андрея Андреевича Симонова. Интеллигент мотал срок за бытовуху: по пьяни нанес тяжкие телесные супруге, которую заподозрил в интимной связи с сантехником. Это была уже вторая «чалка» Симонова. В первый раз он топтал зону за побои на экзаменах. На «девятке» Профессор числился библиотекарем. Там, среди книг, и прикормил серенького мышонка, с которым вел тихие полусумасшедшие беседы, переходившие в дискуссии по поводу цивилизаций Междуречья.

– Ну, мышь, ну, Степка, – пожал плечами «смотрящий». – И что с того Степки?

– Да есть кое-что, – таинственно понизил голос Михалыч. И изложил Тайге свои смутные подозрения.

По его словам, незадолго до убийства Сержика произошло столкновение между Симоновым и одним из отрядных «козлов»²⁴ – активистом Лехой Чернышевым. Вернее, это и столкновением назвать нельзя. Просто Профессор побежал на «толчок»²⁵, а мышонка оставил на шконке²⁶. В отряде к тому времени никого не было: всех выгнали драить

²⁴ Козел – активист из числа осужденных, помощник администрации колонии.

²⁵ Толчок, он же дальняк – туалет.

²⁶ В данном случае – кровать.

плац и красить что попало к приезду очередного высокого начальства. Профессора и Михалыча не задействовали по причине возраста и тухлявого состояния.

Когда Профессор вернулся с «дальняка», выдавив из своего про- статитного шланга несколько капель раба, он увидел, как посреди барака стоит Леха Чернышев и держит за хвост мышонка Степку.

– Что за тварь по помещению шлындает? – издевательски спрашивал активист, раскручивая мышонка, словно космонавта Гагарина. – Профессор, по твоей кровати бегало!

Леха прекрасно знал, что мышонок принадлежит Симонову. Это его особо вдохновляло: Профессор, как и Степка, был существом безответным.

– Отпусти, Леша, это мой мышонок, – жалостливо попросил Профессор.

– Ты что, старый пердь, озверел? – зарыготал Чернышев. – Он же разносчик инфекций, гнусь поганая!

– Отпусти, Леша...

– Отпускаю! – грозно прикрикнул «козел» и, придав Степкиной раскрутке ускорение, вышвырнул мышонка в распахнутое окно.

Ноги Профессора подкосились, и он шлепнулся на ягодичы.

– Вот тут Сержик в бараке и нарисовался, – выдержав театральную паузу, продолжил Михалыч. – Как словно подгадал, когда мыша вылетит. И с каких делов он за этого Степку подписался? Эту крысятину уж давно надо было Геночке скормить...

Геночкой на девятой зоне называли юного крокодилчика из местного «живого уголка». Зверинец был детищем и гордостью замполита Андрея Михайловича Ширко, которого арестанты за глаза кликали Лимоном. А потому что ликом вышел, ходит вечно с кислой мордой. Только в зверинце и оттаивает маленько. Там морали некому читать. Не понимают эти твари про политику. Им бы только про пожрать.

Уголок вообще-то начался не с крокодила, а с волнистого попугайчика, который сперва висел у замполита в кабинете. Там бедная невинная птица быстро пополнила свой лексический запас и постоянно компрометировала Андрея Михайловича, вставляя реплики в самое неподходящее время. Пришлось выделять для хулиганистого пернатого отдельное помещение в жилой зоне, на месте прежнего музея боевой славы. Постепенно сердобольные родичи осужденных стали свозить в колонию других зверушек: черепаху, двух ежей, хомячка, морских свинок...

Затем появились экспонаты покрупче. За колючку потянулись со сроками сынки солидных родителей. Так вот и заплыли на девятую

зону малюсенький аллигатор Гена, лупоглазый лемуру, какая-то диковинная ящерица и ободранная мартышка, которую приволок дрессировщик цирка шапито. С ящеркой, правда, вышел скандал: оказалось, она давно занесена в Красную книгу. «Хозяин» колонии Илья Ильич Загайло пообещал набить замполиту его толстую красную морду, но тем дело и кончилось. А лемура Загайло забрал домой – для внуков. От их рук эта Божья тварь и приняла мученическую смерть. Зато ее место в зоновском зоопарке заняли два аквариума: один – с пираньями, другой – с карликовой акулой.

– Старый, ты мне Геночкой бейцы не дрочи²⁷, – прервал Михалыча Тайга. – Ты выкладывай, что с нашим Лешенькой дальше было.

– То и было, что Сержик подскочил к Чернышу, ка-а-ак врежет ему прямо в солнышко...

– Какое у этого козла солнышко? – поморщился «смотрящий». – Не солнышко, а паскудное козлячье мурло.

– А я что, про мурло? – удивился Михалыч. – Он ему в солнечное плетение задвинул!

– В сплетение, леший ты неученый.

– Да все одно, ты же понял. Короче, Черныш пополам перегнулся, как выкидуха со сломанной пружинкой, а Сержик хватить его в охапку – и швырнул в окно вслед за крысенком!

– Погоди! – перебил Михалыча Тайга. – На окнах же решетки!

– Та о то ж... Кабы не решка, так бы и вылетел.

– И что Чернышев?

– Орал, грозился Сержика на пику посадить. Тот чуть ему калган не расколол.

– На пику, говоришь? Интересный момент. Чего ж я об этом не знал?

– Так получилось, – развел руками Михалыч. – Леху через несколько дней от нас перевели в седьмой отряд. Фига о нем вспоминать?

– «Смотрящий» должен знать все! – отрезал Тайга. – Если бы ты вовремя рассказал, может, Сержик остался бы жив.

Уединившись в каптерке, «смотрящий» кликнул к себе Князя.

– Напомни, Алихан, где у нас Черныш? Что-то у него там с лепилами²⁸...

– Язва у него, Николай Палыч, – отрапортовал Алихан. – В больницу увезли, на операцию.

– Лучше бы рак, – пожелал добрый Тайга. – Распорол уже кендюхи?

²⁷ Бейцы дрочить – то же, что зубы заговаривать (бейцы, бейцалы – мужские яички).

²⁸ Лепила – врач.

– Кто его знает... Выяснить? Сейчас звякну, у них Студент «на положении».

– Не суетись, – попридержал княжеский порыв «смотрящий». – Ты помнишь, когда Черныша на «крест» спровадили?

– Да с неделю назад. Точно нужно?

– То есть до убийства Сержика? – переспросил Тайга.

– А то! – заверил осетин.

– Жаль, – коротко резюмировал Николай Павлович и вздохнул. – Так хорошо могло бы склеиться... А может, все-таки «козлы»? – задумчиво спросил он Алихана.

– Я че-то не улавливаю, – растерялся Князь. – Типа «козлы» Негра завалили?

– Да хрен его знает. Была у Черныша с Сержиком небольшая разборка с рукоблудством. Вот и мыслю: если не сам Черныш отомстил, мог кто-то по его заказу. Пошевелите это кубло маленько.

– Черныш – не тот вариант. Какой с него народный мститель? Так, говно в кандалах. Надо искать людей посерьезнее...

Глава пятая, повествующая о скорбной истории Красной Шапочки

Новое утро принесло Коле Тайге очередную головную боль. Она пришла к «смотрящему» одновременно с малявкой – запиской с воли на клочке замызанной бумаги. Клочок притаранил бывший рэкетир Вася Битюг.

– Вот, дядя Коля, люди передали, – сообщил он, протягивая Тайге листок, сложенный невысшимое количество раз.

– Шустро, – одобрил Тайга. – Лихо почта работает. Ну что, почитаем...

И он потянулся за очками. Затем медленно прочел записку, шевеля губами – и произнес задумчивое «у-гу...».

– Что там, дядя Коля? – полюбопытствовал Битюг.

– Буквы там, Вася. Много знакомых букв. И это напрягает. Интересная позиция, Вася, на нашей доске. Не будем торопиться, но кое-что надо проверить. Ну-ка глянь: у тебя такая фамилия не на слуху?

Битюг глянул в бумажку.

– Не, такого пассажира не знаю, – сказал он. – А он точно у нас на зоне?

– Откуда я знаю? Но зато на одной зоне с Сержиком он прежде чалился. Лукнись в отряды и выясни, не приходил ли такой сиделец с последним этапом.

– А почему с последним?

– Ты что, опер? Не задавай лишних вопросов. Делай, что сказано. Да! Игорька Земченко выцепи сюда, надо одну непонятку прояснить.

Битюг исчез. Минут через сорок он снова появился в каптерке у Тайги вместе с Земчиком и еще одним пассажиром – Шуриком Макеевым из седьмого отряда. Николай Палыч неторопливо переговорил с ними, затем отпустил обоих с миром. После ухода арестантов старый зэк долго сидел в одиночестве, нахмутив брови и время от времени двигая взад-вперед шахматные фигурки. Затем маякнул своему осетинскому адъютанту, и Князь вместе с Битюгом снова пошли рыскать по отрядам. А когда вернулись, Николай Палыч выслушал их и тяжело вздохнул.

– Сами-то поняли? – обратился он к подручным.

– Хуль тут не понять... – хмуро отозвался Битюг. – И что теперь?

– Эндшпиль называется, – пояснил «смотрящий».

– Это что? – не понял Битюг.

– Примерно то же, что пиздец. Но больше...

Развязка наступила на следующий день в четвертом отряде, у Слоника. В комнате отдыха собралось шесть человек: сам «положенец» с двумя подручными да Тайга с Алиханом и Васей Битюгом.

– Стало быть, раскрутил ты всю эту мотню? – обратился к Тайге Слоник.

– Стало быть, раскрутил, – кивнул Тайга.

– Тащи сюда гаденыша, чего ждать? – ощерился Слоник.

– А мы все по порядку провернем, по понятиям, – спокойно прогудел Тайга. – Их ведь надо к стенке припереть, чтобы сами раскололись.

– Их? – удивился Слоник. – Так он не один?

– Пока нам и одного хватит, – охолонул «положенца» Тайга. – Второй сукин сын думает, что ловко заховался. Но и до него доберемся.

– Короче, давай без загадок, – поморщился Слоник. – Начинай уже оперетту «Кобелиное озеро».

Тайга дал отмашку. На сцене появилась троица, которая обнаружила труп Сереги Негрия в кутке между литейкой и цехом офисной мебели: Сеня Крот, седой Петрович и мелкий, но жилистый Яша-Бяша.

– Здравствуйте, господа арестанты, – вежливо приветствовал их Коля Тайга.

– Здоров бывай, Николай Палыч, – чинно отвечив седой Петрович, а за ним что-то невнятно проблеяли Крот с Бяшей.

– Позвали мы вас, чтобы поспросить еще малость про покойного Сержика, – пояснил Тайга. – Есть у нас некоторые сомнения, хотелось бы их развеять.

– Так мы и операм, и твоим ребятишкам вроде как все выложили, – пожал плечами Петрович. – Сколько ж можно мытарить?

– Сколько нужно, столько и можно! – рыкнул Слоник.

– Станьте вот тут, у стеночки, – предложил сидельцам Тайга и обратился к Битюгу: – Вася, покличь Шурика Макеева.

– Хриstopродавца, что ли? – удивился Слоник. – И он сюда затесался...

Шурика кликали хриstopродавцем за то, что долгое время он был яростным безбожником и клеймил нехорошими словами всех «пассажиров», которые то и дело ударялись в религию. Потом Шурик вдруг сам напросился в бригадиры на строительство зоновского православного храма. Однако здорово навернулся во время установки купола, матюкнулся и снова подался в атеисты.

В комнате появился юркий парень со стоптанным лицом и печальными щеками, свисавшими с обеих сторон, как у бульдога.

– Ну, Макей, который из них? – обратился к нему Тайга с непонятным вопросом.

Шурик быстро бросил косяка на троих арестантов, притулившихся к стене под огромными портретами перекошенных старцев, в которых смутно угадывались черты Достоевского и Деда Мороза. Писавший эти лики зоновский художник Артюха Гвоздь (он же по совместительству «кольщик» зоны) утверждал, что под видом Деда Мороза изображен писатель земли Русской Лева Толстой. Ну, Артюхе виднее.

– Он, – ткнул Шурик в Яшу-Бяшу.

– Чего – я? – встрепенулся Яша. – Чего это я?!

– Остальные могут переть до хаты, – отпустил Тайга седого Петровича и Сеню, который после случая с Негром напрочь бросил курить.

Когда сидельцы удалились, Тайга пронзил Яшу тяжелым взглядом.

– Поведай нам, человеке, как ты душу христианскую загубил, – после недолгой паузы предложил «смотрящий» Яше.

– Так это что же, Бяшка Негра кончил?! – растерянно воскликнул Слоник. В голос с ним охнула и вся «пристяжь».

– Никого я не кончал! – истерически заверещал Яша-Бяша. – Не трогал я его! Я... я его даже не знал... он с другого отряда...

Глазенки у него бегали, губы дергались, как у теленка, сосущего мамкину титьку. Такие лица, наверное, были у скоморохов перед тем, как их сажали на кол.

– Бяша, не доводи меня до греха, – попросил Тайга. – Ты, может, и Женю Чепалина не знаешь?

После этой реплики с Яши в пору было писать картину ужасов «Никто не хотел умирать».

– Чепалин? – снова подал голос Слоник. – Кто такой?

– Новичок это, – пояснил Тайга. – В третьем отряде. Погоняло у него Чипполино.

– А он при каких делах? Вместе с Бяшкой Сержика кончал?

Коля отрицательно помотал головой:

– Чипполино тогда в «шизняке» был. Он только завтра выходит. Правда, Бяша, он здесь ни при чем?

«Крадунок» молчал и трясся, прижавшись к стене.

– Значит, Шурик Макей видел, как Бяшка Негру в затылок штырь воткнул, – подытожил Слоник. – Ну и лады. Кранты-винты. А зачем ты Чипполину приплел?

– Убийства Шурик не видел, – возразил Тайга. – Он кой-чего другое видел. И слышал. А вот при чем тут Чипполино, пусть Бяша сам растолкует.

Яша по-прежнему молчал. Его трясло, как нарика с передозы.

– Колись, сучара, как тебе Чепалин Сержика заказал! – гаркнул на Яшу Алихан.

– Нет! Нет! Не знаю! – взвизгнул Яша и тоненько завыл.

– Все он знает, – заверил публику Тайга. – Но толку от него сейчас не добьешься. Так что я сам расскажу.

– Валяй по порядку, – приказал Слоник. – А то пока ни хера никто не въезжает.

– Тут коленкор любопытный, – начал Коля Тайга. – Сперва мы блукали, как слепые в женской бане. За что ни схватишь – полный голяк, выскользает из рук. Пока я не зацепился за одну фиговину. Игорек Земчик в разговоре обмолвился, что Сержик ему говорил за какие-то свои проблемы, из-за которых он долг не может погасить. А ну как, думаю, в них все дело? Стал выпрашивать у Земчика, что за проблемы такие. Тот говорит: Сержик рассказывал, как его лихо кинул кореш по прошлой зоне, которая в Климске. Чертила этот откинулся полгода назад на вольные хлеба, Сержик попросил его к мамане зайти, привет передать и все такое. А этот урод прикатил и навешал маме, будто сынок ее весь в долгах, как в шелках, нужно срочно расплачиваться, чтобы Сержика не отпидарасили. Ну, старый трюк. А до сих пор катит. Слупил с мамани все ее трудовые запасы в количестве семи тонн и лапти сплел. Понятное дело, никаких долгов на прежней зоне у Сержика не было.

– Зато на нашей были, – заметил Влас – арестант из «пристяжи» Слоника. – Вот урод: мамаша от одних долгов не отошла, а он уже в другую авоську вперся...

– Именно, – подтвердил Коля Тайга. – Потому и попросил Игорька, чтобы тот с долгом обождал. Я у Земчика спрашиваю: как звали гаденыша, который такое паскудство провернул? Земчик ни хрена не знает. Что-то Сержик говорил, а может, не говорил... Лады, думаю, надо на всякий случай пробить. Слава богу, сейчас двадцатый век. Маякнул, ребята на воле с Климском связались, тамошние воры – с зоной, вот вчера пришел ответ. Пассажиры с отряда, где Сержик чалился, назвали животного, которое обуло Негра и его маму.

– Неужто Бяшка? – догадался Слоник.

Бяшка отрицательно пискнул из-под портрета.

– Бяшка два года на нашей зоне, – возразил Влас. – А Сержик несколько месяцев. Точно не он.

– Не он, – подтвердил Тайга. – Того звать Чепалин Евгений Борисович.

– Чипполино! – выдохнула публика.

– Он самый. Через несколько месяцев после фортеля с Сержиковой мамой он по новой погорел. То да се, суды-муды – на неделе прибыл к нам на командировку. Это мои ребята вчера и пробили. Короче, прибудился к нам этот лук репчатый при полном душевном спокойствии. Климск отсюда хрен знамо где, суетиться нечего. А Сержик в это время на длительной свиданке с мамашей подъедался. Бывает же такой фарт! Да только не во всем. Потому что попал Чепалин аккурат в отряд к Сержику.

– Бог не фраер, – прокомментировал Битюг.

– А то, – согласился Тайга. – Как увидел Чипполино бирку на Сержиковой шконке, так и ошалел. Сержик парень духовитый, да и вообще дело вонючее. За это опустят и фамилии не спросят. Не знаю, как в ту ночь Чипполине спалось, чего он в своей башке передумал. Можно, конечно, в «бур» закрыться, только Сержик и там достанет. А не достанет, все равно когда-то в отряд возвращаться придется. Короче, вилы. Так бы оно и вышло, если бы опять фортуна не повернулась к Чипполине передком.

– Жека, привет...

Чепалин не любил, когда ему мешают тщательно пережевывать пищу. Даже если это трижды проклятая овсянка. Вообще-то правильные пацаны стараются не ходить в арестантскую столовую – на «по-

мойку», но пока другого выбора у Женьки не было. Ништяк, придет время, раскумаримся.

Он обернулся на приветствие. Перед ним стоял Яшка Житницкий, знакомец по Климску еще с детских лет. Поганая личность этот Яшка. Вечно сопливый, в разговоре то и дело хихикает, брызгает слюной, по углам рта заеды... И вообще гниль конченная. Но сейчас Чепалин обрадовался ему, как родному.

– Здорово, Бяша, – ухмыльнулся он. – И ты здесь?

– Два года уже, – заискивающе глядя Женьке в глаза, хихикнул Яшка. – А ты с последним этапом?

– С ним, с родимым.

Чепалин отодвинул шлюмку²⁹. Такую гадость могут жрать только английские лорды и русские лошади.

– Пошли со мной, – потянул он Яшку из столовой.

– Да погоди, я еще не ел, – занял тот.

– Потопали. Базар есть. Думаю, после него у тебя и вовсе аппетит пропадет.

Яшка покорно затрусил следом за Чепалиным. Перед столовой топтались в «курилке» арестанты, которые уже расправились с незамысловатой эковской едой. Конечно, положено выходить после приема пищи сразу всем отрядом, но на «девятке» порядки повольнее.

– Чего ты, Жека? – тревожно спросил Яшка, когда Чепалин оттащил его за рукав в сторону от «курилки».

– Хотел напомнить тебе за одну вещь. Ты не забыл девяносто четвертый год? Осень золотую, детский сад номер восемь... Помнишь Климск, спрашиваю? Че ты зенками лупаешь?

Яшка побелел и испуганно стал озираться по сторонам. В этот момент из-за спины Чепалина возник Шурик Макеев.

– Пацаны, на тарочки³⁰ не богаты? – попросил он закурить.

– Бог подаст, – бросил через плечо Женька. – Не в кипиш дело, у нас здесь базар.

Шурик скорчил понимающую рожу и исчез.

– Что ты так кричишь? – нервно зашептал Яшка. – Жека, ты же обещал...

– И ты обещал, – резко оборвал Чепалин. – Пришла пора. Счет идет на часы.

– Что надо делать? – Яшка снова задержал головой влево-вправо.

²⁹ Шлюмка – миска.

³⁰ Тарочки – сигареты.

– Помочь надо одному человеку. Задержался он на этом свете. А нам с ним здесь тесновато.

– Не! Не! – Яшка замахал руками.

– Да, да, – жестко отмел отказ Женька. – Тебе не привыкать.

– Я не хотел! – пискнул Яшка.

– Никто не хотел. Я же сказал: нам с этим человечком не ужиться. Либо я, либо он. У меня выхода нет. У тебя – тем более. Слушай сюда...

– Так что случилось, Бяшка, в климском детсаду номер восемь?

Коля Тайга глядел на Яшку Житницкого с легким прищуром, как Ленин на лапотных ходоков. Скрючившийся Яшка напоминал несчастного идиота, за которого сочинил роман писатель Достоевский, горестно взиравший с портрета на душераздирающую сцену.

– Ничего не случилось! – жалобно взвизгнул Яшка. – Не знаю я никакого детсада! Напугал Шурик...

– Бяша, не дрочи на природу, – посоветовал Тайга. – У тебя ведь есть на нашей зоне земляки? Ну, чего тормозишь?

Яшка обреченно кивнул.

– Позвать? – предложил Тайга.

Яшка молчал.

– Правильно. Незачем тревожить. Мы уже поспрошали. Ага! Я вижу, память к тебе возвращается. И это, заметь, еще до того, как за тебя взялись хирурги из гестапо. Счастье твое, что опера пока не в курсах за сказку про Красную Шапочку и серого волка.

Яшка с надеждой встрепенулся.

– Э, Тайга, мы вам тут не мешаем? – «Положенец» недовольно наморщился. – Может, ты и нам этот роман тиснешь? А то мы вроде как не при делах.

– История громкая. – Тайга поднялся со стула и размял руки. Несколько раз хрустнули суставы. – Все три климских пассажира ее сходу вспомнили. В девяносто четвертом году, в сентябре месяце, через неделю примерно как дети в школу побежали, девчущку двенадцати лет неизвестный маньяк отымел вечером в гнусной форме на веранде детского садика. А потом со страху придушил. Головку набок свернул.

Все поглядели в сторону Житницкого. Яшка-Бяшка закрыл лицо руками.

– Погоди, Тайга. – Слоник попытался взъерошить свой «ежик». – Ты намекиваешь, что вот это чувырло малолетку взломало, а потом удавило? – Он ткнул пальцем в Бяшку.

– Тут и намекивать нехер, – ответил Тайга. – У него на роже все написано. А приятель его, луковка долбаная, про это дело каким-то макаром вызнал. И держал нашего Бяшку на кукане. Пока время не подошло. А когда Бяша Сержика мочил, сам Чипполино внагльк нарвался на ШИЗО – алиби себе обеспечил. Тьфу! Слова-то какие поперли. Хоть в следаки записывайся.

– И какой понт был Бяшке еще одну мокруху на себя брать? – не понял Слоник. – «Вышку» нынче не дают. Кругом гуманисты, впаяли бы на крайняк червонец. Разве что сидельцы могли забить. Да нынче народ гнилой. Раньше бы точно такого гада переломали, а теперь... Вот на прошлой зоне я чалился, в Батайске на пятнадцатой, там, блин, старичок божий одуванчик, председатель совета колонии, мотал срок за растление четырехлетней девочки. И хоть бы кто ему шнифт выдавил!

– А это как в песне поется: девочки бывают разные, – пояснил Коля Тайга. – Та, над которой Бяшка надругался, оказалась в натуре Красной Шапочкой – дочкой замначальника областной милиции. Он всю контору на уши поставил. Мусора рвали все, что на пути попадетя. За два месяца пятилетку перевыполнили! Босяков так в подвалах мудохали, что те каялись, как у попа на исповеди. Но вот маньяка, однако ж, не нашли. Сечешь поляну?

– Да, нагадил ты, ублюдок, и ментам, и блатным, – объявил Яше Алихан.

– Я не виноват... – тихо завыв Яшка, сползая по стене. – Я не хотел... Я ее случайно... Что теперь будет?!

– Включи соображалку, – посоветовал Слоник. – Уж как папашка-то милицейский возрадуется! Даже не знаю, что этот мент с тобой сотворит.

– Не говоря уже за нашу братию, – добавил Тайга.

Яшкино лицо сделалось серым. Он медленно поднялся, держась за стенку.

– Пацаны, не надо... – тихо выдавил он и хлопнул носом. – Я... это... Я сам. А? Как в прошлом году Васильич. Пацаны, а?

Наступила тишина. Затем Слоник закричал и поднялся.

– Не, Яша, вариант непроханжэ, – сурово объявил приговор «положенец». – Мы бы тебя кончили с чистой душой. Заодно с твоим приятелем. Но не судьба. Второго жмура нам мусарня не простит.

– Пацаны... – снова загнусил Бяшка.

– Пора, Яша, пора, – оборвал его лебединую песню Коля Тайга. И слегка подтолкнул маленького сутулого человечка в спину: – Иди. Дорогу знаешь.

**Глава шестая,
в которой висельник пишет сочинение «Образ маньяка
в русской литературе»**

Вскоре после мрачной детективной заварухи «кума» Куткова перевели (а точнее скажем – заслали) из городской девятой зоны в четырнадцатую колонию строгого режима: не то чтобы у черта на куличках, но где-то примерно в тех же краях – поселок Волчий Кут, пять с половиной часов от цветущего Мокропаханска. Да и там зачислили не «главкумом», а лишь «подкумом» – заместителем начальника отдела по безопасности и оперативной работе.

– А ты что, блядь, думал, мы тебя к Герою России представим за твое выдающее раздолбайство? – сурово напутствовал Куткова начальник тюремного ведомства генерал Бурдюков. – За одну неделю – два труп!

– Мы еще и «глухаря» раскрыли, – угрюмо напомнил Кутков.

– Климский маньяк – это хорошо, – одобрил генерал. – Но вы ж его не уберегли, уроды! Он же у вас под носом вздернулся в сортире!

– Разберемся, Степан Алексеевич, – тихо пообещал Кутков. – Это все блатные...

– Не тебе разбираться придется. – Бурдюков сдвинул густые брови и стал похож на нахохлившегося филина, когда тот справляет большую нужду. – И вообще, при чем тут блатные? Зэк повесился, оставил предсмертную записку. Факты подтвердились. Какие блатные?

– Он не должен был вешаться, – уперся бывший «кум».

– Знаю, – согласился генерал. – Вешаться должен был ты. Но ты же, блядь, не повесился! Полотенца под рукой не оказалось? Гляди: если что подобное в Волчьем Кутке повторится, я тебя лично удавлю недрогнувшей рукой!

И Бурдюков продемонстрировал Дмитрию Сергеевичу недрогнувшую руку с массивным набалдашником внушительного кулака, поставив тем самым жирную точку в беседе.

Место Димы Куткова занял его заместитель капитан Порошко, которого эски кликали за глаза «капитан парашки». Вскоре после назначения у нового «главкума» состоялась беседа со «смотрящим» шестого отряда.

– Присаживайся, Николай Палыч, – предложил Тайге главный опер, что было знаком особого отношения к арестанту. Обычные «пассажиры» стояли перед «кумом», подобно сусликам-байбакам – вытягивая шею и дергая носом, чтобы учуять, чем пахнет для них общение с опером. – Здоровье как?

– Благодарствую, – чинно ответил Тайга и расположился на стуле напротив Порошко. Пришедшие с ним «очевидцы» остались топтаться у порога.

– Мальчики кровавые не снятся? – полюбопытствовал капитан.

– Не, только девочки, – успокоил собеседника «смотрящий».

– Как же такая непонятка с Житницким вышла? – спросил новоявленный «кум». – Мы же договаривались...

– Но-но-но! – Николай Павлович даже приподнял со стула свое бродяжье сиденье. – Я с операми договоров не подписую. Вы меня с кем-то крепко попутали. Слава богу, с Кутковым при людях базар был. Мы разошлись каждый при своих. Кругом-бегом, как шпилевые говорят³¹.

– То есть, выходит, ты Бяшу к нам не вел?

– Я что, похож на вертухая? – оскорбился Тайга. – Сколько можно одно и то же тереть! Вы меня в вашем хитром домике который раз за одно и то же пытаете...

– Но вышли-то вы от Слоника вместе!

– И чего? – раздраженно отмахнулся Тайга. – Я вообще пошел в библиотеку.

– В два часа ночи... – сыронизировал Порошко, намекая на гайдаевскую комедию. – А Бяша чего за тобой потащился?

– Откуда я знаю? – пожал плечами «смотрящий». – Может, Библию какую почитать. Грехи замолить. Пока мы с Профессором толковали за жизнь, Бяшка попросил листок и карандашик, сел в уголку и че-то застрочил.

– Что же вы с Симоновым обсуждали? – поинтересовался Порошко.

– Это кто такое – Симонов? – не понял Тайга.

– Библиотекарь, кто же еще!

– Он еще и Симонов... – Для Николая Павловича фамилия Профессора оказалась открытием. – Да так, за Древний Рим, за всяких гладиаторов. Он мне книжку про них подогнал.

– Я потом возьму полистать, – встрепенулся опер.

– Тьма народу очередь забила, – возразил было Тайга.

– Не, ну вы совсем нюх потеряли! – возмутился «кум».

– Все, все, понял, – успокоил капитана «смотрящий». – Нема базару, Евгений Семенович, к завтраму книжечка будет у вас. Операм тоже не в падлу культуру захавать.

³¹ «Кругом- бегом, в расчете» – выражение «игровых», или «шпилевых», то есть заядлых игроков. Оно значит, что никто никому не должен, все остались при своих.

– Ох, ты наглец... – покачал головою Порошко. – Значит, Житницкий в сортире на майке вешался, а ты был сильно занят научной беседой?

– Именно, – подтвердил Тайга. – Когда мы с Профессором кинулись, Яша уже не трепыхался. Дух с него весь вышел. Хорошо, что этот засранец малявку настрочил перед тем, как вздернуться.

– Очень подробную, – заметил Порошко с сомнением. – Расписал, как в школьном сочинении. Образ маньяка в русской литературе... Вот только непонятно, откуда Негрий про убийство девочки узнал.

– Тайна сия велика есть. – Тайга пожал плечами. – Да оно вам надо? Все по полочкам разложено, нема проблем. Так что и вашим хорошо, и нашим. Кесареву – кесарево, а Богу – Божье.

– Ты прямо Христос каторжный, – хмыкнул Порошко.

– Не без того, – согласно кивнул Тайга. – Есть такая тема...

– Вот эту тему мы и закроем для ясности, – подытожил капитан парашки.

И они закрыли тему.

«А Чипполину, гражданин начальник, мы тебе на сладкое оставили, – размышлял Тайга, неспешно направляя стопы свои в отрядный барак. – Уж который день эта падла спит бестревожным сном. Думает, всех наебал, как хитрый Дмитрий: насрал в штаны, а говорит – ржавчина... Ништо; завтрашнего утра узреть ему уже не придется. Это я тебе, Парашка, могу на пидараса забожиться».

Макс Махмаг

Книги, Ленин и кино

Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино.

В.И. Ленин

(Журнал «Советское кино». 1933. № 1–2. С. 10)

– И фуфан, и матрас, и все постельное свое сразу неси на прожарку. – Дневальный Боря давал мне указания, забирая с ШИЗО после 15 суток изоляции. – Завшивел ты в БУРе, и нечего эту заразу в отряд нести.

– И где сегодня прожаривают?

– Прямо за столовой, в кочегарке. Объяснишь откуда, они все шмотки прожарят.

Я пошел к кочегарке, неся свернутый матрас с постельными принадлежностями внутри него. Был конец февраля, кочегарка работала по всей программе, и быть там кочегаром мечтали все мужики на этой «краснознаменной» зоне, особенно зимой. Потому это козырное место нужно было заслужить у администрации колонии. Заслуживали кто как умел: кто стуком на сотоварищей, кто богатыми подношениями различных яств и сигарет со своих посылок, за кого «кучерявая» родня взревала «хозяина», а кого и сама администрация пристраивала на эту теплую должность по доброте душевной. Последний вариант являлся маловероятным, но возможным.

Подойдя к кочегарке, я остановился, не веря глазам своим. Перед кочегаркой высилась черная («как душа стукача») гора угля, и это было понятно. Но рядом с ней переливалась всеми цветами радуги пестрая (а потому казавшаяся много большей в размере) гора книг и журналов.

– Принимай на прожарку! – я протиснулся с матрасом в двери кочегарки. – А что за книги при входе?

В кочегарке были двое: сам кочегар Витяка Фикса и его земляк и шнырь по совместительству Вадик Чистый. Фикса был коренастым, степенным мужиком в расцвете 35–40 лет. На воле был он крутым бизнесменом, а «за забор» попал за убийство жены по ревности и по пьянке. Дали ему восемь, пять он уже отсидел, и «грел» он хозяина через свою родню, надеясь получить заветное УДО. Вадику было лет 20–25, был он худой, услужливый и очень чистоплотный: в день раз 10–15 мыл руки с мылом, которое носил с собой. На воле был он щипачом и наркоманом, и срок у него был небольшой: «Треху дали за карман. Да если б я был не вдутый, хрен бы меня кто поймал!»

Пока я раздевался и загружал свой матрас и другие вещи в прожарочный шкаф, Чистый рассказал мне, что городской комбинат, шефствующий над зоной, решил избавиться от своей библиотеки.

– Помещение это они решили сдать в аренду каким-то барыгам. Вот и привезли они дня два назад на зону цельный автобус со связками книг и журналов. В торжественной обстановке, с корреспондентами и телевидением, состоялась передача книг, за что руководство зоны было комбинату благодарно, а хозяин даже речь толкнул корреспондентам – за заботу и духовное просвещение заключенных. Так и сказал под аплодисменты, – рассказывал мне Чистый с усмешками, запаривая чифир. Он знал, как надо встречать вернувшегося с БУРа каторжанина.

Но после отъезда комбинатских и телевидения книги, не занося в клуб, где и располагалась библиотека, было приказано отнести к кочегарке и сжечь как можно быстрее.

Дело в том, что библиотека УИН располагалась в одной маленькой комнате, большую часть которой занимало три деревянных стеллажа и стол библиотекаря, на котором он часто спал. Стеллажи библиотеки давно уже были заполнены чистыми, опрятными, подобранными по размеру и цвету книгами, которых заключенным никто и не думал давать читать. «Эти персонажи читать не умеют, им книги нужны на туалет или табак закручивать». Это наставление от замначальника по воспитательной работе майора Владимирова слышал каждый библиотекарь, заступая на эту козырную должность. Потому служила библиотека больше для показухи перед комиссиями и для блатной должности библиотекаря, на которую администрация периодически устраивала аукцион между «кучерявыми» осужденными.

В связи с этим помимо официальной библиотеки образовались на зоне неофициальные библиофонды: на ШИЗО–ПКТ, в отрядах, в сидорах осужденных. Книги заезжали на зону как с воли в передачах и посылках, так и из СИЗО, тюрем и других зон. Чтение и работа – эти два занятия отвлека-

ли от серости проживаемых в неволе дней и от раздумий о перспективах дальнейшей жизни, если у кого таковые перспективы еще имелись.

– Вот со вчерашнего дня и грузим книги в топку. Хотя какой с них жар, горят они плохо – отсырели все. Видать, и на комбинате библиотеку не отапливали, – объяснял мне Фикса, тыкая ногой в несколько стопок книг и журналов, лежащих на бетонном полу чочегарки.

– А не жалко книг-то? – Я в трусах и в ботиках на босу ногу рассматривал названия книг из этой кучи.

– Жалко, конечно. Здесь такие книги попадают, которые я даже на воле не мог найти. Помнишь? Дефицит был – все за книгами гонялись. А теперь вот все в топку грузим!

Книги были разные: и работы классиков марксизма-ленинизма, и собрания сочинений известных писателей, и приключенческие альманахи, и детективы, и учебники, и задачки, и многое другое.

– Да здесь от Баха до Фейербаха, и от Владимира Ильича до Леонида Ильича! – блеснул своими познаниями Вадик.

– А можно я пару-тройку возьму в отряд – почитаю? – спросил я Фиксу.

– Да бери, конечно. Что жечь, что раздать – лишь бы польза с них была.

Чифирнув с Витьком и Вадиком, я оделся в свои пышущие жаром, горячие вещи. Порывшись в книжной куче, я отобрал четыре художественные книги в твердых, добротных переплетах, отпечатанных на хорошей, не желтеющей бумаге: «Избранное» О'Генри, альманах «Мир приключений», сборники Эрнеста Хемингуэя и Жюль Верна. Книги были почти новые – только клеймо библиотеки комбината на первой и семнадцатой страницах. Во всех книгах даже страницы остались неразрезанными, видно, не читал их никто.

– Судя по книгам, библиотека на комбинате тоже для показухи собиралась. Что 30-х годов, что современные – все новые, – удивлялся Фикса. – И чего комбинат их в продажу не пихнул?

– Так библиотечные нельзя, – разъяснил Вадик. – Помню я пацаном еще пару книг хороших в школьной библиотеке спер. Так не приняли их в букинистическом! С печатью, говорят, не положено. Еле-еле на пузырь самопальной водки махнулся. Больше с книгами не связывался. И водка та тоже противная была.

Придя в отряд и раскинув свой матрас с постелью на шконке, я сложил книги на подоконнике. От их вида наш проходняк¹ вдруг приобрел уютный, интеллигентный вид.

¹ Проходняк, или купе – проход между двухъярусными кроватями, где стоит тумбочка.

Часть нашей бригады, та, что работала в ночную смену, была в КВР². Народ, приветствуя меня, начал интересоваться, откуда книги: «В БУРе, что ли, на память выдают?» Я объяснил, что книги из котельной и что там их много. Народ сначала думал, что я их разыгрываю, а потом начал просить завхоза и дневального, чтобы повели их к котельной за книгами, «пока их не сожгли или другие отряды не разобрали». Набралась человек десять-пятнадцать желающих.

– Боря! Да отведи их. Пусть книги выберут, пока их не пожгли. Лучше пусть читают и просвещаются, чем без толку в КВРе сидеть, – сказал завхоз дневальному. – Мне тоже пару детективов зацепите.

Дневальный и сам интересовался книгами, а потому с радостью повел желающих за добычей. Через полчаса все вернулись гружеными. В основном принесли художественную литературу. Народ начал подтягиваться и с интересом рассматривать принесенные книги. Пришедшие хвалили их, как будто собирались их продавать. К вечеру, когда с промки вернулись все бригады, Боре пришлось сводить к котельной еще один отряд книголюбов, теперь их было значительно больше: «Пойдем, наберем книг на халяву».

Началась цепная реакция – люди набирали книги не потому, что они им были нужны, а потому что и «другие набрали уже». Многие «колхозаны», не разбираясь в художественной литературе, выбирали книги с добротным твердым переплетом: для видухи и солидности.

К отбою отряд был затарен книгами под завязку: на всех тумбочках, подоконниках, полках и даже под матрасами лежали спасенные от сожжения книги. Многие даже хвастались, что у них, мол, в проходняке книг больше или они покрасивше.

Пришедший на следующее утро наш отрядный, майор Анушкин Николай Герасимович, был крайне удивлен такой любовью вверенного ему спецконтингента к книгам.

– Чего же это вы в школе-то плохо учились? На зоне решили навестать? Ну, читайте, только это... чтобы с книгами аккуратно: не рвать и ничего другого из них не делать. Боря, проследи.

Без ценных указаний Герасим не мог, это была его радость, и все это знали.

Но народ не просто хранил и бахвалился книгами, книги начали читать. Телевизор в КВР включали не более чем на два часа, а книги можно было читать без команды и везде: и в отряде, и на промке, и в

² КВР – комната воспитательной работы, где эзкам обычно читают лекции или показывают телевизор.

локалке, и даже на проверке – в задних рядах. Читать стало привычным делом, и как следствие народ начал обсуждать прочитанное и спорить, какой автор или произведение лучше. Возникли даже группы по интересам: одни любили читать детективы, другие – исторические романы, третьи – «про жизнь», а некоторые даже любили читать и спорить по произведениям марксизма-ленинизма. Даже в «семейники» начали брать с учетом – какие книги человек читает.

Количество прочитанных книг начало приводить к качественным изменениям в поведении человека. Если раньше после еды или после двадцатой партии в нарды или домино человек поднимал на тебя тупой устало-осоловевший взгляд, то теперь, оторвавшись от чтения, человек смотрел на окружающий его мир задумчивым и интересующимся взглядом. Если раньше в «семейных» разговорах обсуждали, кому что прислали в посылке или как лучше нужно было отдулиться в домино, то теперь все больше обсуждали прочитанное, сравнивая с аналогичными случаями из прошлой «вольнячей» жизни. Народ даже перестал просить дневального включить телевизор в КВР, а иногда даже наоборот – требовали выключить его: «Эта порожняковая пурга читать нам мешает!»

Задумчиво-одухотворенные взгляды и связанные с этим изменения в поведении осужденных не остались без внимания администрации УИН. В отряд зачастил зам по БОР³ колонии подполковник Семенов Семен Иванович. Он беседовал с отрядной «козлотой», смотрел и нюхал обстановку.

– Чего они все время у тебя читают? Здесь что – зона или читальня? – полушутливо, полунастороженно спрашивал он то отрядного Герасима, то завхоза.

– Ну а разве плохо, что читают? Все в рамках распорядка. Даже нарушений меньше стало, – недоумевал Гера, ища поддержки у завхоза.

Завхоз кивал и поддакивал.

– Слишком грамотные станут – права начнут качать. Революционеры-то тоже сначала только книжки читали, а уже потом их на бунт потянуло, – озадачивал Сема своими рассуждениями нашего Геру. – Смотри сам! Отвечать-то тебе.

Дошли слухи и до хозяина. Полковник Шульц был человеком образованным и дружелюбным. Но донесения Семена его насторожили. И дело было не в книгах, а дело было в том, что уже давно Сема мечтал

³ Зам по БОР – заместитель начальника колонии по безопасности и оперативной работе.

стать хозяином на зоне. И искал он всяческие нарушения в режиме, и стучал не только ему, Шульцу, но и другим, более высоким начальникам тоже.

– Надо же было им завезти эти списанные книги на зону. Сожгли бы у себя на комбинате: и им теплее, и нам спокойнее, – рассуждал Шульц, беседуя с нашим отрядным Герасимом. – Ты это... кончай этот балаган с книгами. Есть у нас библиотека в клубе, вот и хватит. А много книг чревато пожаром и антисанитарией. Потом нам отвечать. Поэтому давай, потихоньку верни книги в кочегарку.

Хозяин дал приказание, а исправный майор Анушкин приказы всегда исполнял, за что и был ценен начальством.

– Внимание сюда! Здесь скоро комиссия должна пожаловать, потому порядок в отряде надо навести. – На утреннем разводе Гера давал очередные ценные указания. – Убраться надо в отряде, и книги надо сдать дневальному. А потому, что могут придраться к нарушению пожарной безопасности, да и пыль от них. Дневальный и бригадиры, займитесь этим делом. И ты проследи, чтобы не захламляли отряд. – Это Гера сказал уже завхозу.

Народ понял, что, придя с промки, они могут не найти свои книги на полках, подоконниках и тумбочках. Многим это, конечно, не понравилось, но воевать с начальством из-за книг большинство не собиралось. Более того, некоторые сами отнесли свои книги дневальному, демонстрируя свою лояльность и исполнительность.

«По закону имею право на 30 кило личных вещей». Так говорили упорные книголюбы, пряча книги в сидорах, в тумбочках или в личных ячках каптерки. Приказ Герасима о сдаче книг они считали беспределом. Отказ сдать книги был неким актом протеста как против тех условий, в которых они сейчас находились, так и против того беспредела при фабрикации дел, в результате которого эти книголюбы сюда и попали.

«По закону имеем право!» Этот лозунг быстро расколол народ на два полярных лагеря.

«Да ты много каких прав имеешь по Конституции. Ну и что? Даже на воле не получал положнякового, а здесь-то тем более не получишь. И не надо из-за каких-то книг портить отношения с начальством и подставлять весь отряд». Это была философия одного лагеря – «соглашателей». С ними трудно было спорить, ибо их железная логика была основана на главном инстинкте – инстинкте самосохранения.

«Сегодня у нас заберут положняковые книги, а завтра заберут другое положенное нам по закону и уже более жизненно необходимое. Потому нельзя давать себя нагнуть и сдавать книги. Мы закон не нару-

шаем. Нам книги нужны для чтения, а не карты из них делать». Это была философия другого лагеря – «непримиримых». Лагерь этот был числом поменьше первого, но люди здесь были более упертые.

Была и третья группа – ненадежная бесхребетная «промежность» – это те, кто, не имея своего твердого мнения, метался от одного лагеря к другому, не зная, чью сторону принять. Они слушают, кивают и выжидают – кто победит, «на чью лошадь поставить», чтобы потом, когда все страсти улягутся, обсуждать в стане победителей, как они дружно отстаивали именно эту, победившую, точку зрения.

Но заставить осужденного «добровольно» сдать на уничтожение свои книги администрация не могла. На воле могли не так понять. Поэтому была задействована «пятая колонна»: стукачи, провокаторы и члены СДП⁴, готовые за лишнюю послабуху или УДО сотворить все, что прикажут.

Книги начали исчезать из тумбочек и из личных ячеек в каптерках. Книги брали почитать, а потом они «терялись». Говорили, что «с БУРа просили путевых книг подогнать». Собранные книги уходили из отряда, но до БУРа, как потом выяснялось, не доходили.

Но главное – исказили историю появления книг на зоне. Уже не говорили, что это была шефская помощь комбината, которую сожгли в котельной. Упорно насаждалась история о том, что книги в зону загнал какой-то барыга с воли. «Он должен был отстегнуть бабки на общак и обещал взгреть зону. Но вместо того чтобы отгрузить на зону чай – сахар – сигареты, он загрузил книги и отчитался перед братвой этим товаром. Он, барыга, видите ли, решил, что книги для нас будут полезнее ништяков. А история с комбинатом – это прикрытие: надо же было как-то завезти груз на зону». Именно так толковали члены СДП историю появления книг.

– Да на хер эти книги нужны! – так отзывались на эту историю полуголодные слушатели.

Книги уже вызывали отвращение у эзков, ибо это уже был тот предмет, с помощью которого их «лоханул барыга». Книги, когда-то спасенные эзками от сожжения, теперь валялись в туалете, их использовали для чего угодно, но уже не читали. Это стало «непутевым делом».

– Что, читать любишь? Вот из-за таких, как ты, книголюбов, и лоханули зону книгами, – так докалывались эсдэпэшники к тем, кто читал книгу, даже если она была и не из «котельных».

⁴ СДП – секция дисциплины и порядка. Члены СДП носят красные повязки на рукаве и докладывают администрации о нарушениях режима осужденными.

И если раньше зэки просили родню прислать им какие-то новые книги, то теперь такие просьбы уже не практиковались.

Администрация была довольна: «книжный бунт» был подавлен в зародыше и без ЧП.

– Вот здесь некоторые из вас возмущались, что администрация изымала книги. Но, граждане осужденные, двадцать первый век на носу. Сейчас уже книга сходит со сцены как источник информации и просвещения. Сейчас есть радио, телевидение, кино, наконец. И еще Ленин говорил, что на современном этапе важнейшим из искусств является кино. А книги что? Пыль от них, да и нарушают ведь они пожарную безопасность. Сами-то как думаете – прав был Ленин? – так закружлял свою лекцию в КВРе зам по «воспиталке» майор Владимиров, человек образованный и интеллигентный, никогда не переходивший в общении с зэками на «ты», всегда уважительно, спокойно, на «будьте любезны».

– А вот это уже неверно! Не говорил Ленин такого.

Все встrepенулись, проснулись и обернулись на Вадика Чистого, ибо это именно он встал и посмел возразить Владлену.

– Этой фразы об кино в работах Ленина нет. Она возникла уже после смерти Ленина. И возникла из воспоминаний Луначарского о беседе с Лениным. Но воспоминания эти ненадежны, ибо пересказывались своими словами по памяти, – сказал Чистый уверенно.

– Так вы считаете, что кино не является более прогрессивным искусством, нежели художественная литература? – спросил Владимиров, с интересом глядяваясь то в глаза, то в бирку⁵ Вадика.

– Чтение развивает образное мышление, дает возможность анализировать и обдумывать информацию. А кино приучает воспринимать информацию поверхностно, не давая времени на анализ. Поэтому в приведенной вами фразе о кино изначально указано, что кино – важнейшее искусство для безграмотного народа.

– Ну что же, я рад, что в вашем отряде есть люди, хорошо знающие произведения Ленина. Если что, теперь знаю с кем консультироваться, – полушутливо разрядил обстановку майор.

К вечеру в отряд пожаловал подполковник Семенов и ДПНК⁶ с двумя «цветными». Ими был произведен шмон всех вещей Вадика. Под матрасом были обнаружены четыре книги Ленина и кем-то подкиннутый самодельный нож.

⁵ Бирка – паспорт заключенного, где указывались его ФИО, статьи УК, срок, начало и конец срока. Носится на левой стороне груди.

⁶ ДПНК – дежурный помощник начальника колонии.

– Что, Чистый, на революцию потянуло? Власть решил взять вооруженным путем? – спрашивал Семен Вадика, держа в одной руке книгу, а в другой нож.

– Нет, Семен Иванович, это не наш путь. Книги мои, а нож – сами знаете, что подкинули.

– Вот и пойдешь ты другим путем на пятнадцать суток в ШИЗО. А там посмотрим.

Вадик озадаченно удивлялся: «За что?»

– А не хрена было поперек Владлена переть и весь отряд подставлять, – доходчиво объяснил ему дневальный Боря, когда начальники ушли. – Давай теперь собирай вещи.

– Так я ж ему правду сказал, как оно есть на самом деле.

– А нужна начальству твоя правда? Начальству нужно кино и цирк. Чтоб ты перед ним как клоун на цырлах прыгал. Головой думать надо, а не Ленина читать. Ну, пошли. Давай, шевели батонами. – Боря повел Чистого в ШИЗО.

Изъятые книги Ленина не сожгли, ибо было уже лето и кочегарка не работала. Потому книги пустили «на бытовые нужды».

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (декабрь 2012-го – февраль 2013 года)

Свердловская область

20 декабря 2012 года

Бунт в колонии в Копейске привлек внимание всей России. Тем временем правозащитники утверждают: ***в отдельных колониях Свердловской области ситуация с вымогательством денег у заключенных со стороны администрации, избиениями и пытками ничем не лучше, чем в печально известной ИК-6 под Челябинском.***

По словам члена общественной наблюдательной комиссии (ОНК) Вячеслава Башкова, 3 апреля он со своим коллегой Владимиром Шаклеиным посещал СИЗО № 1, где случайно обнаружил заключенных Юрия Германа и Никиту Мифтахова. Они и поведали правозащитникам о происходящем в ивдельских колониях.

«Они дали нам информацию о коррупции, пытках и избиениях в колониях № 55 и № 62. Дело в том, что ранее эти заключенные сами сотрудничали с администрацией колоний, то есть, говоря на уголовном жаргоне, являлись «красными», но затем система начала обращаться против них. Тогда заключенные стали писать жалобы», – рассказывает Башков.

Членам ОНК удалось записать видеообращение осужденных. «В колонии я занимался сбором денежных средств и продажей сотовой связи, – рассказывает Юрий Герман на снятой в СИЗО записи. – Поручение заниматься этим мне дал подполковник внутренней службы».

В результате правозащитники подготовили подробный отчет об услышанном и в апреле передали его в органы прокуратуры.

«16 апреля на рабочем собрании ОНК и руководства ГУ ФСИН я сказал о необходимости расследования данных фактов и посоветовал временно отстранить от должности начальника ИК-55. Ничего из этого предпринято не было. В результате через три дня в колонии вспыхнул бунт, – сообщает Вячеслав Башков. – Одни заключенные начали гоняться за другими и избивать их».

По версии правозащитников, отчаявшиеся зэки избивали так называемых «красных» – своих сокамерников, которые по требованию администрации вымогали с них деньги. После бунта 25 апреля члены ОНК прибыли в Ивдель.

«По прибытии мы сразу же прошли в больницу ИК-55 и прямо у входа встретили ожидающего перевязки заключенного, который признался нам, что его избили за сотрудничество с администрацией. Мы поднялись в палату, где он лежал, и все лежавшие там оказались «красными». По версии тех заключенных, которые напали на них, эти люди занимались вымогательством по поручению администрации колонии. В Копейске было то же самое, – поясняет Башков. – Вся разница в том, что в ИК-55 не все заключенные знали, кто именно вымогает у них деньги. В той же больнице мы нашли одного из нападавших, который после бунта вспорол себе живот, чтобы избежать пыток».

Эти «дела давно минувших дней» были бы нам неинтересны, если бы тревожные сигналы правозащитников не продолжали поступать и по сей день. По словам Вячеслава Башкова, в колонии ничего не изменилось и никаких мер по нормализации ситуации принято не было.

«Правда, сейчас основной поток жалоб поступает из ИК-62 – именно на избиения и пытки, уже без вымогательства, – уточняет Башков. – Мы пытаемся привлечь внимание общественности к этой проблеме. 25-го нам запретили делать видеозаписи с заключенными. По этому поводу мы подали в суд и выиграли процесс буквально на днях в апелляционной инстанции в Свердловском областном суде».

Вячеслав Башков убежден: вся разница между Ивделем и Копейском заключается лишь в удаленности от областного центра. «На бунт в Копейске моментально среагировали правозащитники и журналисты, поскольку он находится рядом с Челябинском. В Ивделе же заклю-

ченным остается лишь колотить друг друга, чтобы привлечь к себе внимание, но и это не помогает», – считает он.

Тревожные сигналы поступают и из других областных колоний. Так, заключенный ИК-47 (Каменск-Уральский) Игорь Ковалев сообщает о том, что открыл на территории колонии деревообрабатывающее производство, которое было отобрано у него, пока он находился в ШИЗО.

«У меня было отобрано множество изделий из дерева, сруб под баню, могильные кресты. Администрация различными способами вымогает деньги и товары. Регулярно избивают, оскорбляют, унижают. В настоящее время я серьезно опасаясь за свою жизнь», – пишет осужденный в своем заявлении.

Между тем официальная позиция ГУ ФСИН резко расходится с версией правозащитников. По словам правоохранителей, бунт в Ивделе представлял собой обычные «разборки» заключенных между собой, а информация о вымогательствах не подтвердилась.

«Члены ОНК после каждого посещения колоний составляют протоколы и направляют их в прокуратуру и ГУ ФСИН. Соответственно, по каждому сообщенному ими случаю проводится тщательная проверка, как минимум, внутренняя. Кроме этого, есть специальная прокуратура, надзирающая за местами лишения свободы. Так вот, в ходе всех этих проверок ни одного из перечисленных господином Башковым фактов не подтвердилось, – сообщила ответственная за деятельность пресс-службы полковник внутренней службы Елена Тищенко. – И вообще, я бы не сказала, что пророчить здесь повторение происшедшего в Копейске можно назвать гражданской позицией».

По словам Елены Тищенко, в жалобах, направляемых ОНК, фигурируют одни и те же имена лиц, находящихся в штрафных изоляторах. «Эти люди нарушали права человека на воле, а в колонии они стали нарушать правила внутреннего распорядка. Но ведь эти правила существуют как раз для того, чтобы человек изменил свой образ жизни и начал исправляться! Без этого у наказания нет смысла», – считает полковник внутренней службы.

Еще одной претензией работников ГУ ФСИН к ОНК является «однобокий» характер работы, например отсутствие деятельности по социализации несовершеннолетних заключенных. По поводу жалобы из Каменска-Уральского точной информации в пресс-службе ГУ ФСИН не дали, однако к самому факту отнеслись скептически. «Заключенный в принципе не может открыть мастерскую. Он может подать соответствующую идею, но закупать оборудование и воплощать ее в жизнь все равно должна администрация колонии», – отметила Елена Тищенко.

Московская область

1 февраля 2013 года

В Можайском СИЗО 28 января умер больной шизофренией 26-летний житель Калужской области Вадим Ермаков, работавший в столице курьером. За три дня до этого, 25 января, судья продлил ему арест, несмотря на то что подсудимый не смог назвать свое имя.

ФСИН утверждает, что подозреваемый в мошенничестве Ермаков провел в следственном изоляторе всего три дня и за это время ни разу не пожаловался врачам на здоровье. По факту его смерти проводится проверка.

В Можайский СИЗО он поступил 22 января. Как пишет «Московский комсомолец», все время пребывания в изоляторе он не ел и не пил, даже когда его пытались накормить сокамерники. После обследования медицинским работником СИЗО ему была прописана «витаминотерапия в драже».

Психическое расстройство произошло у Ермакова после первого допроса по делу о мошенничестве с землей в особо крупном размере, куда он был вызван в качестве свидетеля. После этого он провел три месяца в областной психиатрической больнице. 14 января он вновь был вызван на допрос в Одинцово, после которого стал уже обвиняемым. 15 января Одинцовский городской суд арестовал его до 26 января, несмотря на протесты адвоката.

Его защитница Елена Романова, 21 января встретившаяся с ним в СИЗО, говорит, что уже тогда он не понимал, где он находится и что с ним происходит. 25 января в Одинцовском суде ему продлили арест, хотя он уже не мог ходить и назвать своего имени.

Республика Алтай

5 февраля 2013 года

31 января **вступил в законную силу приговор Майминского райсуда в отношении троих сотрудников ФБУ ИК-1** УФСИН по Республике Алтай Дмитрия Шелегова, Дениса Грудницкого и Виталия Табакаева.

26 октября 2008 года они побили резиновыми дубинками четверых заключенных в коридоре следственного изолятора во время проверки фактов суицида среди арестантов. В результате заключенные получили травмы, которые не причинили вреда здоровью.

Шелегов, Грудницкий и Табакаев своей вины не признали. В суде они утверждали, что заключенные оговорили их. Однако эти доводы были опровергнуты.

В результате Дмитрий Шелегов осужден по п. «а, б» ч. 3 ст. 286 УК РФ к 5 годам лишения свободы с лишением права занимать должности на госслужбе, связанные с осуществлением функций представителя власти, сроком на 3 года. Денис Грудницкий и Виталий Табакаев осуждены по п. «а, б» ч. 3 ст. 286 УК РФ к 4 годам лишения свободы с лишением права занимать должности на госслужбе, связанные с осуществлением функций представителя власти, сроком на 3 года каждый.

Эти наказания были назначены судом условно, с испытательным сроком в 3 года каждому. Прокуратура пыталась обжаловать данный приговор, посчитав слишком мягким избранное судом наказание, однако ее доводы были оставлены без удовлетворения.

Иркутская область

5 февраля 2013 года

Около 300 жалоб от заключенных и подозреваемых получил Уполномоченный по правам человека в Иркутской области Валерий Лукин в 2012 году. Омбудсмену поступали как письменные, так и устные обращения. Из общей массы обращений каждое седьмое поступает из мест лишения свободы.

«Понимая, что отбывающие уголовное наказание люди далеко не ангелы, можно отметить, что и отдельные сотрудники системы исполнения наказания далеко не всегда образец законопослушания. Когда проверка десятков заявлений разных осужденных из одной колонии или СИЗО о незаконном применении к ним разных форм насилия в разное время и при различных обстоятельствах разными, а иногда и одними и теми же сотрудниками оканчивается ничем, есть обоснованные сомнения в полноте и объективности проверок», – сказал Валерий Лукин.

Уполномоченный в 2012 году посетил несколько исправительных учреждений, и каждый его приезд был инициирован обращением обвиняемого или осужденного или был связан с массовым недовольством в ИК-4, ИК-15. Однако план мероприятий по устранению недостатков в результате служебных расследований в ИК-4 не был представлен уполномоченному.

Архангельская область

6 февраля 2013 года

Прокуратурой области проведены проверки соблюдения уголовно-исполнительного законодательства в ФКУ СИЗО-1, СИЗО-4 УФСИН России по Архангельской области.

Установлено, что администрацией СИЗО-1 нарушаются требования уголовно-исполнительного законодательства о материально-бытовом обеспечении подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

В СИЗО-1 не исполняется требование ст. 23 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» по обеспечению указанных лиц площадью в соответствии с санитарной нормой в 4 кв.м на одного человека.

Администрацией СИЗО-1 не соблюдаются сроки вручения почтовой корреспонденции подозреваемым, обвиняемым и осужденным и допускаются факты дачи ответа неуполномоченным должностным лицом.

В СИЗО-4 выявлены нарушения ветеринарно-санитарного законодательства, а также порядка привлечения заключенных под стражу к дисциплинарной ответственности.

По результатам проверок прокуратурой области начальникам ФКУ СИЗО-1, СИЗО-4 УФСИН России по области внесены представления об устранении нарушений закона с постановкой вопроса о привлечении к ответственности виновных в этих нарушениях должностных лиц, незаконно наложенное на заключенного под стражу взыскание постановлением заместителя прокурора области отменено.

Псковская область

6 февраля 2013 года

Псковской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Псковской области проверено соблюдение законодательства при организации питания осужденных граждан, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

Проверкой выявлены нарушения требований Федерального закона РФ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Так, в исправительных учреждениях ФКУ ИК-2, 3, 4, 5, 6 УФСИН России по Псковской области ненадлежащим образом организован контроль за своевременностью прохождения медицинских осмотров осужденными, работающими в столовых и пекарнях. Не во всех коло-

ниях осужденным выдается специальная одежда для работы в столовых.

Гражданский персонал, а именно заведующие столовыми в ФКУ ИК-2, 4, 5, допущены к работе без прохождения медицинских осмотров, сведения о прохождении медосмотров в медицинских книжках отсутствуют.

Кроме того, столовая для осужденных, занятых на производстве ФКУ ИК-2, требует проведения косметического ремонта.

Несоблюдение требований санитарно-эпидемиологического законодательства нарушает право осужденных граждан на охрану здоровья. Прокуратурой в целях восстановления нарушенных прав граждан в адрес руководства колоний внесены представления, рассмотрение которых находится на контроле прокуратуры.

Свердловская область

7 февраля 2013 года

В уральские правозащитные организации поступают **многочисленные факты и свидетельства произвола, творящегося в исправительных колониях, находящихся в г. Ивдель** Свердловской области. Особенно много жалоб в последнее время поступают из исправительной колонии № 62, начальником которой является Гусев Александр Иванович. Факты свидетельствуют, что с назначением на должность начальника ФКУ ИК-62 ГУ ФСИН по Свердловской области Гусева А.И. ситуация с соблюдением прав человека на территории данного исправительного учреждения имеет тенденцию к постоянному ухудшению.

В ИК-62, в нарушение приказа директора ФСИН России и международных обязательств нашей страны в области прав человека, продолжают функционировать так называемые «секции дисциплины и порядка», члены которых наделены полномочиями администрации, и администрация ИУ «их руками», со слов пострадавших осужденных, занимается вымогательством у осужденных и их родственников денег. В случае отказа осужденные подвергаются пыткам, унижениям; в отношении них фабрикуются дисциплинарные взыскания с тем, чтобы ухудшить им условия содержания и сделать их заведомо невыносимыми.

Такие действия администрации приводят к весьма негативным последствиям, а именно: в ФКУ ИК-62 почти каждый год происходят восстания осужденных, в результате которых есть погибшие и пострадавшие.

Яркий пример – в апреле 2011 года произошла массовая драка между «обычными» осужденными и «осужденными-активистами». На данный момент в Свердловском областном суде слушается уголовное

дело по этим событиям. В фабуле обвинения по настоящему уголовному делу так и записано: потерпевшими являются осужденные, «поддерживающие дисциплину и порядок в колонии».

Даже Ивдельская прокуратура по надзору за соблюдением законов в ИУ, не склонная к подозрительности в отношении руководства ФКУ ИК-62, в последнее время часто вынуждена констатировать наличие грубых нарушений прав осужденных.

В последние месяцы (октябрь 2012 – январь 2013 года) начальник ФКУ ИК-62 Гусев А.И. отказывает в свиданиях правозащитникам и адвокатам в тех случаях, когда, по имеющейся у правозащитников информации, в отношении вызываемого осужденного было применено насилие, явно выходящее за пределы полномочий сотрудников данного учреждения. С осужденными, которые не жалуются на насилие, свидания ранее правозащитникам и адвокатам предоставлялись, причем неоднократно.

Это позволяет предполагать, что, необоснованно отказывая в свиданиях, начальник ФКУ ИК-62, по всей видимости, пытается скрыть совершенные в отношении осужденных преступления, так как понимает, что во время свидания правозащитники или адвокаты могут стать невольными свидетелями таких преступлений, а после свидания могут обратиться с соответствующими заявлениями в правоохранительные органы.

В этих случаях Гусев А.И. придумывает любые очевидно незаконные предлоги для отказа в свиданиях (например, непредоставление адвокатом соглашения на оказание юридической помощи, являющееся адвокатской тайной; непредоставление адвокатом или представителем правозащитной организации доверенности от осужденного; непредоставление нотариально заверенного заявления от родственников осужденного с просьбой оказать последнему юридическую помощь; отсутствие от осужденного заявления на оказание юридической помощи). Любой юрист, специализирующийся в области оказания юридической помощи осужденным, может подтвердить, что все данные «основания» не имеют ничего общего с законом.

Как правило, Гусевым А.И. для отказа в свиданиях с адвокатами и правозащитниками используется также тактика понуждения осужденных (путем применения физического или психологического насилия или под угрозой фабрикации дисциплинарного нарушения) к написанию заявлений о том, что они в их помощи не нуждаются. Впоследствии, когда такие осужденные попадают в другие исправительные учреждения, во время свиданий они поясняют, что на самом деле они

не желали отказываться от помощи адвокатов и правозащитников, но тем не менее вынуждены были такие заявления писать. У правозащитников имеются многочисленные письменные свидетельства осужденных об этом.

По существу, в настоящее время в ФКУ ИК-62 существует негласный мораторий на оказание юридической помощи осужденным. Сделано это специально, с целью обеспечения полной «закрытости» данной колонии, чтобы никакая негативная информация о ней из стен этой колонии не вышла, а все преступления в отношении осужденных скрывались.

Основные проблемы, ранее вскрытые правозащитниками, на которые жалуются осужденные в ИК-62, заключаются в следующем.

1. Наличие в ИК-62 различных форм пыток, насилия. В частности, наличие рукоприкладства со стороны сотрудников администрации и так называемых «осужденных-активистов», откровенные избиения с причинением существенного вреда здоровью тех осужденных, кто предпринимает действия по защите своих прав (попытки подачи жалоб, попытки встреч с адвокатами и т.п.).

Часто осужденные вопреки Уголовно-исполнительному кодексу РФ содержатся в одиночных камерах специально с целью их избиения в отсутствие свидетелей. Причем такие осужденные избиваются пластмассовой бутылкой с водой, удары которой не оставляют на теле следов. В условиях фактического бездействия межрайонного отдела Следственного управления Следственного комитета РФ по Свердловской области такие преступные действия сотрудников остаются безнаказанными, что, в свою очередь, приводит к еще большей разнузданности последних. Новые сотрудники перенимают «передовой опыт» старых кадров и встраиваются в бесчеловечную систему произвола и беззакония.

Вопиющий пример – избиение осужденного Кавалерова Д.В., который поступил в больницу ФКУ ИК-55 из ФКУ ИК-62 с диагнозом тупая травма живота, разрыв селезенки, острая кровопотеря 2–3 стадии, шок 2–3 стадии. Данный осужденный находился в коме, в предсмертном состоянии; во время операции у него была удалена селезенка. Однако проведенная доследственная проверка показала, что осужденный упал, выходя из туалета с высоты собственного роста. Очевидна вся абсурдность сформулированных следствием выводов относительно обстоятельств произошедшего с Кавалеровым. При этом Кавалеров отказался от встреч с адвокатом и правозащитниками, а в объяснительной, поданной следователю, написал, что причиной его диагноза стали «проблемы со здоровьем». Причин такого отказа не пояснил. Правозащитники убеждены, что Кавалеров был подвергнут

давлению с целью скрыть явно совершенное в отношении него преступление.

При очередном посещении правозащитников и адвоката осужденных в ИК-62 к нам на встречу пришел заключенный Л., который плохо говорил, и пояснил нам, что у него сломана челюсть и ему трудно с нами говорить. Кто сломал ему челюсть и при каких обстоятельствах, осужденный написал в объяснении, которое передал нам. По выходе из колонии мы сразу зашли в прокуратуру и написали жалобу. Больше мы к этому заключенному попасть не смогли.

Применяются, со слов осужденных, и иные формы пыток в виде, например, «стояния» в так называемом карантине № 2 с выводом осужденных только для приема пищи. В итоге даже у здоровых людей ноги начинают болеть, опухать, синеть, появляются хронические венозные заболевания.

Также, со слов осужденных, под угрозой физического насилия они вынуждены писать ложные объяснения о совершении ими дисциплинарных проступков, за что незаконно помещаются в ШИЗО, ПКТ; в случае написания правдивого объяснения о том, что осужденный дисциплинарного правонарушения не совершал, документ просто выбрасывается, при этом сотрудниками администрации составляется ложный акт о том, что осужденный отказался писать объяснение, вследствие чего осужденный все равно незаконно привлекается к дисциплинарной ответственности.

2. Наличие в ИК-62 различных форм унижающего достоинство обращения.

Осужденных заставляют по несколько раз на дню проходить обыск полостей тела, имеющий своей целью не обнаружение запрещенных предметов в анальном отверстии, а именно унижение заключенных. При этом такие обыски проводятся даже не медицинскими работниками, а осужденными из числа «актива», что абсолютно незаконно и создает ситуации напряжения и конфликтов как внутри ИК-62, так и вне ее.

Ярким примером является массовое вскрытие вен осужденными, следующими разными этапами из разных регионов в ФКУ ИК-62, в феврале – марте 2012 года. Причиной таких акций является имеющаяся у осужденных информация о систематических нарушениях Закона, существующих в ФКУ ИК-62, в том числе практика незаконных и унижающих человеческое достоинство «анальных обысков».

3. Наличие в ИК-62 рабского труда.

Имеют место многочисленные факты принуждения осужденных к работе (не в порядке работ по благоустройству – ст. 106 УИК РФ), в

том числе к тяжелым и опасным работам, без соответствующего трудоустройства, оплаты труда, систематически – в ночное время.

4. Наличие в ИК-62 систематических проблем с отправкой корреспонденции осужденных в прокуратуру, правоохранительные органы, суды, правозащитные организации.

По свидетельству буквально всех осужденных, с которыми удалось встретиться правозащитникам, такие обращения осужденных вопреки закону цензурируются и просто не отправляются.

На данный момент в суд подано 4 иска от адвокатов и правозащитников.

Свердловская область

8 февраля 2013 года

Глеб Эделев из Екатеринбурга сообщает: «7 февраля мы с правозащитником Алексеем Соколовым поехали на свидание с политзаключенным Игорем Матвеевым, находящимся в колонии ФКУ ИК-13. Эта колония находится на территории города Нижний Тагил, и в ней отбывают наказание люди из различных правоохранительных ведомств, судьи и адвокаты.

В половине десятого утра мы прошли на территорию колонии и попытались добиться положенного нам по закону свидания с осужденным. Каждый раз с этим возникают какие-то проблемы. Так, 4 декабря мне и адвокату Роману Качанову было отказано в свидании, а 7 декабря свидание дали только на 45 минут. На эти действия нами была подана жалоба в порядке прокурорского надзора, и прокуратура вынесла представление с требованием устранить выявленные нарушения.

В этот раз свидание нам предоставили, но только в присутствии сотрудников колонии, а Алексею Соколову сначала в нем вообще отказали, так как у него нет доверенности от Матвеева. То, что такая доверенность представителю правозащитной организации не нужна, дошло до сотрудников колонии с большим трудом. После полуторачасового правового ликбеза свидание нам дали, но по отдельности, что крайне неудобно для совместной защиты политзэка. Впрочем, это было не последнее неудобство, которое нам пришлось преодолеть.

К 11 часам меня запустили в комнату для свиданий. В этой комнате с одной стороны рядом сидят родственники осужденных, лица, оказывающие юридическую помощь, и адвокаты, а с другой стороны, за перегородкой, – осужденные. В ИК-13 равноправие. Условия для всех почти одинаковые. Разница лишь в том, что над рабочим местом адво-

катов расположена дополнительная лампочка и перегородка изготовлена не из прозрачного пластика, а из решетки, через которую можно передать заключенному для ознакомления документы. Ни о какой совместной работе адвоката и его подзащитного говорить не приходится. Как и о конфиденциальности такого свидания.

Так как мне в конфиденциальном свидании было отказано, то мое место для свидания было самым первым в ряду, рядом с комнатой для охраны. Это очень удобно (для сотрудников колонии). Можно беспрепятственно подслушивать все наши разговоры. Прозрачную перегородку убрали, и мы смогли общаться напрямую. Алексею повезло меньше. Как рассказал мне Соколов, он общался с Матвеевым через перегородку, по телефону, в присутствии сотрудника колонии. Ни о какой юридической помощи в этих условиях речь не идет. Даже над документами совместно поработать невозможно! Все было как на вокзале. Приходилось перекрикивать громко говоривших родственников осужденных, и их с Матвеевым разговор был слышен многим людям, включая адвоката, пришедшего к другому заключенному. Адвокат не был отделен от других людей, и разница между ним и родственниками была лишь в том, что он сидел в мягком кресле, а не на крутящемся жестком стуле.

Как оказалось, надзиратели и их начальство старались не зря. Матвееву было что нам рассказать, а охранникам – послушать. После того как информация о Матвееве стала появляться в прессе Свердловской области, руководство колонии сильно усложнило ему жизнь. По словам Игоря, на него были наложены два дисциплинарных взыскания. Первый выговор он получил 28 января этого года за то, что не поздоровался с начальником ШИЗО. Второй на него наложили 31 января за то, что он самовольно зашел в кабинет видеоконференцсвязи. Его отказались допустить на 3 судебных заседания, назначенных на этот день, так как его сопровождал дневальный, а не лично начальник отряда.

Как рассказал Игорь Матвеев, он лишен доступа к правосудию, так как суды проходят в других городах, а он не может вовремя ответить на запросы суда. Почту отправляют простыми письмами, что противоречит закону, и даже эти письма не доходят, так как на них не наклеивают марки, что обязаны делать, так как такие отправления не являются личной перепиской осужденного и должны быть отправлены за счет колонии. Кроме того, он не может обжаловать незаконные действия руководства и сотрудников колонии, так как начальник отдела специального учета ИК-13 Бегман М.М. без объяснения причин отказывается принимать у него жалобы и другие юридические документы.

Матвеев сообщил, что он попытался отдать заявления в порядке прокурорского надзора сотруднику прокуратуры на личном приеме, но тот отказался их принять. Он объяснил свою позицию тем, что к документам не приложены конверты и марки. Матвееву предлагают бросать всю свою переписку в обычный ящик для почты. Но это все равно, что бросать документы в мусорную корзину. Никаких доказательств отправки документов у Игоря не остается. Так, неизвестна судьба доверенности, которую Матвеев подготовил для своего адвоката Романа Качанова. Он был вынужден бросить ее в ящик для почты, но, заверил ли ее начальник колонии, он не знает.

Получается, что Игорь Матвеев находится в состоянии полной блокады и не может защищать свои права. Я сам стал свидетелем того, что иначе как произволом назвать не могу. Мне понадобилось передать 2 ответа из Нижнетагильской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в ИУ, касающихся восстановления нарушенных прав осужденного Матвеева, но сотрудник ИК-13, представившийся как лейтенант Нормуродов, запретил Матвееву оставить у себя эти документы, а мне предложил передать их через спецчасть. В результате Матвеев не смог поработать с этими документами в моем присутствии и я потерял больше часа времени, пытаюсь передать их через спецчасть и канцелярию. В конце концов мне это удалось. Сотрудницы этих отделов сами были в шоке – ведь официальные ответы из прокуратуры никакой цензуре не подлежат!

Но особый фурор произвела переданная мною для Матвеева, изданная “Правовой основой” “Настольная книжка заключенных и их родственников”, написанная известными правозащитниками Бабушкиным и Маяковым. Похоже, что сотрудники колонии посчитали ее запредельно опасной литературой!

Ситуация с Игорем Матвеевым требует немедленного вмешательства со стороны общественности. Руководство колонии ИК-13 в ожидании этапирования Матвеева во Владивосток, похоже, решило облегчить себе жизнь, не давая ход многочисленным жалобам Матвеева на действия руководства и сотрудников этого учреждения и осложняя работу его защитникам и гражданским представителям.

Надеюсь, что такие действия получат правовую оценку со стороны прокуратуры, судов, и других заинтересованных ведомств. А пока Игорь не останется без правовой поддержки. Уже в ближайший вторник, 12 февраля, адвокаты поедут к Матвееву и постараются предпринять экстренные действия для защиты его прав».

Вологодская область

8 февраля 2013 года

Сотрудника вологодского ФСИН подозревают в публичных призывах к экстремистской деятельности. Сотрудники правоохранительных органов выявили размещенный в Интернете видеоролик, который содержал призывы к ненависти и вражде по отношению к людям, не относящимся к славянским национальностям.

В совершении этого преступления подозревают 27-летнего сотрудника регионального УФСИН. По версии следствия, молодой человек разместил этот ролик у себя на странице в одной из социальных сетей.

По данному факту возбуждено уголовное дело по статье «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Его расследование продолжается, устанавливаются все обстоятельства преступления.

Москва

8 февраля 2013 года

В Матросской Тишине не лечат осужденного. В январе 2013 года в Фонд «В защиту прав заключенных» поступило обращение от осужденного Б., содержащегося в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по г. Москве.

Заключенный сообщает, что он с 2010 года имеет заболевание туберкулез легких, в связи с чем ему были назначены противовирусные препараты для ежедневного приема. Однако 21 декабря 2012 года по прибытии осужденного в СИЗО-1 сотрудники учреждения отказали в выдаче противовирусных препаратов. Осужденный сообщает, что при прерывании приема противотуберкулезных препаратов возникает привыкание к данным медикаментам, после чего они не дают положительного эффекта в лечении.

Как утверждает заключенный, на данный момент сотрудники медсанчасти СИЗО-1 не оказывают ему необходимой помощи и лечения. Также он пояснил, что имеет еще ряд хронических заболеваний, однако надлежащего лечения нет, что приводит к ухудшению состояния его здоровья.

Как утверждает Б., все жалобы на действия сотрудников медсанчасти СИЗО-1, направленные в государственные органы, подвергаются цензуре и зачастую не направляются адресату, в связи с чем 10 января 2013 года он в знак протеста отказался от приема пищи и объявил голодовку.

Сотрудниками Фонда были направлены жалобы в прокуратуру и УФСИН по г. Москве с просьбой провести проверку изложенных заключенным фактов и принять меры, чтобы нарушенные права осужденного были восстановлены, а необходимая медицинская помощь и лечение оказаны.

Волгоградская область

18 февраля 2013 года

Сергей Ключ, руководитель УФСИН в Волгоградской области, накануне провел свою пресс-конференцию. Чуть ли не самой серьезной проблемой он считает ***необходимость паспортизации бывших волгоградских заключенных.***

Очень многие бывшие заключенные после освобождения попросту отказываются оформлять документы, ссылаясь на то, что их документы хранятся у родственников, хотя на самом деле это не так.

Около полусотни заключенных, освободившихся в прошлом году, теперь живут на воле без документов. Многие из них просто не захотели возиться лишней раз с бумагами, а остальные сказали, что все бумаги лежат дома. Ссылаясь на такие показатели, Ключ пообещал, что в следующем году миграционная служба будет вести более плотную работу. В ходе пресс-конференции подметили, что из-за большого количества людей, выходящих из мест лишения свободы без документов, растет и рецидивная преступность.

По материалам зарубежных СМИ

Мир и тюрьма

Канада: аморальное сексуальное поведение в молодежных исправительных центрах

Нужно иметь хорошие нервы, чтобы работать в отделении Ситэ-де-Прэри, где находятся самые опасные несовершеннолетние преступники Молодежного исправительного центра Монреаля. Сами еще подростки, они заставляли девочек заниматься проституцией, совершали опасные нападения, изнасилования и даже убийства.

Но все это не помешало некоторым воспитательницам влюбиться в своих воспитанников. В 2007 году один из этих ребят, хорошо известный член одной из уличных банд, соблазнил 21-летнюю сотрудницу. Как только он освободился, она уволилась, чтобы жить вместе с ним.

Ее бывшие коллеги убеждены, что их связь началась либо в Центре, либо во время предоставлявшихся юноше краткосрочных отпусков. Другие считают иначе. Как бы там ни было, молодая женщина, характеризующаяся как «девушка из хорошей семьи», родила от этого по сути еще мальчика ребенка почти сразу после его освобождения из тюрьмы.

В том же году история повторилась. Еще одна молодая воспитательница. Еще один родившийся младенец. Еще один член уличной банды, который сегодня находится под следствием за сексуальную агрессию.

Поскольку обоим этим крепким парням уже исполнилось по 18 лет, обе бывшие воспитательницы избежали уголовного преследования за «сексуальную эксплуатацию» несовершеннолетних с использованием зависимого положения. Но это было лишь начало череды скандалов в Ситэ-де-Прэри.

С того времени по меньшей мере три или четыре воспитательницы были допрошены в полиции. Юные правонарушители хвастались, что им удалось затащить их в постель. Другие рассказывали, что заставляли их в объятиях своих сокамерников, тоже несовершеннолетних. В

Ситэ-де-Прэри работают около 60 воспитательниц. Десять из них оказались замешаны в мутные истории.

«С воспитательницами, которым 20–21 год и которые шефствуют над молодыми преступниками, практически одного с ними возраста, такое может случиться – девушки поддаются под их чары», – говорит г-жа Жанна Кэмел, координатор по трудовым отношениям, безопасности и условиям трудовой деятельности в Молодежном исправительном центре Монреалья.

«Особенно часто это случается именно в отделении Ситэ-де-Прэри, потому что там собраны непростые парни. Они отличные манипуляторы и соблазнитель», – подчеркивает г-жа Кэмел.

«Речь идет о красивых парнях, прекрасно сложенных, которые точно знают, что хотят услышать женщины, – подтверждает одна из воспитательниц. – Они дают им почувствовать себя неповторимыми, единственными во всем мире».

Специалист в области сексуальной женской преступности, криминолог Франка Контони придерживается того же мнения: «Когда юноша и его воспитательница практически одного возраста, нужно задать себе вопрос: кто и кого использует. Некоторые девушки довольно наивны».

Но не всегда виноват возраст. В ноябре 2007 года 47-летняя сотрудница Ситэ-де-Прэри была арестована полицией. Один из коллег застал ее на месте преступления, она обнимала юношу, у которого наступила эрекция. «Свет был погашен, дверь прикрыта», – говорится в документах, представленных в апелляционный суд Квебека.

Еще один случай. 17-летний парень, входивший в одну из уличных банд, совершил тяжкое нападение с применением насилия. За несколько месяцев до его поступления в Центр воспитательница, не сообщившая об этом случае в полицию, сопровождала его домой и оставила ему свой номер телефона.

Несмотря на его арест, в отношении нее уголовное дело не было возбуждено. Может быть, потому что она помогла полиции, свидетельствуя на процессе об убийстве, которое совершил другой парень из Молодежного исправительного центра и о котором он ей рассказал? Во всяком случае это дал понять адвокат защиты Руди Дэлман во время перекрестного допроса в суде.

Имеются и другие, совершенно недвусмысленные, случаи. В прошлом году воспитательница из Центра Труа-Ривьер, которой сейчас 36 лет, была приговорена к шести месяцам тюрьмы за то, что обнимала и ласкала троих 17-летних правонарушителей. Один из них даже прихо-

дил к ней домой в отсутствие ее мужа. И конечно же у них были сексуальные отношения.

«Молодые люди, помещаемые в центры реадaptации, весьма уязвимы, им не хватает любви, заботы, они весьма ранимы и очень часто переполнены возбуждением, ненавистью. Сотрудники должны обращать особое внимание на то, чтобы не злоупотреблять их доверием», – указал в своем вердикте судья, мотивируя тюремное заключение, вынесенное обвиняемой.

Несколькими годами ранее подобная же история произошла в Монтерее. «Один юноша во всех подробностях описал жилье одной из воспитательниц, – рассказывает один из ее бывших коллег. – Она была замужем, у нее были дети. И она была настоящая красавица. Непостижимо: это же профессиональное самоубийство!»

«У людей, выбравших своей профессией оказание помощи, зачастую у самих было тяжелое прошлое, – продолжает он. – И некоторые из них относительно легко поддаются влиянию преступников».

«Привлекательность "плохих мальчиков" очень велика», – признает другой воспитатель.

Криминолог Франка Кортони высказывает еще одну гипотезу: «Как и мужчины, женщины, допускающие сексуальную агрессию, испытывают трудности с установлением здоровых отношений с другими лицами. Они часто страдают от внешней зависимости: несовершеннолетние кажутся им менее опасными, чем взрослые мужчины. Поэтому, чтобы удовлетворить свои потребности, они используют такие совершенно неадекватные способы».

Воспитатель из Монреаля рассуждает более жестко: «Такие женщины обладают характером и стремятся сделать карьеру. Но они не знают, как правильно употребить власть, они оправдывают свои поступки, потому что они путают секс и любовь. И не надо их оправдывать, как мы не оправдываем мужчин!»

Общественность ранее никогда не слышала ни о чем подобном, но дюжина скандалов такого рода за четыре года – это было как-то совершенно нетипично для Молодежного исправительного центра Монреаля. «Это еще не предел», – утверждает официальный представитель Центра. Чтобы минимизировать такие риски, указывает Жанна Кэмел, все молодые воспитательницы, работающие с несовершеннолетними правонарушителями, проходят тщательное психологическое тестирование и получают необходимые предупреждения.

«Преступный мир безразлично относится к сексуальному беспутному поведению, – говорит она. – В девяти случаях из десяти о таких

фактах сообщают коллеги, а вовсе не тот или иной юноша. Когда кто-то из сотрудников видит, что их коллега-женщина начинает флиртовать, он тут же вмешивается».

Не все разделяют эту точку зрения, совсем наоборот. В Молодежном исправительном центре Монреаля царит «закон молчания». Так считают многие сотрудники обоего пола и разного возраста, которые не желают, чтобы их имена стали известны. Они полагают, что целесообразнее спустить все эти истории на тормозах, потому что, по их мнению, многие из этих историй то ли имели место, то ли нет. А участникам лучше потихоньку уйти в отставку.

«Вместо того чтобы задать себе вопрос, зачем брать на работу таких молодых женщин и невольно экспериментировать с этими парнями, от воспитательниц просто избавляются, – говорит один из сотрудников Центра. – Многие попросту предпочитают закрывать глаза. Но ведь если кто-то в этом увяз, то обязательно увязнут и другие».

Расследования, конечно, проводятся без огласки, но они проводятся, утверждает г-жа Кэмел. Поскольку о сложившейся ситуации стало известно, подключилась и полиция. Кстати, нечто подобное расследуется еще в одном Центре.

Франция: Сэмми Насери на свободе и скоро сыграет заключенного

Знаменитый французский актер Сэмми Насери, хорошо известный и российским зрителям по многим фильмам, но в первую очередь, конечно, по фильму «Такси», недавно освобожден из тюрьмы, отбыв 10-месячный срок заключения. Журналистам он поведал о жизни за решеткой, о своем недавнем освобождении и о планах на будущее.

В 2011 году он был приговорен парижским судом к 16 месяцам тюрьмы за нападение с применением насилия, которое он совершил в 2009 году. Седые волосы... внешне спокоен...

В свои 50 лет, возможно, он начинает новую жизнь, далекую от проблем с правосудием.

Лоран Жака, тоже бывший заключенный и друг актера, взял у него интервью в день освобождения. В этом интервью Сэмми Насери рассказал о своих впечатлениях, а Лоран Жака выложил его в Интернете.

21 марта – весенний день, и Насери заявил: «Завтра утром, когда я проснусь, везде будут цветы, потому что я освобожден». Затем он рассказал о последнем своем утре в тюрьме, которое было для него нескончаемым: «Я проснулся в 5 часов утра, начал приводить себя в порядок. К 6 утра я был полностью готов. Затем, в 7 часов открылись

двери камеры. Но мне еще пришлось ждать до 10 часов, а в 11 я вышел на свободу».

Затем его друг спросил, сколько же времени он «тянул срок». Актер ответил, что полных десять месяцев, и рассказал о своей жизни. «Я начинал в Грассе, затем переехал в Ниццу».

Герой фильма «Такси» терпеть не может насмешек и притеснений со стороны охранников. Когда он жаловался по этому поводу по телефону своей подруге, он прокричал: «Если это будет продолжаться, я покончу с собой!»

Взволнованная Одри, подруга актера, пожаловалась директору тюрьмы. В результате актера и продюсера перевели в тюремный психиатрический госпиталь в Ницце. Сэми признается, что он на самом деле пытался покончить с собой. До освобождения ему оставалось 15 дней.

«Меня отправили в больницу во Френь. Там меня лечили. Я попросил, чтобы меня перевели в Сантэ, в Париж, чтобы быть поближе к семье».

Лоран Жака спросил актера, как он оценивает современные тюрьмы.

Насери воскрешает в памяти, с какими трудностями приходится сталкиваться заключенным. «Большинство из заключенных – люди неимущие. Раньше сидеть было тяжело, потому что камеры были плохие, а сейчас, когда ты видишь, что на каждом посту не хватает одного или двух надзирателей, то все это в конечном счете отражается на тебе самом». Затем Сэмми Насери признает, что сам он находился в лучшем положении, чем другие, потому что, например, у него была отдельная камера. Но «это все же тюрьма. Все время думаешь о семье, впрочем, как и всякий другой заключенный».

Затем Лоран Жака спрашивает, было ли правосудие по отношению к нему снисходительным. «Может быть, это та цена, которую надо было заплатить, чтоб начать все сначала. Конечно, все это дорого обходится родным, которые стараются тебя пораньше освободить, но я отбыл десять месяцев из шестнадцати назначенных. А сегодня я счастлив быть на свободе».

Актер, не колеблясь, подводит некоторые итоги: «В тюрьме я видел настоящих хищников. Но видел и тех, кто стали настоящими людьми. Каждому надо дать шанс».

Хорошая новость и для самого актера, и для его родных друзей: у Сэми уже есть целый ряд проектов. «У меня была хорошая театральная пьеса, и теперь, когда я на свободе, ее будут ставить». Ирония судьбы – пьеса о тюрьме. Название несколько провокационное: «Я поджег тюрьму...» Эта пьеса основана на реальных событиях, произошедших с Лораном Жака.

Улыбающийся актер рассказывает о своей профессии, и видно, что он по-прежнему уверен в себе и в том, что на спектакль придут многочисленные зрители и пьеса им понравится.

Знаменитый рэпер Базилио предложил Сэмми Насери сыграть в его клипе, который называется «Этим вечером». Речь идет о попытке суицида, рассказал Базилио. Эта тема близка актеру.

«Песня меня тронула, – говорит Насери. – Мне понравились и слова, и то, как Базилио ее исполняет».

Может быть, эта съемка станет началом нового пути знаменитого актера кино?

США: шерифа будут судить за расизм – неизвестно когда

Джо Арпайо – самый известный шериф в США – вызван в федеральный суд. Этот человек, представляющий закон, подведомственных ему заключенных, как в Средние века, заковывает в цепи и с целью еще больше их унижить заставляет носить розовое нижнее белье. И даже наручники в этой тюрьме розовые! Теперь, как сообщил полицейский сайт, ему придется предстать перед судом за нарушение прав выходцев из Латинской Америки. За 20 лет службы этот шериф, которому недавно исполнилось 80 лет, арестовал около 30 000 человек только за то, что у них был «бандитский вид». Американцы мексиканского происхождения уже в течение многих лет обвиняют Джо Арпайо в том, что он заключает под стражу людей только за то, что у них другая национальность. Этот шериф из округа Марикора, в который входит город Феникс, всегда отрицал эти обвинения, но, как заявили в федеральном суде Аризоны, против него имеются серьезные доказательства. Впрочем, поначалу в суде предложили сторонам заключить мировое соглашение.

Ведущий дело судья предложил направить в тюрьму своего представителя с целью проследить за тем, чтобы в ней больше не нарушались нормы права. Он также должен был обучить людей шерифа, как необходимо работать с иммигрантами. Но Джо Арпайо отверг это предложение судьи. «Вашингтон ничему меня научить не сможет, а федеральное правительство не имеет права вмешиваться в работу шерифа, избранного демократическим путем», – заявил Арпайо журналистам во время пресс-конференции. Это заявление, по сути означающее начало войны между шерифом и федеральными властями, фактически открыло путь для судебного процесса, который, возможно, состоится еще в этом году.

Тем временем шериф продолжает произвольно арестовывать представителей Латинской Америки по привычному сценарию: его люди с

целью «поддержания общественного порядка» перекрывают дороги в тех местах, где живут и работают латиноамериканцы (в основном выходцы из Мексики), составляющие примерно треть жителей штата Аризона. Все, у кого на момент облавы отсутствуют документы, тут же направляются в окружную тюрьму. В тюрьме, несмотря на то что многие из задержанных говорят лишь на родном языке – испанском, с ними говорят исключительно по-английски. Для того чтобы продлить срок заключения, используется любой предлог. Если вдруг кому-то из охранников показалось, что задержанный чем-то недоволен, срок его заключения тут же продляется на несколько месяцев. Много здесь и испаноязычных автомобилистов. Неправильная парковка, разбитая фара, превышение скорости – все эти мелкие нарушения заканчиваются для них тюремным заключением. Все арестанты живут не в помещениях, а под тентами, окруженными колючей проволокой. Эти условия очень напоминают концентрационный лагерь. По приказу шерифа и мужчин, и женщин сковывают цепями. «Я – первый в истории человечества, кто приказал сковывать цепями женщин. Точно так же, как если бы это были мужчины... Исключительно заботясь о равенстве», – уточняет Джо Арпайо.

А чтобы как-то оправдать эту охоту на ведьм, шериф утверждает, что он борется с незаконной иммиграцией.

Эта его борьба, кстати сказать, получила полную поддержку со стороны белого большинства жителей штата Аризона, расположенного на мексиканской границе. Недаром ведь его уже 20 лет подряд избирают шерифом.

Франция: тюрьма без решеток от Пьера Боттона

Бывший заключенный Пьер Боттон предложил свой проект тюрьмы, который он разрабатывал все 20 месяцев своего тюремного заключения. Первый камень будет заложен в маленьком городке Сен-Жюльен-сюр-Сюран, в департаменте Юра. И хотя жители этого городка на референдуме 54 процентами голосов высказались против (решение референдума носит лишь рекомендательный характер), муниципальный совет не согласился с ними и проголосовал за этот инновационный проект. Сотрудники тюрьмы, расположенной неподалеку, в городке Лон-ле-Солнье, также высказались против строительства этой тюрьмы «открытого типа».

Тюрьма без решеток. В небольших деревянных коттеджах – индивидуальные камеры размером десять квадратных метров каждая. Вдали – двойная металлическая сетка. Никаких вышек. Никакого карцера. Учреждение рассчитано на 120 заключенных. Все они должны быть

осуждены впервые, к небольшим срокам лишения свободы, не превышающим пять лет. Никаких сексуальных преступников, равно как и никого из тех, кто совершил какие-либо кровавые преступления.

В этой экспериментальной тюрьме каждый осужденный может свободно покидать свою камеру. Именно так мыслит Пьер Боттон, бывший бизнесмен, проведенный в тюрьме больше 600 дней в 90-х годах прошлого века, осужденный за злоупотребления корпоративными активами. За 20 месяцев, проведенных в камерах то в одном следственном изоляторе, то в другом, он почти умер морально. А освободившись, Пьер Боттон организовал ассоциацию «Душевные тюрьмы». И начал сражаться за то, чтобы изменить облик французских пенитенциарных учреждений.

Своей пилотной тюрьме он хотел бы дать имя Шарль-Рош. Так зовут одного тюремного надзирателя, который в сочельник спас ему жизнь. Была жуткая депрессия...

Эта тюрьма будет отчасти походить на деревню. С площадью, деревьями, со спортивными залами и учебными классами, библиотекой, общей для всех телевизионной комнатой. Это все для того, чтобы заключенные не были изолированы в своих камерах. Они просто обязаны жить вместе, контактировать друг с другом, помогать друг другу – все для того, чтобы лучше подготовиться к жизни на свободе. В своей тюрьме Пьер Боттон предусмотрел большое количество комнат для длительных свиданий, потому что, по его мнению, «наказание – это лишение свободы, а вовсе не лишение сексуальности».

«В комнаты длительных свиданий ведут два входа: один для заключенных, другой – для родственников. Обязательно должен быть манеж. Это то, чего мне не хватало, когда я сам сидел. Я не хочу, чтобы мои или еще чьи-то дети видели все эти решетки, слышали весь этот тюремный шум. Это шокирует ребенка».

Главная новация этой тюрьмы-деревни – обязательное наличие рядом с камерами коммерческого центра, где заключенные смогут работать в полном контакте с самыми разными «вольными» заказчиками. Основная цель этого – успешная реинтеграция заключенных в общество. Азиз Вардар, хозяин парижского театра «Ле Палас», – один из предпринимателей, работающих с Пьером Боттоном по программе реабилитации заключенных: «Для меня целью является сделать так, чтобы человек, укравший куриное яйцо, после своей отсидки не украл уже корову». И добавляет: «Идеал – иметь цель, то есть если ты чему-то научился, ты сможешь получить работу в театре, и твое будущее, когда ты выходишь из тюрьмы, только начинается».

Этот проект «открытой» тюрьмы поддержан Министерством юстиции и лично министром Мишелем Мерсье. Там полагают, что философски тюрьма Боттона может стать моделью тюремного будущего, по крайней мере для тех, кто осужден к небольшим срокам заключения, кто намерен честно отбыть свое наказание и для охраны которых никакие вышки не нужны. Жан-Мари Деларю, Генеральный контролер мест лишения свободы, также утверждает, что у тюрем «открытого типа» много позитивных моментов. Он, между прочим, отмечает, что одна такая тюрьма существует уже более двадцати лет, на Корсике, в Касабьянде. Правда, та тюрьма предназначена для осужденных на длительные сроки лишения свободы за совершение сексуальных преступлений. Заключенные тюрьмы Касабьянда на тюремных фермах занимаются выращиванием скота. В своей тюрьме под открытым небом они живут почти свободно. «И никто не сбегает», – уточняет Жан-Мари Деларю. По поводу тюрьмы Пьера Боттона, разделившей жителей городка Сен-Жюльен-сюр-Сюран на два лагеря, он добавляет: «Я полагаю, что строительство тюрем, целью которых является ресоциализация, менее опасно, чем строительство обезличенных тюрем, “предприятий по лишению свободы”, где люди ожесточаются, а по выходе будут представлять собой опасность».

Однако этот проект вызывает беспокойство в Пенитенциарной администрации. «Насстораживает методология, которая состоит в том, чтобы позволить частному лицу проявлять инициативу в строительстве пенитенциарного учреждения», – поясняет Борис Тарж, директор тюрьмы в городе Нанте, являющийся одновременно национальным секретарем Национального союза директоров тюрем. UFAP – основной профсоюз пенитенциарных сотрудников – также высказался против этой экспериментальной тюрьмы, строительство которой обойдется в 10 миллионов евро.

Франция: наказание последовало мгновенно

«Мини-бунт», как его окрестили французские СМИ, 10 апреля 2012 года произошел в тюрьме города Везен-ле-Коке, находящегося неподалеку от Ренна, административного центра Бретани.

Тюрьма Везен-ле-Коке открыта в 2010 году, но уже переполнена. В настоящий момент в ней содержится 768 человек, тогда как рассчитана тюрьма на 690 заключенных.

... Ближе к вечеру, во время прогулки, заключенные напали на надзирателя и отобрали у него ключи от камер первого этажа, открыли их, выбросили в центральный проход матрасы, холодильники и осталь-

ные вещи, а затем, собрав все имевшиеся бумаги, подожгли их, устроив тем самым пожар.

По всей видимости, акция была спланирована заранее. В ней участвовали несколько человек, осужденных к длительным срокам заключения.

Прибывший наряд полиции, пожарные и отряд тюремного спецназа вскоре взяли ситуацию под контроль. Получивший незначительные ранения надзиратель был госпитализирован, но его жизни, по сообщению официальных лиц, ничто не угрожает.

Против четырех зачинщиков было тут же возбуждено уголовное дело.

Обычно принято считать, что правосудие на Западе длится очень долго. Это действительно так, но только не в подобных случаях, когда все ясно и понятно и нет нужды собирать какие бы то ни было дополнительные доказательства. Уже 13 апреля, то есть всего через три дня, французская Фемида в рекордно короткие сроки наказала зачинщиков массовых беспорядков. Дело было рассмотрено в исправительном суде (без проведения предварительного следствия).

52-летний Фаузи Харбауи и 24-летний Грегори Ларнье получили по пять лет тюремного заключения в дополнение к тому сроку, который они отбывали на момент участия в бунте. Они признаны виновными в том, что напали на сотрудника тюрьмы, отобрали у него ключи, открыли камеры и устроили пожар.

Двое других заключенных, которые на момент участия в массовых беспорядках были подследственными, получили соответственно один и два года тюрьмы. Теперь им предстоит еще один суд, где им назначат наказание за преступления, совершенные ими до участия в массовых беспорядках. Учитывая уже заработанную «репутацию», наказание легким не будет.

США: в тюрьмах страны содержится более 66 000 несовершеннолетних

Прошедшая в США фотовыставка, посвященная несовершеннолетним, содержащимся в американских тюрьмах, наделала много шума. Шокирующая и одновременно вызывающая беспокойство, она показывает жестокость и отчаяние американского правосудия. А ведь некоторые страны Западной Европы пытаются идти по этому пути, ужесточая наказания для своих юных граждан.

Многие фотографии шокируют. На одних запечатлены группы заключенных, на других – портреты, но все они вызывают гнетущее бес-

покойство. Ни у этих мальчиков, ни у этих девочек не проглядывается будущее. И не важно, сколько им еще сидеть, где именно сидеть, в какие реабилитационные программы их включают. В течение пяти лет американский фотограф Ричард Росс ездил по Соединенным Штатам и снимал, снимал, снимал... В результате получился большой фотоальбом – грустный, тревожный, заставляющий задумываться: а правильно ли, что такое огромное количество этих детей сидит в тюрьмах? В фотографиях перемешались работающие и учащиеся несовершеннолетние узники, здания и зарешеченные окна, грязные и чистые камеры, прогулочные дворы и игровые площадки, высокие стены и колючая проволока... И выставка, и изданный фотоальбом называются «Несовершеннолетние в правовой системе», что, с одной стороны, полностью отражает замысел автора, а с другой – дает полную свободу мыслям, возникающим после просмотра фотографий.

Среднесписочная численность несовершеннолетних в американских тюрьмах составляет 60 500 человек. В этой стране детей сажают за решетку в шесть раз чаще, чем в любом другом развитом государстве. А через центры заключения ежегодно проходит 500 000! Системе, по которой любого подростка можно отправить за решетку, более 100 лет. Первый специализированный суд по делам несовершеннолетних был основан в Чикаго в 1899 году. А до этого времени дети и взрослые вообще содержались в заключении вместе.

Отчет, который только что опубликовала неправительственная организация Fondation AnnieE. Casey, посвящен вопросам сокращения численности несовершеннолетних, взятых под стражу и осужденных к лишению свободы. В этом отчете четко и ясно (чего раньше не делалось вообще) сказано, что существующая система опасна, неэффективна и бесполезна. Она затратна и неадекватна. Но что немаловажно, она также абсолютно непрозрачна. Рассказы об ее эффективности совершенно не соответствуют реальности. Судебная система идет на поводу у мнения населения, которое считает, что чем сильнее будет наказан преступник, в том числе несовершеннолетний, тем безопасней будет в обществе. Но это далеко не так. Взять хотя бы соседнюю Канаду, где, притом что законы гораздо мягче, уровень преступности гораздо ниже.

Из своего долгого путешествия по 35 центрам заключения для несовершеннолетних в 30 американских штатах Ричард Росс вынес пугающее откровение: «Я вырос в мире, где старались решать возникающие проблемы, а вовсе не в мире, который пытается уничтожить свое население. Все, что я видел, для меня – это стыд, потому что я наблюдал, с чем приходится сталкиваться этим детям».

Никакая статистика, никакие аргументы, никакие теории или «успешные» примеры не могут противостоять этим фотографиям, показывающим, как разрушительно действует система на неокрепшее сознание юных правонарушителей. Это фото из ада, в котором они пребывают и частицу которого после освобождения они принесут к нам, в общество.

Канада: «великий канадец» – преступник и писатель

В доме для престарелых в канадском городе Корнуолле в возрасте 73 лет скончался знаменитый писатель и не менее знаменитый грабитель банков Роже Карон, которого бывший премьер-министр Пьер Трюдо называл «великим канадцем».

В 1978 году Карон получил, пожалуй, самую престижную канадскую литературную премию, присуждаемую генерал-губернатором. Эта премия была присуждена ему за мемуары «Вперед, пацан!», написанные в тюрьме.

В своем автобиографическом произведении Карон описывает 24 года своей жизни, проведенные за решеткой в результате первой судимости. А всего в тюрьме он провел 50 лет. Как преступник он стал известным в 60-х годах после серии ограблений банков. Кстати сказать, именно Карон ввел «моду» надевать на дело маски – сначала Никсона, а потом и Рейгана, которые, кстати говоря, тогда еще не были президентами. Позднее этот прием неоднократно использовался другими налетчиками...

В первый раз в тюрьму Карон попал, будучи несовершеннолетним. Отсидев свой срок и став благодаря публикации и полученной премии популярным писателем, казалось, он полностью изменил свою жизнь.

Но так только казалось. Во время своей первой отсидки Карон пытался совершить побег более десяти раз. Долгий тюремный срок, по-видимому, настолько изменил его личность, что дороги назад – к законопослушной жизни – он не видел. И конечно же попался вновь. А тут еще он пристрастился к кокаину...

В 1993 году Карон был признан виновным в совершении семи преступлений. Последнее, за которое его и арестовали, он совершил в Оттаве, ограбив магазин «Зеллерс». В том же году его судили и признали виновным в нападении и захвате заложников в психиатрической клинике в городе Броквилле, расположенном на юго-востоке провинции Онтарио. Журналисты дают ему прозвище Бешеный Пес.

В октябре 2001 года его опять задерживают и в спортивном рюкзаке находят пистолет 32-го калибра, парик, сменную одежду, нож, хирургические перчатки и клейкую ленту. По всей видимости, он вновь

собирался совершить налет. Но, поскольку доказать умысел не удалось, его в 2004 году осудили еще к 20 месяцам тюрьмы лишь за незаконное владение пистолетом.

Попав в тюрьму несовершеннолетним, Карон не умел ни читать, ни писать. И лишь там, в заключении, он начал изучать грамоту. Он буквально перечитал все книги, имевшиеся в тюремных библиотеках. В один прекрасный момент его посетила гениальная мысль: а не попробовать ли и самому что-то написать, тем более что при его бурной жизни писать ему было о чем. Оказалось, что у парня талант...

Воодушевленный успехом на литературной стезе, Карон, как уже сказано выше, постарался порвать с уголовным прошлым. Власти Канады помогали, как могли: Карона старались представить как «образцовый продукт системы реабилитации преступников».

После «Вперед, пацан!» он опубликовал еще два произведения. Повесть «Девчонка» рассказывает о произошедших в 1971 году в тюрьме города Кингстона массовых беспорядках, свидетелем которых, а возможно, и активным участником был сам автор.

В романе «Похищение мечты» перемешались и фантастика, и политика, и обычная уголовщина. Здесь и план убийства канадского премьер-министра, и намерение совершить ограбление, предпринимаемые одним американцем, который совершает дерзкий побег из тюрьмы в Техасе.

...Из исправительного центра Мейлпхерст он освобожден в апреле 2005 года. Было ему уже 67 лет. Некоторое время он проживал вместе со своей женой Барбарой в Онтарио, а затем переехал в Корнуолл.

В начале 80-х годов прошлого столетия у Карона была диагностирована болезнь Паркинсона. Поскольку детей у него не было, а с женой они расстались, знаменитому писателю-грабителю последние годы пришлось прожить в доме для престарелых.

Роже Карон был не только талантливым и яркой личностью, но и живым парадоксом, в котором тесно переплелись и закоренелый преступник, и поистине выдающийся писатель. И этот странный симбиоз так не был нарушен до самой смерти...

Франция: комиксы в тюрьме Френь

Каждый вторник вот уже в течение пяти месяцев Жиль Рошье приходит в тюрьму Френь и ведет занятия в мастерской. Уроки называются «Что такое комиксы и как их делать».

– Нет здесь никаких уродов, – говорит Рошье. – Я вижу лишь заинтересованных парней, которые каждый раз спрашивают, принес ли я какие-нибудь книги.

А всего на занятия к Рошье ходят более 30 заключенных.

Всклокоченные волосы, борода, смеющийся взгляд. Так выглядит этот художник, который в 43 года получил один из главных призов Ангулемского фестиваля за свой альбом, который называется «Моя мать – путана». Создание этого альбома было навеяно детскими воспоминаниями из парижских пригородов.

– Приз мне вручили в феврале. Когда заключенные узнали об этом, вся тюрьма криками поздравляла меня. А когда я пришел на занятия, они выстроились «почетным караулом», – улыбаясь рассказывает художник.

Но всему когда-нибудь приходит конец. Вот и этот проект, придуманный Пенитенциарной службой ресоциализации и пробации (ПСРП), подержанный рядом общественных организаций и финансируемый властями региона Иль-де-Франс, подошел к концу. Посмотреть на комиксы, созданные заключенными и размещенные на несколько часов вдоль коридоров тюрьмы, освещенных яркими неоновыми лампами, собралось много народа. Почти все извне – то есть не из тюрьмы. В этом пенитенциарном учреждении, построенном в конце XIX века, посетители рассматривают творчество заключенных в огромном центральном коридоре и в коридорах поменьше, расположенных на четырех этажах.

Среди посетителей – Берте Он, популярный французский создатель комиксов, лауреат нескольких международных премий, сам отсидевший немалый срок в тюрьме:

– Комиксы несколько схематичны. Но вы знаете, в тюрьме нельзя рисовать тюрьму такой, как она есть. Когда я рисовал, отбывая срок, все мои рисунки контролировались администрацией.

Берте Она пригласил выступить перед заключенными Жиль Рошье. А тому есть что рассказать. Самый первый комикс, который нарисовал Берте Он, назывался «Побег». И создал он его в тюрьме города Нантерра.

– Жизнь полна неожиданностей, – говорит улыбаясь Берте Он. – Вот и я опять вернулся в тюрьму Френь, с которой впервые познакомился, когда мне было восемнадцать лет... Когда я сидел, – рассказывает заключенным Берте Он, – я был, можно сказать, примерным заключенным, потому что я заочно получил высшее образование и сдал экзамены на бакалавра. А такие вот занятия, какие с вами проводил Жиль Рошье, были для нас как «глоток свободы». Приходилось чуть не драться, чтобы иметь возможность в них участвовать – столько было желающих!

В тюрьме Френь из 2200 заключенных только 35 смогли посещать курсы комиксов. Больше нельзя, просто потому что больше не поместится в мастерской. А на выставке вообще присутствуют лишь трое из

тех, кто участвовал в проекте: одни уже попросту освободились, другие – на прогулке, третьи – на свидании, четвертые – в камерах, потому что не хватает надзирателей, чтобы их привести.

Во время занятий, по согласованию с тюремными властями, было решено не затрагивать в рисунках «политические» темы.

– Я и предложил им тему, которая «жалит» немножко любого: детство, – объясняет Жиль Рошье.

Вот 24-летний Юсеф и представил в рисунках самого себя в детстве, когда отец привел его записываться в футбольную секцию. Но малыш убежал, когда увидел, что у одного из игроков не хватает на руке пальцев.

– Я сделал небольшую книжку со своими рисунками и хочу подарить ее невесте, когда она приедет на свидание, – говорит Юсеф.

Рядом рисунки уже совсем на другую тему. На пикапе стоит мужчина, в руках у него бутылка с зажигательной смесью, и он кричит: «Нас преследуют военные из Джанджавида!»

– Заключенный, который это нарисовал, родом из Дарфура. Думаю, он изобразил что-то из своей собственной биографии, – комментирует Жиль Рошье.

Дальше располагается серия комиксов, изображающих жизнь сиrotы в 1965 году. Затем идет рисунок «Я решил спастись». А заканчивается серия «Первым арестом за кражу хлеба в 13 лет»...

Жиль Рошье говорит:

– Я не знаю, зачем я прихожу в эту тюрьму. Но я знаю точно, что те, с кем я занимаюсь, выйдут из своих камер размером девять квадратных метров, оторвутся от телевизора и на какое-то время улетят из тюрьмы, хотя бы в мыслях.

Он не только научил заключенных чему-то хорошему. Он и сам нашел себе тему. В следующем своем альбоме комиксов Жиль Рошье нарисует эти встречи и расскажет о своих учениках-заключенных.

Филиппины: заключенных обеспечат работой

В парламент страны внесен законопроект, согласно которому осужденным должна предоставляться работа, с тем чтобы они могли выплачивать компенсации жертвам преступлений, а также помогать своим семьям и готовиться к возвращению в общество.

Как заявляют парламентарии, этот закон необходим, чтобы заключенные во время отбывания наказания могли получить профессию, компенсировать причиненный ими вред, подготовиться к жизни на свободе и стать полезными членами общества.

«Коррекция и реабилитация являются основными задачами пенитенциарной системы, – говорится в пояснительной записке к законопроекту. – Внедрение трудовой деятельности может быть эффективным средством для реабилитации заключенных и снижения рецидива».

Законопроект предусматривает выплату вознаграждения работающим заключенным на основе количества и качества выполненных работ. Одна часть зарплаты будет зачисляться на лицевой счет заключенного (30%), вторая – пойдет на выплату компенсаций жертвам (40%), третья – на помощь семьям (30%).

Предполагается, что не менее 40 часов в неделю в обязательном порядке должны будут работать все здоровые заключенные в возрасте от 18 до 55 лет.

США: заключенные заботятся о брошенных кошках и помогают себе

Поскольку Принцесса Натали была никакой не принцессой, а обычным котенком, ее и бросили на улице в клетке вместе с еще одним представителем семейства кошачьих. Прохожие, надо отдать им должное, подкармливали брошенных животных, но не более того: забрать их к себе домой никто не спешил. Через какое-то время и Принцесса Натали, и ее собрат настолько отвыкли от людей, что стали их бояться.

Когда же все-таки нашелся сердобольный человек и взял Принцессу к себе домой, она не только исцарапала его до крови, но и перевернула в доме все вверх дном. Пришлось нести кошку в приют. Буквально за день до того, как ее должны были усыпить, тюрьма с минимальной степенью безопасности штата Вашингтон предложила другое решение: передать Принцессу заключенным.

Прибытие Натали в марте в тюрьму Яколт позволило 28-летнему Джоуи Контрерасу переселиться из общей спальни на 40 человек в камеру на двоих. Вместе со своим сокамерником и еще двумя заключенными он после различных тестов и собеседований был отобран в группу из четырех осужденных, включенных в программу «Мягкие кошки», в которой участвует и тюрьма Яколт.

– Никто не хотел брать Принцессу, – говорит Джоуи, – а мы взяли – и это классно!

Поначалу, правда, не все шло гладко. Черная пушистая кошка, которой, по мнению специалистов, было не более 6 лет, оказалась агрессивным и недружелюбным зверем, любящим пускать в ход когти и зубы. Но постепенно она как бы переродилась. Теперь ей нравится, когда ее ласкают и расчесывают. Она даже согласна посидеть на руках, но только

не очень долго. Принцесса Натали все еще часто шипит, но царапается уже гораздо реже. Джоуи и его сокамерник воспитывают кошку по очереди.

Вторая кошка, Клемантина, тоже участвующая в программе, досталась Ричарду Амаро, которому также позволили из общей спальни переехать в отдельную камеру.

– Ну, мы быстро привыкли друг к другу, – смеется Амаро.

Руководство тюрьмы надеется «принять на воспитание» еще четырех брошенных кошек. А отбираемые в «воспитатели» заключенные должны отличаться примерным поведением. В противном случае из одно- и двухместных камер им придется опять съехать в «общую камеру».

Пенитенциарный советник Моника Камачо поясняет, что этот эксперимент служит для того, чтобы помочь в первую очередь тем заключенным, которые испытывают острое чувство одиночества.

– У таких заключенных, как правило, наблюдается некий «уход в себя», – подчеркивает она. – И это может плохо кончиться. А с этими кошками им просто некогда погружаться в мрачные мысли, поскольку они должны о них заботиться, выгуливать, кормить и т.д.

Канада: пребывание в тюрьме резко подорожает

С 2013 года заключенные канадских федеральных тюрем будут больше платить за питание и размещение. Об этом сказано в совместном заявлении министра общественной безопасности Вика Товьюза и сенатора Жана-Ги Дажене. Данные меры пока не коснутся пенитенциарных учреждений, находящихся в ведении местных властей.

Ими были объявлены пять новых мер, направленных на «усиление ответственности преступников», а именно: за питание и размещение заключенным придется платить значительно большие суммы; будут упразднены различные премии и бонусы, которые в настоящее время выплачиваются работающим в тюрьмах осужденным; телефонные переговоры будут оплачиваться за счет самих заключенных без всяких исключений.

А чтобы сотрудники пенитенциарных учреждений не становились «персональными покупателями» для заключенных, процедура приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости в магазинах, расположенных за пределами тюрем, будет значительно упрощена, что, в свою очередь, позволит разгрузить персонал от постоянных «походов» за заказанными товарами.

Что касается столовых в тюрьмах, то они полностью перейдут под руководство самих заключенных, что также позволит высвободить определенное количество персонала. В настоящее время такая система, при которой столовыми заведуют сами заключенные, уже функционирует в 85% федеральных тюрем.

Как уточнил министр Товьюз, эти меры, одновременно являющиеся частью программы социальной реинтеграции, позволят ежегодно экономить примерно 10 миллионов долларов.

Начиная с 2013 года все работающие и получающие денежное вознаграждение заключенные 30% от своих доходов должны будут отдавать за затраты на проживание, питание и коммунальные услуги. Как заявил во время пресс-конференции сенатор Дажене, эти выплаты будут составлять от 1,58 до 2,08 доллара в сутки. Вместе с тем необходимо отметить, что работающие заключенные получают меньше установленного для граждан Канады минимального размера оплаты труда.

– Заключенные должны и будут участвовать в расходах, связанных с их заключением, – уточнил г-н Дажене. – Это позволит установить некий паритет с расходами обычного гражданина Канады, у которого на оплату жилья уходит около трети его доходов.

По словам г-на Товьюза, заключенные «должны понимать, что за их пребывание в тюрьмах платят налогоплательщики. И мы полагаем, что целесообразно потребовать от них, чтобы часть денег, которые они зарабатывают, заключенные отдавали за питание и пребывание, что они делают и сейчас, но в меньшем объеме».

Лидер оппозиции Томас Мулкайр считает, однако, что такое нововведение является движением вспять.

По его мнению, отмена программ, направленных на сокращение рецидивной преступности, даст обратный эффект. В то же время он так и не сказал «за» он или «против» принципа взимания платы с заключенных.

Для лидера Либеральной партии Боба Рэя эти новые меры являются доказательством того, что «авантюра» с принятием противоречивого закона С-20, внесшего многочисленные поправки в Уголовный кодекс, «обойдется гораздо дороже», чем это предусматривалось.

Г-н Рэй полагает, что сделанное министром Товьюзом заявление является некой импровизацией. «Чрезмерные» изменения, вносимые правительством Стивена Харпера, состоящего из консерваторов, приведут к тому, что тюрьмы из «школ по реабилитации» превратятся в «школы преступности».

– Эти меры вполне могут разочаровать тех заключенных, которые желают пройти курсы реабилитации, – уточнил г-н Рэй.

Индия: ресоциализация при помощи музыки

Самара Шопра, в туфлях на высоких каблуках, окрашенных в ярко-красный цвет, такой же, как ее губная помада, в шляпе с огненно-розовыми цветами, поет перед бурно ее приветствующей аудиторией, состоящей из заключенных тюрьмы с высоким уровнем безопасности Тихар в Нью-Дели.

Это самая большая тюрьма во всей Азии, представляющая собой огромный комплекс, в котором одновременно находятся 12 000 человек, в том числе серийные убийцы, торговцы наркотиками, коррумпированные политики и т.д. Все они либо уже отбывают наказание, либо ожидают приговора.

Тюрьма Тихар известна своими усилиями, направленными на улучшение жизни заключенных, их судьбы. Здесь они могут посещать курсы йоги, медитации или участвовать в различных программах, связанных с искусством.

Недавно ряд музыкантов из различных коллективов начали проводить здесь специальную программу, в которой может принять участие любой изъявивший желание обитатель тюрьмы. Музыканты обеспечивают местных любителей музыки инструментами и организуют концерты, в которых принимают участие как сами заключенные, так и приглашенные «с воли» профессионалы. Все это, по их мнению, облегчает ресоциализацию и способствует «включению в общество».

В первом отделении сегодняшнего концерта принимает участие тюремная музыкальная группа «Полет души». Она была организована год назад и состоит из трех уже осужденных к лишению свободы и семерых находящихся в предварительном заключении.

Затем на импровизированную сцену выходят участники группы *Scavengers*, очень популярной в многомиллионном Нью-Дели. Тысячная аудитория, состоящая из одних мужчин, буквально взрывается от аплодисментов и одобрительных криков, когда на сцену выходит любимица публики, звезда индийской песни Самара Шопра. Она поет в ритмах ска, регги и соул, и ее песни никого, включая персонал, не оставляют равнодушными.

– Музыка – это добрая сила, – утверждает 28-летняя певица. – Музыка может изменять людей, она имеет фундаментальное значение, в том числе и для тех, кто находится в тюрьме.

– Выступление здесь незабываемо, – продолжает Самара, взволнованная теплым приемом, оказанным ей заключенными. – Я обязательно сюда приду еще и попытаюсь научить их петь.

Группа *Ska-vengers* тесно сотрудничает с блоком *Jail 4* (Тюрьма-4). В этом блоке находится 1615 заключенных, и концерт был организован в честь поступления музыкального оборудования на сумму 300 000 рупий (4300 евро). Это оборудование – благотворительный дар одного из музыкальных магазинов.

Теперь в тюрьме есть табла (индийский ударный музыкальный инструмент), клавишные, наборы струн для электрогитар, усилители и прочее необходимое музыкальное оборудование.

– Хорошо, когда в тюрьме есть музыка. Здесь в целом неплохо, но такие вот события, как этот шикарный концерт, нужны, – говорит Аших Андвана, осужденный, отбывающий срок за убийство.

Этот 26-летний молодой человек родом из Джайпура приговорен к пожизненному лишению свободы за то, что в апреле 2008 года в одном из дешевых нью-делийских отелей до смерти избил стюардессу, когда она отказалась выходить за него замуж.

Для генерального директора управления пенитенциарных учреждений Нью-Дели Нираджа Кумара, который и является организатором разнообразных музыкальных курсов в подчиненных ему тюрьмах, игра на музыкальных инструментах и организация концертов являются «терапией» для заключенных.

– Вот уже год, как мы организовали это дело. Для заключенных исполняется музыка бенгали, хинди, классическая, восточная... Но, честно вам скажу, больше всего им нравится музыка из болливудских фильмов, – улыбается Нирадж Кумар.

– Заключенные с помощью музыки могут раскрыть свой творческий потенциал, а соответственно, и измениться в лучшую сторону, и мы в этом им помогаем, – говорит генеральный директор. Он приводит пример, когда музыка помогла одному осужденному, который несколько раз пытался покончить с собой. Теперь он играет в оркестре и не высказывает суицидальных намерений.

Г-н Кумар сам «приятно удивлен» тем, сколько среди заключенных обнаружилось талантов. Недавно он объявил о конкурсе, по результатам которого лучшие исполнители запишут коммерческий диск, доходы от продажи которого будут распределены между участвовавшими в его записи музыкантами.

Идея привлечь к благотворительной деятельности музыкальные магазины, которые бесплатно предоставляли бы тюрьмам инструмен-

ты, принадлежит клавишнику из *Ska-venegers* Стефану Кею, который, проводя в прошлом году занятия в этой тюрьме, столкнулся с острой нехваткой инструментов.

– Обучать заключенных – то же самое, что обучать любых других людей, – утверждает этот родившийся в Лондоне музыкант. – Они иногда рассказывают мне, какие преступления совершили, но меня это не волнует. Они на самом деле хотят научиться играть, они также хотят, чтобы были хоть какие-то развлечения, чтобы хоть на несколько часов забыть о том, где они находятся, – продолжает Стефан Кей. – Эти люди очень серьезно относятся к музыке, а некоторые из них демонстрируют просто исключительные таланты.

– Когда мы играем, мы попросту забываем, что мы в тюрьме. Каждый из нас любит свою жену, свою семью, мы помним о них, поэтому мы и сочиняем романтические песни, – говорит 35-летний Амит Саксена, который провел здесь уже девять лет за совершенное им убийство.

Великобритания: знаменитый повар разозлился

Знаменитый британский шеф-повар Гордон Рамсей, удостоенный нескольких звезд Мишлен (своеобразный аналог «Оскара» в области поварского искусства) резко раскритиковал пенитенциарную систему Великобритании.

Гордон Рамсей ведет ряд программ на телеканалах Англии и США. Одна из таких программ называется «За решеткой». В этой программе, снимаемой в крупнейшей лондонской тюрьме Брикстон, шеф-повар обучает своему искусству заключенных.

«Я не ожидал увидеть такое, – признается мэтр поварского искусства в интервью, данном газете *The Guardian*. – Условия, в которых содержатся заключенные, вне моего понимания. Ежедневно им на выбор предлагается пять разных меню. Кроме того, заключенные могут круглосуточно смотреть телевизор, у них есть игровые приставки, DVD-проигрыватели, тренажерный зал и т.д. Сначала я думал, что это шутка, оказалось – нет. Между прочим, я бы тоже хотел семь раз в неделю посещать тренажерный зал».

В конце интервью Гордон Рамсей добавил, что, видя такие тепличные условия, в которых содержатся заключенные, он «разозлился».

США: побег из Алькатраса

11 июня 1962 года. Трое заключенных осмелились совершить сенсационный побег из самой охраняемой тюрьмы и... пропали навсегда.

Этот побег вдохновил кинематографистов на создание знаменитого фильма «Побег из Алькатраса» с Клинтом Иствудом в главной роли. Но реальные события были еще более невероятными, чем в фильме.

Лунный луч осветил мрачные воды залива, которые в этом неверном свете подрагивали как в пляске святого Витта. Вдалеке был виден красный флаг, развевавшийся на флагштоке, установленном на пляже, — он предупреждал, что купаться в это время очень опасно. Но трое заключенных Алькатраса не колебались ни минуты. Они погрузились на крошечный шаткий плот, тайно сделанный ими во время долгих тюремных ночей. Свобода или смерть. Либо то, либо другое. Но только не назад, только не продолжать гнить в темнице. И, несмотря на холод и страх, несмотря на то что плот был мал и ненадежен, они стали грести с энергией, вдохновляемой отчаянием. Больше этих смельчаков никто и никогда не видел. 11 июня 1962 года трое мужчин осмелились сбежать из Алькатраса, откуда никому еще ни разу не удавалось сбежать. Эти трое продемонстрировали поразительную изобретательность. Лишь через 17 лет безуспешных поисков ФБР развело руками — не найдены. Что с ними стало? Смогли ли они, как Эдмон Дантес, начать новую жизнь или послужили кормом для рыб? Второе кажется более вероятным.

На самом деле бежать должны были четверо узников. Но четвертому не удалось покинуть свою камеру. Сначала наружу выбрались два брата Энглин: 32-летний Джон и 31-летний Кларенс. В полной темноте. У них не было даже огарка свечи. За вооруженный налет предстояло отсидеть здесь младшему 15 лет, а старшему — 20. За ними выбрался 35-летний Фрэнк Моррис, осужденный за торговлю наркотиками и целый ряд вооруженных грабежей. В знаменитом фильме «Побег из Алькатраса» роль Фрэнка Морриса исполнил как раз Клинт Иствуд. По сюжету фильма именно Фрэнк является «мозговым центром» всей этой операции. На самом деле настоящим организатором этого побега был, вероятнее всего, 33-летний Аллен Уэст — угонщик автомобилей. Именно он не смог присоединиться к своим товарищам. Все четверо ранее неоднократно совершали побеги из различных американских тюрем, почему, собственно, они и оказались в Алькатрасе.

В этой «четырёхзвездной» тюрьме у каждого узника была индивидуальная камера. Через решетку с надежными запорами они могли смотреть в центральный коридор. Камеры на трех этажах здания располагались друг против друга. Один этаж — один блок. Каждая камера была оборудована стандартно: койка, умывальник, параша. 11 июня 1962 года свет в «номерах» погас, как и всегда, в 21 час 30 минут. Погас он автоматически, так как этот «отель» по тем временам был

оснащен по последнему слову техники. Охранники произвели последний обход, чтобы убедиться через решетку, что все их «клиенты» улеглись на свои койки. Как только охранники покинули блок, четверо мужчин встали и тихо и осторожно подошли к внутренней стене своих камер. Они приподняли вентиляционную решетку, находившуюся в полу каждой камеры, а затем пролезли, чтобы через вентиляционный люк попасть в служебный коридор, находившийся позади камер.

Заключенные в течение долгих месяцев пилили решетки и долбили 20-сантиметровую подушку из усиленного бетона, чтобы расширить отверстие – иначе пролезть в вентиляционную шахту было невозможно. В ход шли самые разные подручные средства: заточенные ложки, куски металла, которые Уэсту удалось найти в одном из закоулков тюрьмы... Чтобы их приготовления не обнаружили, они занимались подготовкой к побегу в промежутке между двумя обходами, которые совершались в 17 часов 30 минут и в 21 час 30 минут. Когда один работал, другой из своей камеры наблюдал, чтобы неожиданно не появился охранник. На следующий день – обратная процедура. Четверо мужчин с помощью украденного мотора от пылесоса даже додумались собрать электрическую дрель. Правда, толку от нее было мало. Каждый день, выходя на прогулку, они тщательно укладывали в отвороты своих брюк выдолбленный бетон, чтобы незаметно разбросать его в прогулочном дворе.

Именно Уэст во время выполнения им уборки в сопровождении охранников обнаружил служебный коридор. Но выйти из камеры еще не означало, что можно сбежать с острова. Нужно было соорудить плот, сделать спасательные жилеты, изготовить весла и даже манекены, которые необходимо было расположить на кроватях. Потому что ранним утром охранники вновь совершали обход и пересчитывали спящих. И тут опять Уэст проявил свои гениальные таланты. Ему удалось уговорить администрацию тюрьмы устроить нечто вроде мастерской в одном из углов тюремного блока, чтобы чинить в ней электроприборы, обувь и т.д. Поскольку эта мастерская также выходила в центральный проход, Уэст, якобы беспокоясь о здоровье охранников, предложил им завесить решетчатую дверь одеялом, чтобы в коридор не попадала пыль при производстве различных ремонтных работ. Охранники ключули на такую «заботу».

В течение многих недель два брата по ночам изготавливали все необходимое для побега. Головы манекенов были сделаны из спрессованных бинтов и туалетной бумаги. Волосы им удалось незаметно похитить в тюремной парикмахерской. Поскольку ни один из них не обладал талантами Микеланджело, им пришлось попросить кое-кого

из тех заключенных, которым они доверяли, сделать из манекенов нечто похожее на людей. Плот и спасательные жилеты были сшиты из пятидесяти непромокаемых плащей, которые им также дали заключенные. Чтобы сделать их водонепроницаемыми, они склеивали их с помощью труб, по которым шел горячий пар.

...Заключенные уложили на койки свои манекены. Но – первая неудача: Уэсту не удалось выйти из своей камеры. Ободряемый друзьями, он напрасно пытался протиснуться в вентиляционное отверстие. Сделать это ему так и не удалось. Несколькими днями раньше из боязни, что охранники обнаружат лаз, он попросил братьев слегка заделать отверстие. По всей видимости, братья Энглин перестарались. Но как он этого не заметил до побега? Загадка...

Трое мужчин решили бежать сами, без Уэста. Манекены на месте, необходимое оборудование при них. Преодолев вентиляционное отверстие, они оказались на крыше, затем, прячась от света прожекторов, всю ночь «обшаривавших» крышу и окрестности тюрьмы, беглецы осторожно спустились на землю, используя для этого трубу, которая выходила из пекарни и шла вдоль здания. Вот позади и последняя преграда – забор высотой 4 метра 20 сантиметров. С помощью самодельного насоса они надувают плот и сталкивают его на воду. Трое беглецов в последний раз оглядываются на Алькатрас. Они знают, что вода в бухте не только ледяная, но и изобилует смертельно опасными течениями. Выдержит ли ненадежный плот? Но хода назад уже нет. Между 22.30 и 23.00 часами трое заключенных отчаливают от берега, гребя самодельными веслами.

А в это время Уэст продолжает методично долбить бетон. Спустя некоторое время (его сообщники уже отчалили от берега, но он-то об этом не знает) ему удается-таки расширить вентиляционную трубу. Уэст укладывает в кровать манекен и пробирается на крышу здания. Обнаружив, что остался один, он возвращается в свою камеру, рыдая от ярости. Спустя несколько часов, во время утреннего обхода, охранники обнаруживают исчезновение троих арестантов. Звучит сигнал тревоги. Всех заключенных закрывают в камерах, а небольшой остров буквально прочесывается граблями. На помощь приходят ФБР и береговая охрана.

В 8 утра данные о троих беглецах доводятся до сведения всех государственных структур региона. Заключенных выводят в столовую на обед. Все, как один, отказываются садиться за столы. Все, кроме... Уэста. Он предпочитает сам объявить о своем участии в подготовке побега, надеясь на снисходительность пенитенциарных властей. Он

рассказывает, что беглецы рассчитывают доплыть до острова Ангела, расположенного в 3,6 км к северу от Алькатраса, а затем, уже оттуда, добраться до полуострова Тибурон.

Организуется беспрецедентная поисковая операция, в которой задействованы самолеты, катера, собаки и огромное количество сотрудников правоохранительных органов. Местность тщательнейшим образом прочесывается. Но тщетно. Сбежавшие заключенные как будто испарились. Единственное, что удалось найти, пачку писем, запечатанных в прорезиненную материю, принадлежащих беглецам, деревянное весло и резиновые трубки. На близлежащем пляже также был обнаружен самодельный спасательный жилет. И все. Больше никаких следов. Не было зафиксировано ни угона машин, ни никаких нападений. Семьи троих заключенных больше никогда о них ничего не слышали. Скорее всего, все трое погибли в смертоносных морских течениях, ставших самыми лучшими «охранниками» Алькатраса. Шесть недель спустя было выловлено тело какого-то утопленника, но состояние трупа не позволяло идентифицировать его ни с кем из бежавших. Был ли это один из трех смельчаков?

Через 17 лет, в течение которых продолжались поиски, ФБР наконец-то закрыло дело.

Франция, 1939-й: последняя публичная казнь

17 июня 1939 года Евгений Вейдман стал последним, кого публично гильотинировали во Франции.

...Голова повернулась и посмотрела на тысячи собравшихся женщин, а затем скатилась в корзину. Это был последний момент жизни «убийцы с бархатным взглядом».

4.30 утра. Только начало светлеть. Но еще с вечера сотни и сотни жителей Версаля и Парижа начали собираться у версальской тюрьмы Сен-Пьер, чтобы ни в коем случае не пропустить спектакль: казнь жуткого Евгения Вейдмана. Толпа, в большинстве своем состоящая из женщин, в ожидании колыхалась вокруг гильотины, чтобы в последний раз увидеть пока еще живого красавца мужчину. В 2.50 ночи люди с удовольствием наблюдали, как устанавливают «машину-убийцу». Нетерпение, с которым зрители ожидали увидеть, как голова Вейдмана скатится в корзину, нарастало. Даже журналистам, которых полиция в последние часы почему-то решила не пускать на это представление, удалось прорваться и найти себе неплохие места на деревьях или на крышах соседних зданий, откуда «Вдовушка» (то есть гильотина) была хорошо видна.

Что-то там не клеилось. Вейдмана должны были казнить уже 45 минут назад! Ну, наконец-то! Тяжелая дверь тюрьмы открылась, и появился молодой приговоренный к смерти немец: ему исполнилось лишь 31 год. Он действительно был красив, и многим даже было жалко, что через какое-то время эта прекрасная голова отскочит от тела, как пробка от бутылки шампанского. Приговоренный походил на Кларка Гейбла в своей ослепительно белой с открытым воротом рубашке. С двух сторон его поддерживали ассистенты главного палача Жюль-Анри Дефурно. Толпа затаила дыхание. Ассистенты, под внимательным взглядом Господина Парижа – так в народе прозывали палача, помогли осужденному правильно расположиться на платформе гильотины. Затем они немного подтолкнули его, чтобы он положил голову на специальный выступ. И в мгновение ока палач привел в действие 7-килограммовое лезвие. Раздался глухой сухой звук. Голова упала. Фонтаном брызнула кровь. Обезглавленное тело поместили в большую плетеную корзину, предназначенную специально для этих целей.

4 часа 32 минуты раннего утра. Свершилось, дело в шляпе. Все произошло очень быстро. Ассистенты складывают оборудование под негромкие стоны женщин. Некоторые из них окунают в кровь казненного, скопившуюся у подножия эшафота, свои носовые платки, чтобы сохранить на память этот миленький смертельный сувенир. Успокойтесь, дамы, это всего лишь Вейдман, а вовсе не Людовик XVI! В это же время другие зеваки отмечают событие шампанским. Наряд полиции начинает наводить порядок. Для всякого сброда казнь – это настоящий праздник. Тем более надо воспользоваться моментом, так как публичных казней больше не будет, эта – последняя! Правда, никто об этом пока не знает. Лишь на следующий день премьер-министр Эдуард Даладьё увидит в газетах все эти шокирующие фото и прочитает жуткие репортажи. И без промедления запретит приведение в исполнение смертных казней публично.

В юности Вейдман был мелким преступником, отсидевшим несколько небольших сроков в тюрьмах Канады и Германии. В апреле 1937 года он прибыл во Францию. Вместе со своим бывшим сокамерником Роже Мийоном он изобрел новый бизнес: захват в заложники состоятельных лиц. Содержали их подельники в ожидании выкупа на взятой в аренду вилле под названием «Вульзи» в парижском предместье Сель-Сен-Клу. Вейдман был высок, красив и любил цитировать Гёте. В общем, это был неподражаемый обольститель. Любую даму он мог очаровать в мгновение ока.

Первой жертвой, попавшей в «Вульзи», стала Джин де Козн, американская танцовщица, решившая посетить Париж в качестве туристки. Она тут же попала под очарование молодого человека. Он ведь так нежен, горяч, учтив, вежлив и, что немаловажно, предупредителен. Предупредителен настолько, что 21 июля 1937 года он попросту не смог удержаться и, вместо того чтобы охранять жертву, как и предусматривалось планом, он, сжав обеими руками ее горло, удушил. Видимо, содержимое сумочки Джин было очень заманчивым. С того момента и на протяжении двух последующих месяцев Вейдман убивает безостановочно. После танцовщицы он лишает жизни еще пять человек, выбранных им почти что наугад. Водитель такси, гувернантка, импресарио, мелкий мошенник, агент по продаже недвижимости. Деньги, которые он у них забирает, настолько смешны, что едва ли они являются основным мотивом убийств. Может быть, его попросту толкал инстинкт прирожденного убийцы?

В декабре Вейдмана наконец-то арестовали по подозрению в двух убийствах. Без особого давления полиции удалось заставить его признаться в шести! После сенсационного процесса, о котором знала вся страна, Вейдман был признан виновным во всех этих зловещих убийствах и 31 марта 1939 года приговорен к смертной казни. Эта же участь постигла и его подельника Мийона. Но пока еще судом он не был официально признан убийцей, немецкий денди Вейдман продолжал очаровывать женщин. После ареста день за днем их – выражающих ему свою любовь, – становилось все больше. Каждое утро в тюрьму приходили горы любовных писем, в которых чаще всего дамы просили Вейдмана жениться на них. Ему присылали цветы, чтобы украсить камеру, и даже кошек, чтобы не было так скучно. Уму непостижимо. Эти женщины поистине были безумны. Впрочем, они сами в своих письмах ему в этом признавались. Под его чары попала даже одна из его адвокатов – Рене Жарден.

Неудивительно, что тем ранним утром 17 июня 1939 года, после того как голова Вейдмана упала в корзину, на площади перед версальской тюрьмой можно было наблюдать массовую истерию. Еще накануне в тюрьме было тихо и спокойно. Убийца только что узнал, что его прошение о помиловании президентом Альбером Лебреном отклонено. Самое обидное, что этого подонка Мийона помиловали. Тем не менее внешне он остается спокойным, ласкает своих кошек и перечитывает «О подражании Христу». Он готов умереть. В 3 часа 50 минут Вейдман даже удивился, что за ним еще не пришли – он ведь уже должен быть мертв. Задержка была вызвана тем, что палач Анри Дефурно спо-

рил с прокурором, в какое время лучше привести приговор в исполнение. Мораль: ничего не делается вовремя.

Фотографам привалило счастье: благодаря этим разногласиям солнце, когда Вейдман появился на помосте, уже взошло, и можно получить хорошие снимки. Можно даже снимать на кинолентку! Никогда до этого еще никому не удавалось снять такие хорошие и одновременно жуткие кадры казни, на которых все отлично видно! Никогда еще не удавалось снять целый фильм! Премьер-министр Эдуард Даладьё был в ярости. Франция содрогнулась от отвращения, увидев эти фотографии во всех газетах. Снимки разлетелись по всему миру, пороча страну. И проходила вся эта вакханалия буквально за несколько месяцев до начала войны.

Несколько дней спустя, 24 июня, Даладьё обнародовал указ, согласно которому отныне казни должны проходить непублично, во внутренних дворах тюрем. Так была отменена процедура, насчитывающая 150 лет, по которой любой мог «полюбоваться» зрелищем отделения головы от тела.

Франция: в самом сердце тюрьмы Бометт

Тьерри Алвес руководит крупным пенитенциарным центром в Марселе, больше известным как тюрьма Бометт.

«Тюрьма Бометт – это огромное предприятие», – говорит Тьерри Алвес. Слушая, как он с увлечением рассказывает о своей работе в качестве директора пенитенциарного учреждения, почти проникаешься мыслью, что тюрьма – это тоже способ коллективного сосуществования, как и любой другой. «Здесь невероятное количество типов взаимоотношений, существующих между заключенными и персоналом», – в голосе Алвеса звучит неподдельный энтузиазм.

Эта огромная марсельская тюрьма расположилась среди зеленых холмов, в самом центре жилого района, в двух шагах от моря. Посреди этой идиллической картины образ и самого Тьерри Алвеса выглядит идиллическим. Одетый в безупречно сидящий на нем серый костюм с галстуком, он демонстрирует всем в тюрьме свое хорошее настроение. С широкой улыбкой этот молодой директор приветствует каждого попадающего ему на пути сотрудника, пожимая им руки. Он обеспечивает безупречное функционирование всех подчиненных ему служб. «Он здесь очень популярен», – улыбаясь, шепчет нам один из сотрудников.

Перед тем как, перепрыгивая через несколько ступенек, подняться в свой огромный и светлый кабинет, Тьерри Алвес, как и любой обыч-

ный посетитель, подвергается проверке всеми приборами, обеспечивающими безопасность, «чтобы показать пример другим сотрудникам». С неизменной улыбкой в присутствии своего заместителя он выслушивает рапорт обо всех ночных происшествиях. Сегодня, к счастью, ничего серьезного не зафиксировано. Правда, один заключенный, имеющий право выхода и находящийся под электронным наблюдением, вернулся в 4.30 утра, вместо положенных 9 вечера. В прокуратуру об этом уже сообщили. Двоих заключенных вывели из дисциплинарного отделения, потому что надзиратели пришли к выводу, что у обоих велик риск суицида. Надзор за ними теперь будет усилен. Наконец, еще один осужденный, находящийся на режиме полусвободы (с выходом за пределы тюрьмы в дневное время), попытался пронести в тюрьму мобильный телефон и дозу гашиша. В общем, все как всегда.

Внезапно раздается телефонный звонок. Лицо Тьерри Алвеса камнеет. Ему сообщили, что во время утреннего обхода в одной из камер найден мертвый заключенный. Причину смерти может установить только вскрытие. Директор вешает трубку. Наваливаются проблемы, которых в тюрьме всегда так много. «Этот заключенный находился под наблюдением врачей. Большого я не знаю. Здесь много таких, у кого слабое здоровье. Большинство из них ни разу в жизни не консультировались у узких специалистов, многие только здесь побывали на приеме у стоматолога...» Впервые за нашу беседу на первый план выступает не просто приятный человек, а профессионал. «С точки зрения обычного человека, это – тяжелая профессия. В тюрьме много страданий, и бесчувственным оставаться никак нельзя. С этим живешь постоянно, даже если пытаешься обо всем этом забыть. Иногда бывает трудно».

Тьерри Алвес – отец троих детей, и он знает, о чем говорит. Он окончил Национальную школу Пенитенциарной администрации и уже поработал в должности директора в следственных изоляторах городов Лиона, Градиньяна, Авиньона и Бордо. А 1 сентября 2009 года его назначили сюда, в тюрьму Бометт. У переполненной и обветшалой марсельской тюрьмы плохая репутация. Но Тьерри Алвес всем критикам отвечает одной фразой: «Легкой жизни в тюремной среде не бывает. Таким образом, очевидно же, что чем важнее учреждение, тем в нем труднее».

Перед директором Бометт стоят самые разнообразные задачи: руководство персоналом, управление бюджетными средствами, исполнение наказаний, обеспечение осужденных работой, забота о здоровье заключенных и их госпитализация... Все эти тяжелые обязанности требуют постоянной высокой работоспособности. «Никогда не зна-

ешь, что может здесь произойти. Для сотрудников я доступен в любое время дня и ночи. И даже во время отпуска».

Стремясь сохранить хрупкий баланс в своем учреждении, директор очень рассчитывает на разнообразные виды деятельности, предлагаемые заключенным. И он хотел бы значительно расширить их перечень. Этот метод особенно хорошо работает с женщинами. «65% женщин обучаются какой-либо профессии, а 75% посещают помещение, в котором есть Интернет, и доступ в который предоставляется ежедневно, в течение нескольких часов», – с довольным видом говорит директор. Он постоянно посещает женское отделение тюрьмы и всегда поощряет тех женщин, которые сами желают чему-либо научиться. В кабинете информатики десяток женщин склонились над столом. Они, с помощью одной из проходящих в тюрьму женщин-волонтеров, планируют проведение праздника Хеллоуин. По женщинам видно, что все они из социально неблагополучных слоев населения. Многие из них вообще никогда не ходили в школу. «В тюрьме они могут научиться читать и писать. Мы обязаны выполнять миссию по их реабилитации. Эти женщины не должны вновь сюда попасть», – таково однозначное мнение директора.

Стоящая чуть в стороне от группы женщин рыжеволосая красавица с гордостью показывает Тьерри Алвесу свои картины. Некоторые из них висят и у нее в камере, куда мы чуть позже заходим. Рисовать она научилась, посещая курсы живописи. Эта заключенная с внешностью модели изучает также каллиграфию. «Это отвлекает, – говорит она, разглядывая бесчисленные фотографии своего сына, прикрепленные к стене. – Ему скоро исполнится восемь лет».

Спокойствие, царящее в женском отделении тюрьмы, совершенно не присуще зданию, в котором размещаются заключенные-мужчины. Насилие, хоть и неосязаемое, буквально пропитывает это помещение. Заключенные непрерывно барабанят в тяжелые деревянные двери. Надзиратели передвигаются быстрым шагом, сжимая в руках портативные рации. Крики, постоянное металлическое клацанье открываемых и закрываемых дверей, беспрестанный шум. Развешанные в коридорах плакаты призывают заключенных прекратить выбрасывать предметы из окон. Под окнами постоянно скапливаются горы гниющего мусора. На нас смотрят неприветливо. Поскольку в больницах не хватает мест, в Бометт содержится почти 40% заключенных, страдающих психическими заболеваниями, склонных к членовредительству и суицидам. Кажется, что напряжение достигло здесь своего пика. Вот одного из заключенных связывают сразу четыре охранника... Он только

что попытался наброситься на одного из сотрудников, который требовал от него вернуться в свою камеру.

Весь красный от волнения и покрытый потом охранник, на которого напали и ударили кулаком в лицо, старается приладить разбитые очки. Руки у него до сих пор дрожат, и очки никак не удается починить. Тьерри Алвес пытается его успокоить. Постоянная агрессия со стороны заключенных превращает работу с ними буквально в ад. Но Тьерри Алвесу не занимать оптимизма. «Однажды я встретил на улице бывшего заключенного, который шел вместе со своей женой и детьми, – рассказывает директор. – Он буквально подбежал ко мне и стал благодарить. И это было в первую очередь важно для него самого – показать, что он покончил со всей своей прошлой жизнью».

*Составил и перевел с французского
Юрий Александров*

Два прикола

Крах операции

Произошла эта незатейливая история на одной из северных «командировок», в небольшой, ничем не примечательной колонии усиленного режима, коих было довольно много в те годы. Зона эта пользовалась неплохой славой у сидельцев, потому что была, как тогда говорили, «черной», то есть внутренний порядок там поддерживали не «комсомольцы» во главе с оперчастью, а так называемые порядочные арестанты. Жили там «по понятиям».

Конечно, все в этом мире, как и в том, относительно, тем более порядок. Но особых волнений в зоне не возникало, план (а в описываемое время это было основным показателем), выполнялся всегда с лихвой, поэтому гонений и репрессий руководство колонии не предпринимало. Все катилось по наезженной колее.

Промзона была там богатой, имелись свои цеха по выпуску мебели, геологических домиков-вагончиков, камнецех выпускал приличную плитку из природного материала. В общем, зажиточная была зона, чего уж там. «Хозяин» и питание старался наладить в меру возможностей своих, разведя небольшое подсобное хозяйство. Там выращивали поросят для нужд колонии и был даже маленький тепличный комплекс. Конечно, огурцы и помидоры до стола простых эзков чаще всего не доходили, но на праздники порой случалось полакомиться и им. Но вот зелень поставлялась «баландерам» исправно.

Как говорилось выше, режим был усиленный, поэтому основную массу на зоне составляли «тяжеловесы», то есть люди, осужденные по серьезным статьям на солидные сроки, но впервые попавшие в «места не столь отдаленные». Было и такое в то время, да.

Ну и как всегда и везде, в пеницитарной системе арестанты были разделены по группам и группкам. Я не говорю о так называемых семьях, эти объединения на почве землячества, взаимных интересов и прочего – тема совершенно отдельная. Здесь речь о разделении по «мастям». То есть существует верхушка из «бродяг и авторитетов», были «мужики», на которых, собственно, и держится любая зона, так как они и есть работяги. Были «опущенные», кто это, теперь знают все. Имелись и просто так называемые чушки. Сразу, чтобы не вводить в ненужные размышления неискушенного читателя, постараюсь объяснить, что из себя представляет такой «чушок».

Чушок – это когда человек в условиях изоляции перестает элементарно следить за собой, внешним видом, как говорят, «зачуханивается». И основной целью в жизни для таких людей служит добыча еды, курева и чая, причем желательно «на халяву», так как работнички из них тоже, прямо скажем, не очень. В основном они перебиваются уборкой, услужением и всякой не очень престижной и чистой работой. Так примерно. Относятся к ним «никак». Стараются по возможности держать дистанцию, так как неопрятный человек поневоле вызывает чувство отторжения. Поэтому у них свои «семьи».

О двух представителях этого семейства человекообразных и пойдет у нас речь. Отбывали срок в одном из отрядов два здоровущих (в смысле массы тела) парня. Одного звали Вован. Он прибыл в колонию из далекого чукотского поселка, осужденный за нанесение тяжких телесных повреждений. В прошлом парень занимался вольной борьбой, потом, как водится, забухал, забросил спорт и, пользуясь тем, что имел очень внушительную фигуру, да и силенкой Бог не обидел, пустился во все тяжкие. Мышечную массу он быстро потерял, осталось просто сало, много сала, что уж тут. О том, как по пьяни он совершил преступление, рассказывать не буду, банальная история. А еще на тюрьме этот здоровяк впал в депрессию, стал пугливым и заискивающим. Уголовники – ребята хваткие и, несмотря на внушительный внешний вид новичка, сразу определили, что перед ними слабый духом человек, и относились к нему соответственно. К тому же родной поселок Вована находился далеко, да и успел он, видимо, здорово насолить родным и близким, потому как передач и посылок практически не получал. Вот и перебивался мелкой суетой, несмотря на большое тело.

В этом же отряде находился второй толстячок по прозвищу Пузырь. В неволе он находился давно, срок у него был вроде как «пятнашка». Может, за забором он и был страшным убийцем, но на зоне таких уха-

рей хватало, поэтому здесь он был никем и весь свой срок был занят добыванием еды для прокорма объемистого, рыхлого тела. На этой почве парни и сдружились. Ээки их прозвали «два толстяка» и ждали, когда же этап подгонит третьего. Для полного комплекта.

Занималась эта «семейка» тем, что убирала цеха на промзоне. Работа не то чтобы тяжелая, но грязная и непрестижная. Впрочем, им на это было плевать, свою заварку чая и пачку сигарет они зарабатывали еще и тем, что вязали сетки под картошку, мастерство это не требовало ни умственных, ни физических усилий. Сидели, как два паучка, где-нибудь в уголке и плели свою бесконечную паутину.

А еще был в этой колонии хороший ларек. Начальство старалось без особой нужды отоварок не лишать, тем более таких вот страдальцев «без флага, без Родины». Как-то раз в этот тюремный магазинчик завезли яблочное повидло. Если кто помнит, было когда-то такое, в жестяных больших банках, килограмма, наверное, по три. Врать не буду, точно не помню, но банка большая. Сладкое в зоне всегда идет «на ура». Это простейший способ насытиться – навернуть горбушку черняшки, щедро намазанную таким вот повидлом. Ну а что? Кушать-то хочется. И нашлись же где-то в недрах мехмастерской народные таланты, способные на выдумку. Эх, щедра же земля российская на находчивых людей! Не знаю, какому самородку пришла в голову эта идея, но сделал он вот что.

Аккуратно отклеив этикетку с нарисованным огромным яблоком, этот Кулибин просверлил два небольших отверстия по пайке, сбоку тары. Вверху и внизу. Потом, разогрев содержимое в горячей воде, он приставил к верхней дырочке шланг компрессора и преспокойно выдул все содержимое в другую емкость. Но на этом гений не остановился! Подогнав верхнее отверстие под размер головки шприца, которым загоняют смазку в подшипники механизмов, он недолго думая наполнил банку качественным солидолом. Потом, запаяв отверстия и вернув на место этикетку, этот самоучка, положив «куклу» в сумку, отправился в ларек на очередную отоварку. Первым делом он попросил у продавца, ну да, конечно, вы угадали, банку повидла. Потом принялся набирать курево, чай, ну, там какую еще прочую консерву... Естественно, сумма набранного превысила тогдашние рабочие семь рублей, разрешенных к трате, о чем ему и сообщила ларечница. Почесав в досаде репу, он сказал: «Да ну его на фик, это повидло! Дайте лучше мне вместо него пряников». И вернул ей конечно же уже «заряженную» банку. А настоящее повидло унес с собой для того, чтобы продолжить этот приятный «повидловорот».

На зоне трудно что-либо утаить, и поэтому, заметив, что слесаря нещадно уничтожают сладкую массу безо всяких видимых ограничений, к ним потянулись люди. Тайна перестала быть тайной для многих. Процесс замены банок набирал обороты. Конечно, случалось и такое, что вместо качественного повидла хитрецы получали обратно все тот же солидол, ну тут уж, как говорится, так карта легла. На следующий месяц попытка могла стать успешной.

Наконец счастливый день отоварки настал и для наших героев, отоваривавшихся обычно вместе. Так как план покупок был составлен задолго до этого счастливого момента, особых причин набирать деликатесы у них не было. Поэтому, быстро выбрав лимит, по обоюдному согласию в самом конце шопинга они, радостно облизнувшись, попросили... ну да, конечно же банку повидла. Кстати, ларечница, жалостливая женская российская душа, относилась к этим безобидным на вид увальням даже с долей симпатии.

Устроить «праздник живота» ребята решили в рабочей зоне, там у них был укромный уголок, за штабелем досок, вблизи пилорамы. Слышать постоянный визг циркулярной пилы находилось мало желающих, а их вполне устраивало такое одиночество. Вован, как пользующийся большим авторитетом в связи со своим спортивным прошлым, сумел всеми правдами и неправдами выдурить у хлебoreза две буханки хлеба. Протасив все это добро на «промку», они чинно уселись в тени штабеля и неторопливо закурили в предвкушении пира. Потом Вован сказал:

– Пузырь, короче так, давай по-честному. Режем хлеб большими кусками и накладываем ложкой поровну, сколько съедим, столько и съедим. Ладно?

– Конечно, Вован, какой базар. Да и что тут есть-то? Может, за раз и уговорим все? А на обед можно и не ходить, что нам эта баланда, – тоном знатока-гурмана, плотоядно облизываясь, важно ответил толстяк.

Быстро накромсав огромные куски хлеба, Вован вскрыл банку и под пристальным взглядом Пузыря принялся накладывать «повидло» на свой кусок. Поместилось пять полных ложек. Хлеба почти и не видно было под толстым слоем тягучей массы. Аналогичную операцию, но уже под наблюдением Вована, проделал и Пузырь.

Вован откусил первый кусок и принялся неторопливо его пережевывать. Пузырь, не желая отставать от товарища, тоже впился в свой бутерброд зубами. Но потом поднял недоуменно глаза на методично жующего Вована. Пожевал еще без азарта, потом растерянно спросил:

– Слушай, а что это повидло какое-то несладкое? И керосином во-
нует.

– Ну, есть немножко запашок... А что ты хочешь, чтобы в зону гнали качественный продукт? Может, сахар сэкономили. Или еще какая байда. Не нравится, не ешь. – И Вован продолжал поглощать свой бутерброд.

Я так думаю, что в процессе выдувания повидла в банке все-таки оставалось его небольшое количество по краям. Отверстия-то сверлили не у самого днища, а чуть выше. Вовану досталось, хоть и подпорченное основательно солидолом, но все же повидло. Поэтому он и ел. Пузырь же намазал себе на хлеб практически чистый солидол, потому и возмущался. Но глядя на то, с какой скоростью уничтожает свой бутерброд его товарищ, тоже откусывал маленькие кусочки и жевал. Ну а как же? «Друг ест, значит, все в порядке. Просто повидло такое, несладкое. А не есть нельзя, все тогда Вовану достанется. Это несправедливо».

Не знаю, такие ли мысли бродили в голове Пузыря, но он тоже отрешенно жевал свою пайку, смаргивая наворачивающиеся на глаза слезы сожаления о том, что повидло такое невкусное. Но он ел! Расправившись с первым бутербродом, Вован не мешкая соорудил второй. Но, уже откусив первый кусок, понял: это не повидло! Он уже готов был выплюнуть невкусную смазку, но глядя на то, как задумчиво и уверенно жует его товарищ, тоже решил, что продукт некачественный, но раз Пузырь ест, то, наверное, это съедобно. А Пузырю было уже все равно. Привыкнув к противоположному вкусу, он механически жевал и глотал, не сводя с Вована печальных, подернутых влагой больших глаз.

Так они питались, глядя друг на друга и не понимая, что происходит. И только когда доели первую буханку хлеба и слегка, если можно так сказать, насытились, Вован сделал вывод:

– Пузырек, а ведь, гадом буду, солидол это. Точно тебе говорю! Я же автослесарем работал, недолго, правда, но вот эту мазуту на нюх чую.

– А я тебе что говорил, дружбан? – чуть не плача ответил ему Пузырь. – Говорил же, несладкое! А ты в ответ – не ешь, и все тут! Как же «не ешь»? Ты-то вон как жрал!

– Так оно у меня сначала сладкое было! Что за хрень? Бери-ка банку с собой, после съема будем разбираться, что это за кидалово? Честных эзков солидолом кормить! Да я к «хозяйке» пойду с этой банкой, пусть ответит! – сплевывая смазку, кипятился Вован.

Так, плюясь и ругаясь, они двинулись на разборки к начальнику колонии. Хорошо, что кто-то из мужиков увидал двух толстяков, выхо-

дящих из-за пилорамы. Узнав, в чем дело, мужик чуть не помер от хохота, как и многие другие, он был «в теме».

– И что, много сожрали? – поинтересовался он, не в силах сдержать смех.

– Да как много сожрешь-то дерьма этого? Полбанки и то не осилили! Нет, мы идем на вахту! Сейчас этой сучке из ларька устроим прожарку! – воинственно размахивал полупустой банкой Вован.

Ему в тон кипятился и Пузырь:

– Обнаглела совсем!

– Подождите-ка, ребята, тут разобраться надо, пойдете в мехцех, покурим, спокойно все решим, – сделал попытку как-то исправить положение соучастник «баночного заговора».

Но не тут-то было! Разъяренные толстячки, сметая все на своем пути, двинулись в сторону КПП. Там ослобившийся от долгого сидения в помещении прапорщик никак не мог понять, чего от него хотят эти два жиртреста и зачем ему настойчиво предлагают попробовать на вкус солидол? Потом до него дошло, и ржал уже весь собравшийся вокруг них войсковой наряд! Никто не мог поверить, что можно съесть столько солидола. Но вот же – банка перед ними!.. И все снова лежали впокат, уже плача от смеха.

На шум прибежал и ДПНК (дежурный помощник начальника колонии), он тоже долго не мог осознать, как такое могло произойти? По привычке искал подвох, но видел только полупустую банку с солидолом и ржущих, как кони, прапоров. Виновники же веселья искренне не понимали, что в этом смешного. Не могли же они просто выбросить самую что ни на есть настоящую банку с взаправдашним повидлом.

На вахту уже прибежали те умельцы из мехцеха, где и изготавливались эти «заряженные» банки. Пытались перевести все в шутку, но не тут-то было, история уже пошла в народ. Кончилось все тем, что оставшиеся на складе банки, половина из которых уже точно была не с повидлом, были переданы в бригаду мехцеха. За их деньги, конечно. А сами они в полном составе на три месяца были лишены ларька. К тому же еще и продавщица долго не могла простить этим самоучкам такого обидного для нее «развода».

Наши же герои с тех пор получили новые кликухи. Тосол – это Вован, как более благородный и больше съевший, а Солидол – он же бывший Пузырь. Странно, но они потом даже гордились этим выпавшим на их долю испытанием. Вот, собственно, и все.

«Я к Вам пишу»

Письма, письма из «зоны»... Как же много они иногда приносят! В том числе и курьезов. Есть там такой обычай – искать «заочниц» (женщин, с которыми можно познакомиться по переписке). С каждого нового этапа обычно удается получить несколько адресов знакомых кому-то и не очень в личном плане счастливых женщин. И вот тут начинается своего рода гонка, эстафета на выигрыш. Бывалые зэки, конечно, заводят такие знакомства только из-за возможной выгоды, в смысле получения посылочки или передачи. Ну а молодежи вполне хватает романтики, сам процесс переписки с умной женщиной несет на себе некий эротический флер. Много вариантов развития подобных знакомств. Насколько знаю я, некоторые (правда, если честно, очень немногие) заканчивались созданием длительных отношений.

Русским женщинам, наверное, вообще свойственно испытывать нежные чувства к сырым и обездоленным. Хотя вот, например, в Штатах местные женщины косяком идут на маньяков и серийных убийц. Такой вот разный менталитет. Я, конечно, мужчина, но представить нежные чувства к какому-нибудь Фредди Крюгеру трудно, хотя сердца женские – та еще загадка! Раньше, во времена описываемых здесь событий, у нас пожизненных мучений еще не придумали, таких просто и без затей стреляли, так что варианта развития сюжета на американский лад не было. Да и количество писем, разрешенных к отправке, на каждом последующем режиме уменьшалось. И все же есть такое, есть, было и, наверное, будет. Тем паче, что и Интернет шагнул за колючку. Я и хочу немного рассказать, как это делается в случае простой уркаганской разводки, да простят меня обманутые женщины.

Так вот, в основной своей массе бродяги, особенно начиная со строгого режима и выше, уже практически теряют связь с родными и близкими, устают они, близкие люди, надоедает им все время в исправившегося брата, мужа, отца, племянника (нужное подчеркнуть) верить. Поэтому там все в основном сводится к умению вызвать в женщине интерес к себе и по возможности договориться о свиданке. Так как ни одна *наша* женщина не поедет к страдальцу без вкусностей, то, считай, полдела уже в тумбочке!

Надо отметить, что в таких письмах пострадавшая сторона, то есть мы, уголовнички, всегда попадает в места не столь отдаленные по роковому капризу судьбы. Чаще всего – вступившись за честь невинной девушки, и так обычно раз пять-восемь подряд (зависит от возраста, хотя и его для начала указывать необязательно). Главное – фото! Вот с этим всегда проблемы, но выкручиваемся, кто как может. В принци-

пе постулат о красоте мужчины и обезьяны срабатывает, русские женщины любят за душу, так выходит порой. Но есть уж совсем непередаваемые экземпляры! Вот об одном таком случае я и хочу рассказать.

Был у нас в лагере мужичонка с погонялом Чита, и отнюдь не от названия города, так как ударение падало на букву И. В ту пору многие уже знали, что быстрее всего, надежнее и без явных ошибок такие письма могу сочинять я. Каюсь, мне было просто интересно – смогу ли? Да и чаек, типа за «работу», тоже не мешал. И вот подходит ко мне этот Чита и говорит:

– А вот у меня есть адресок, женщина одинокая, двое детей, живет поблизости. Как думаешь, Егор, может что вырасти?..

Ну, этого товарища надо было просто видеть! Все мы там не красавцы, но этот был из ряда вон! Нехорошо, конечно, смеяться над чужим горем, но в данном случае природа явно поскупилась и ничем не компенсировала внешность. Просто представьте в реале озабоченного самца шимпанзе в брачный период, когда самка сидит... в соседней клетке! Такой же весь сморщенный, побитый жизнью «до без зубов» и росточком метра полтора. Лоб низкий, в ноздри смотреть можно и уши «Чебурашка». Ну, это вот описывать так грустно, на самом деле он был такой подвижный весь, прекрасно сознавал свое положение и великолепно им пользовался среди нас. На его ужимки без смеха смотреть было просто невозможно! Вот и я не выдержал, расхохотался! Ни грамма не обидевшись, Чита сказал:

– Да я в курсях, мож, хоть курева пришет. Попробуем?

Ну как такому откажешь? Нашли мы фото паренька лет тридцати, вполне в духе индийского народного героя, а-ля Радж Капур. Стал я сочинять печальную историю судьбы главного персонажа. Там было все! И происки врагов, и хорошая семья, которая погибла в результате страшной авиакатастрофы, и великолепная вольная светская жизнь красавца в кругах, приближенных к «синема»... несчастная первая любовь, которая была оборвана неожиданным арестом из-за того, что наш герой позволил себе вступить в неравный бой со злыми притеснителями бедных людей!

Писал я, наверно, целых полчаса. Это было ужасно долго, обычно занимало гораздо меньше времени. (Порой хотелось сделать шаблон-болванку, по типу «любовь стремительным домкратом обрушилась на плечи», но передумал, оригинальный вариант дороже стоит.) Короче, в первом письме была задействована вся классика жанра. Интрига, надежда, тайная мольба к сочувствию, обещание неземного блаженства в ближайшем будущем, если покормит теперь. Я, если честно, ду-

мал уже, что перестарался с эпитетами, но... через пару недель прибежал сияющий Чита и, размахивая конвертом, заорал:

– Егор, все ништяк! Ответила! Пишет... да вот, сам почитай.

Он протянул мне письмо. Ну что же, на удивление весь этот лазурный бред женщина приняла за чистую монету. Очень сочувствовала, жалела, просила писать, не стесняться. (Кто б видел его счастливую харю, застесняется такой, ага!) В общем, недвусмысленно предлагала свою дружбу и поддержку. Далее уже не так интересно, пришлось мне писать еще несколько писем в том же стиле «наследника из Калькутты». Почтовый роман развивался бурно. И вот бежит снова Чита с новостью:

– Егор! Она едет! Че делать?

И вот тут я призадумался. Самая некрасивая роль во всей этой истории досталась мне, но женщина ведь приехала! Капура под рукой не было, да и не выпустили бы менты на свиданку никого другого. Оставалась надежда на извечную женскую сердобольность, любовь, как известно, зла... Но, как оказалось, не до такой все же степени.

Теперь небольшое отступление, иначе непонятно будет. Краткосрочные свидания в той колонии происходили по следующему сценарию. Комната свиданий разделена пластиковой перегородкой типа окна, полка вдоль него и телефоны односторонней связи (конечно же подключенные еще и на надзирателя). Вот посетитель заходил, проверяли его, передачу и вызывали визави, уже со стороны колонии. Так ясно? Теперь картина маслом...

Сидит вполне даже симпатичная женщина, рядом две большие сумки. Ждет своего ненаглядного узника, Робин Гуда наших дней, волнуется, конечно, прическу поправляет, хочет понравиться. Еще бы! К такому человечищу приехала. И вот тут... Открывается противоположная дверь, и НВН (начальник войскового наряда) вводит ее героя! Дама непонимающе смотрит, очевидно, еще надеясь на то, что эту обезьянку привели к кому-то другому. Ну нет, наш Чита, набравши воздуха (деваться-то уже некуда), подошел к окну, взял трубку телефона и сказал:

– Ну здравствуй, родная! Я тут немножко похудел...

Женщина в ужасе вскочила и начала стучать в свою дверь, чтобы убежать. А Чита кричит, уже не надеясь на телефон:

– Торбы (сумки), торбы оставь! Я отъемя! Не забирай все!

Вот так вот закончилась эта история. Кстати, сумки женщина все же оставила и даже потом изредка присылала своему несостоявшему-

ся кавалеру бандерольки с папиросами. Все-таки – сила слова! Хотя я больше за Читу писем не писал, но он, уже уловив общий тон, сам старательно там что-то сочинял. Краем уха я даже слышал, что к нему обращались за помощью в написании. Вот теперь и думай, благо это или нет, что наши русские женщины так отзывчивы и сострадательны? Но многим, поверьте, очень многим, именно они помогают пережить ТАМ трудное время.

И если вы вдруг получите такое вот письмо «из-за забора», постарайтесь подойти к нему взвешенно. Необязательно, что на противоположном конце этого хрупкого мостика Чита, но такая вероятность есть всегда. Поэтому, милые женщины, будьте внимательны...

Александр Август

Дурхата

Пожарник

– Туши, туши! – сонно и хрипло бухтел старший дурхаты Володя Бахтин (у него и погоняло такое – Бухтин). – Да не ногами же, мать вашу! Не ногами! Что ты, как конь, топочешь-то? Все ж по хате летит! – Он сел на шконке. – В угол пихни, в угол, в лужу! Ты совсем, что ли съехал?! Или снова дуру погнал?! – Бахтин пнул ногой Сережу-Дурогона. – Менты же на дым сбегутся!

Он соскочил на пол и, набросив на что-то горящее свое одеяло, прижал его к полу. Потом подождал немного и, осторожно убрав в сторону одеяло, взял в руки полусгоревшую книгу. Потер кусочек не-сгоревшей обложки и, взглядевшись в название, матюгнулся. Это был немецко-русский словарь, который он так берег.

– Чья работа? – строго спросил он и посмотрел на присутствующих.

Гоблин равнодушно созерцал происходящее. Рот у него был, как всегда, полуоткрыт – то ли от неожиданности заданного вопроса, то ли от удивления, а может, для большего сходства с кличкой. Толян с ухмылочкой наблюдал этот спектакль с верхних нар – ему все без пояснений было ясно.

– Твоя? – Бахтин кивнул на огрызок обложки и перевел взгляд на стоявшего у самой двери.

Тот, видимо, уже догадывался, что разборы будут, и знал, чем они закончатся, поэтому встал поближе к двери, чтобы вовремя ломануться из хаты.

– Чуть что, сразу Витя Пожарник, – занял он. – Да не виноват я... она сама... загорелась! Я просто курил!

Он привычно, с готовностью нагнул голову.

– А-а-а! – понимающе протянул Бахтин. – Просто курил, значит? – Он взял с пола тапочек и начал ритмично бить им по лысине прови-

нившегося. – Это ты завтра Айболиту рассказывать будешь, как она сама загорелась! Он тебе за такую версию правильные колеса назначит! – приговаривал он, иногда хлопая тапочком по щекам и ладоням, которыми провинившийся пытался защититься. – Чтоб она больше сама не загоралась! А курить с сегодняшнего дня будешь только днем и при мне! Выворачивай карманы! Спички на стол, спи-ички, па-а-дла! – рычал он, стараясь отдалить того от двери. Сделав это, он взял в левую руку еще один тапочек и начал лупить по обеим щекам: справа-налево, слева-направо. И по лысине.

За спиной грохнула и, взвизгнув, открылась кормушка. В ней оказалась заспанная морда мента.

– Чего у вас тут? – сонно спросил он.

Запыхавшийся Бахтин прекратил экзекуцию и повернулся к двери.

– Да все в порядке, начальник. Курил вот, – он кивнул на Пожарника, – и...матрац прожег...

Не скажешь же: книгу прожег.

Мент сунул голову почти в самую кормушку и посмотрел на провинившегося.

– Опять этот, что ли?! Куда его ни посадишь, все горит! Террорист какой-то... Ладно, вы давайте укладывайтесь. Пора уже. Сейчас два ночи.

Кормушка хлопнула, и шаги мента растворились где-то в коридоре.

– На ментов работаешь, Вован, – жалобно ныл Витя. – Беспредельничаешь... Что, я виноват, что ли, если у меня всегда так?

– Какой я тебе Вован?! И я не от ментов смотрящий, от Айболита! Я ему доложить обязан, что ты с катушек опять съехал! Понятно? Тапочкой ему по рылу заехали! Оскорбился! Да из тебя за твои шуточки в дурдоме учебное пособие сделают! Знаешь это?

– Знаю, – обреченно всхлипнул тот.

– Ладно, проехали. По шконкам и спать.

Камера зашуршала тапочками и одеялами.

– А тебе отныне спать днем запрещено, только ночью и под надзором. – Бахтин снизу кулаком подцепил бок террориста. Тот согнулся и заскулил.

– Сегодня ты его охраняешь! – Он ткнул пальцем в Сережу-Дурогона. – Смотри, не проспи эту падлу! Все сгорим на хер... Или задохнемся...

Как только улеглись спать и по-настоящему засопел даже Витя, в хату закинули новенького, который начал всех будить и знакомиться. Он тархтел что-то заикаясь, рассказывал, что «в узких кругах зовут его Партайгенноссе и направлен он со спеца в Серпы на снятие диаг-

ноза». С виду он напоминал закормленного нейрореплетиками пациента – обычная для дурдома ситуация. И сомнения в необходимости еще одной экспертизы появились только тогда, когда новенький повернулся в профиль – пол-башки сзади у него отсутствовало... Побыв на спеце, Партайгенноссе был несказанно рад, что его могут пустить в тюрьму «как нормального».

Странная мысль приходит в голову Бахтина: побывавшие в дурдоме больше туда не хотят ни за какие коврижки и тюрьму воспринимают как избавление... А не побывавшие там туда рвутся и никого не слушают... Почему?

Утром, так же неожиданно, как привели, Партайгенноссе с вещами выдернули куда-то на продол, и он не оставил о себе никаких воспоминаний...

Будни дурхаты

Утром о случившемся ночью пожаре никто уже не вспоминал.

Гоблин, как всегда, болтается по хате в одних трусах и рваной, засаженной до блеска майке.

Свои обязанности он усвоил крепко: для начала он насухо вытирает тряпкой сочившуюся стену и лужу, стоящую в углу, – если этого не делать регулярно, она начнет увеличиваться и разрастаться по бетонному полу.

Затем, отжав тряпку, он разворачивает ее и бросает как коврик в то самое место, где до этого был центр лужи.

И, подтянув повыше вечно спадающие трусы, залезает с дымящимся окурком на шконку.

Гоблину не нужны вещи, он может ходить без штанов в одной рубашке, отсутствие остального он не замечает. Для него главная ценность в этом мире – жратва и табак. С ним тоже, как с Пожарником, надо держать ухо востро: если свою пайку вовремя не убрать, он все спорет. В следственном изоляторе он за то, что повадился ходить в супермаркет жрать. Да зачистил и примелькался. В конце концов охранники его взяли с поличным и повесили на него всю недостачу: столько и за год всей камерой не сожрать!

Будь он признан вменяемым, чтоб все шло по закону – с судом, следствием и адвокатом, убедить судей, что сожрать два «КамАЗа» с колбасой даже за двадцать лет невозможно, было б совсем не трудно. А когда заперли в дурхату и даже не спрашивают, доказать это вообще невозможно...

Если ему повезет, то направят его в общую дурку на принудку, а это все ж полегче, чем на спец... А если нет и вдруг выяснится, что он без родственников, то за три килограмма копченой колбасы сидеть ему пожизненно в дурдоме! Веселая перспектива!

Витя-Пожарник сидит на своей шконке и сосредоточенно рассматривает распухшую и покрасневшую руку.

– Вован, – начинает он ныть, – это все ты мне вчера!

– «Тяжкие телесные» мне шьешь?

– А чья работа?

– Ну-ка покажи! – Бахтин смотрит внутреннюю сторону ладони, потом, перевернув ее, наружную. И удивленно присвистывает: – Ты кому это рассказываешь? Это ж наколка! Если Айболит заметит, что она свежая, он тебе устроит кузькину мать!

– А что теперь делать? – снимает обвинения Витя.

«Перстни» были такие красивые на бумаге, но рука от них распухла и неприятно болела.

– Ты помочись на руку, – советует Сова.

– Чему ты его учишь? – возмущается Бахтин. – Хочешь, чтоб мосел тебе отрезали? – пугает он Пожарника. – Сейчас санчасть подъедет, возьми у сестры йоду. И помажь!

– Она не даст... – ноет раненый. – Спросит, зачем... Чего я ей скажу?

– Скажи: мозоли натер! Йоду она даст! А наколки накопи себе на заднице! С обеих сторон, как мишень – чтоб не промахнулись, куда тебя шпиговать будут в дурке!

Чуть позже к хате привычно подкатила телега с медикаментами. Первым подходит Пожарник и начинает канючить у медсестры йод. Получив его, отходит в сторону и, скалясь от боли, мажет руку, и тут же встает к кормушке снова – колеса, назначенные Айболитом, получает он и Толян.

Контроль и проверка были слабыми, не то что в дурдоме, поэтому была дана инструкция: прятать колеса не под язык, а в ладони между пальцами. Полученное сразу шло в сортировку – что-то за ненадобностью спускалось в парашу, что-то собиралось и накапливалось для дальнейшего употребления и кайфа.

Малограмотные и желающие повысить свой общеобразовательный уровень присутствовали при сортировке и утилизации ненужного. Учителя подробно поясняли, почему одно годится в употребление, а другое нет.

– Хорошее образование – фундамент любой жизни, – спуская в унитаз последнее ненужное колесо, нравоучительно замечает Толян.

После завтрака каждый занялся своими дурными делами.

Витя-Пожарник с Совой решили продолжить не законченные вчера поиски скрытой видеокамеры.

– Да, может, ее вообще тут нет, – оглядывая внимательно помещение, с сомнением дергает плечами Сова. – В других-то хатах не держат... Одни базары: «возможно, где-то и установлена»...

– То в других, а то в дурхате. – Скроив выразительную гримасу, Витя многозначительно поднимает указательный палец и трясет им. – М-м-м... – тянет он, пристально рассматривая на потолке подозрительное пятно. – Должна быть... Я вон в прошлый раз только вату на лампочку положил... чтоб прикурить, конечно... ну это... спичек не было, – покосившись на дремавшего Вована, поясняет он, – так менты тут как тут были. И сразу меня по голове бить принялись! С чего бы это вдруг-то? Сразу? Значит, видели! Найдем – спалим ее на хер!

– О-о-о блин! – стонет Сова. – Кто о чем, а вшивый про баню... Ты найди ее сначала!

Сова переведен с обычного корпуса, причины его пребывания в дурхате не ясны даже многоопытным Бахтину и Толяну. Порядки дурхаты, менталитет обывателей и их нравы ему не совсем понятны. Он не эксперт-инспектор, ни признанный, обыкновенный подследственный: на корпусе он пытался замастить себе трофическую язву, но был разоблачен тюремным фельдшером и отправлен в ШИЗО, где вскрылся, после чего его представили Айболиту и по его протекции перевели в дурхату. Что его теперь ждет, не знает никто.

Пожарник стоит какое-то время посередине хаты и, внимательно оглядев все углы и потолки, лезет под нары.

Гоблин, ничего не комментируя, шмыгает носом и молча наблюдает все это с верхних нар. Лицо его без каких-либо эмоций, он словно смотрит по телевизору надоевшую программу. Слова из него идут очень туго и неохотно – их у него просто мало, а ведь еще и нужные приходится подбирать. Язык осваивают в детстве, а он как раз тогда заболел менингитом и остался полудиотом.

Информацию из него вытянуть тоже сложно, но он, скорее всего, пока еще «непризнанный» и под следствием. Об этом можно догадываться по тому, что его привезли в тюрьму обычным маршрутом – со свободы из КПЗ, или ИВС, как их там сейчас обзывают. А из изолятора его еще никуда не увозили...

Смешно сказать, но быстрого решения с ним принять не могут. Гоблин ветеран дурхаты – то ли год он тут, то ли два. Когда его спрашивают:

– Ты давно тут?

Он шмыгает носом и всегда отвечает коротко:

– Весной привезли...

Но прошлой зимой в хату пришел Бахтин, а Гоблин тут уже был прописан...

За колбасу и хлеб в дурдом попадать вдвойне обидно потому, что для нормального зэка срок начинается со дня и часа ареста, а для ненормального – со дня поступления в дурку. А он, похоже, только ждет экспертизу. И ожидания в срок не засчитываются...

– Чего ты дуркуешь-то? – Сова давится от смеха. – Какая видеокамера под нарами? Если только за петухами подглядывать...

– Ну, может, камеры-то и нету, – глухо гудит Витя из-под нар. – Зато провода к ней могут быть. А то и микрофон. Не видно ни фиги! – ворчит он. – Эй! – зовет он Сову. – Дай-ка спички, я посвечу!

Сова необдуманно шарит по карманам.

– Ты чего?! Тоже захворал, что ли? – шипит ему Толян.

Авторитет его в дурхате неоспорим из-за дурдомовского стажа: «дурак» он бывалый – его переводят с одного спеца на другой уже несколько раз, и дурхата для него – как дом родной. Всего лишь камера на пересылке, где можно слегка расслабиться и отдохнуть от настоящего дурдома. Но так недолго и затеряться в ожидании наряда между спецами где-нибудь на дурхате: срока нет, дня освобождения нет... Сиди и жди...

Толян – тубик, длительная дурка всегда заканчивается ТБЦ. Закрытую не заметили, а открытую в условиях тюрьмы и дурдома лечить поздно... И в теории его должны поместить в отдельную хату. Но это в теории... А на практике... Ходят слухи, что в тюремных психушках делают это намеренно с особо строптивыми – когда здоровья уже нет, выступления заканчиваются быстро...

Толян показывает на ноги Пожарника, торчащие из-под нар, и выразительно крутит пальцем у виска.

– Да кому ты на фиг нужен с твоими талантами и тайнами, – комментирует он сверху. – Чтобы к тебе в камеру микрофон прятать... Да еще и видеокамеру скрытно установить! Какой ты секретный!

– Ну, ты не скажи.

Витя, пятясь назад и пугая всех своим широченным задом, выползает из-под нар, и, отряхнув брюки, качает головой. – Если нет видеокамеры и микрофона, зачем столько проводов в хату подводят?!

– ???

– Что, не верите, что ли? Вот на прогулку поведут, посмотрите над дверью: целая связка в полруки толщиной! Зачем?! А то хотите, я вон

сейчас штукатурку расковыряю над входом? Они все сюда ведут! Сами увидите! А?

– Я тебя расковыряю... – сонно ворчит Бахтин. – Ты только жечь да ковырять стены... В сталинщину тебя бы, давно бы за вредительство хлопнули...

– Ты бы вот лучше рассказал нам... херр... – Бахтин подымает голову, сладко потягивается с кряканьем и давит из себя немецкое слово с русским акцентом по слогам: – Фоер-вер-ман, за что тебя арестовали-то?

Витя бычится, смотрит на него исподлобья и заученно-серьезно тянет басом:

– За базар отвечать надо, Вован! Что за слова?

– Чего надулся-то сразу? Оскорбили? Херром назвали? – Бахтин шутовски, словно не понимая причины, смотрит на Пожарника и подмигивает Толяну: – Вот ты словарь-то сжег, а там, между прочим, на последней странице в правилах было сказано... – зевая и потягиваясь, он садится на шконку и начинает доставать Пожарника демагогией и вопросами – надо же как-то развлечься: впереди целый день безделья: – сказано, что херр – это особо вежливая форма. Переводится как господин. Так ты, как тебя там, херр или господин, расскажи нам свою историю. Как сюда попал?

Витя озадаченно наклоняет голову и кусает губы, не зная, обижаться ему или нет... Бахтина никогда не поймешь, у него всегда шуточки.

– А чего рассказывать-то? Я уже сто раз это рассказывал!

– Ну, сто первый расскажи, раз общество тебя так вежливо просит.

– Ну... это... у соседа... дом загорелся... А там был какой-то порошок. Говорили, что белого цвета. С которого все и началось. Сначала порошок загорелся, а потом вся деревня...

– Деревня? Сосед же вроде?

– Ну... сначала сосед. Потом вся деревня. Но это ж не моя вина. Соседа. А менты меня буцкать принялись. Да как буцкали-то, суки! В наручники заковали и ногами, ногами... Два ребра сломали! Все про порошок спрашивали...

– А что за порошок-то?

– Да откуда я знаю?

– А что сосед говорил? И деревня?

– А чего деревня и сосед? Там же порошок был... Свидетелей в живых не осталось, и все на меня свалили... Спрашивать-то с кого-то надо! Этим же козлам лишь бы галочку поставить, а что человека в тюрьму упрятали – для них это ерунда!

– Чего, все сгорели, что ли?! – выпучив глаза в ужасе, спрашивает Сова.

– Почему все? Только дачники... и сосед...

– Да ты чего?! – Сова первый раз слышит эту историю из уст «портерпевшего». – Дай-ка твою обвинилровку почитать!..

Толян переглядывается с Бахтиным, крикает и мотает головой: ну какая обвинилровка в дурхате?! Этого хоть на следствии били – стало быть, и дознание велось! А иного запрут и за что, почему и на сколько даже не объясняют: ни следователя, ни свидетелей ни суда «признанный» не видит: раз – и уже на спеце... А у тех, кому что-то в «довесок» пихают или просто дело монтируют, – у них все только скоростью отличается. А уж судья, прокурор и обвинительное заключение – это для дурхаты сказочные персонажи и атрибуты...

Темный все-таки Сова человек...

– А в дурку-то как попал?

– Как-как! – Пожарник гордо подымает подбородок. – Закошил! А что делать-то было? Вот теперь по экспертизам да дурхатам туда-сюда.

– Да-а... – озадаченно тянет Сова и смотрит на Пожарника так, словно видит его впервые. Потом растерянно чешет затылок.

Дурхата затихает и погружается в свои дурные мысли. Бахтин зубрит немецкий. Гоблин смотрит в пустоту и, видимо, все-таки о чем-то думает. Интересно бы знать о чем? Толян дремлет.

Витя мотается от стола до двери, словно маятник, стараясь не задевать ногами край уже собравшейся лужи, обдумывая на ходу какие-то новые проекты.

– Брагу бы нужно поставить, – неожиданно предлагает он и, закрыв глаза, мечтательно вздыхает. – Потом бы на факеле в самогон перегнали. И в соседнюю хату кабур надо просверлить. Туда вроде баб вчера посадили...

– Да ты без браги и самогона дурак, а если с брагой и бабами!.. – Не выдержав, начинает материться Бахтин.

Назревающий конфликт готов вспыхнуть со всей силой: Витя выгибает пальцы и грудь, вспоминая блатные слова. Нужно бы подраться, но страшно – рука у Бахтина тяжелая, проверено. К тому же последнее слово все равно за ним, как за старшим по хате...

Поруганную честь вовремя спасает открывшаяся за спиной у Вити кормушка.

– На прогулку идем? – спрашивает мент.

– Пойдем-пойдем! – радостно откликается Витя.

– Одного не поведу, – добавляет мент. – И в камере одного оставить нельзя. Давай или все вместе, или еще одного.

– Пошли всей хатой? – предлагает Витя. – Веселее!

– Сходи ты туда один. Прогуляйся. И мы отдохнем от тебя. А видеокамеру и микрофон потом найдешь. Никуда они не денутся.

Бахтин, словно благословляя Витю, шутовски крестит его:

– Там гореть нечему. Одни бетонные стены.

– Ну, тогда и я с ним, – начинает собираться Толян. – Мне по здоровью надо...

Дверь открывается, проглатывая, к всеобщей радости, Витю, и камера сразу погружается в спасительную дрему.

Минут через двадцать в хату неожиданно впихивают раскрасневшегося Толяна.

– А где этот... Прометей? – сонно интересуется Сова.

– Утащили куда-то...

– За что? – сразу просыпается Бахтин.

– Так газеты сложил горкой в углу двора и поджег. Мент сверху с главного поста команду вызвал. Этого кадра в браслеты заковали и уволокли... А куда – не знаю. В ШИЗО, наверное...

– Где спички-то взял и газеты? – удивляется Бахтин. – Все ж отобрали...

– Свиныя грязи найдет, – ворчит Толян, забираясь на шконку. – Погулять не дал, скотина!

– Слушай, это не он там, в углу, воеет? – Бахтин сквозь щели в двери прослушивает продол. – Похоже, так...

Дурхата вслушивается в завывания, доносящиеся откуда-то из угла коридора – там несколько камер ШИЗО.

– Ты что орешь как зарезанный? – доносится оттуда голос корпусного. – Не на расстрел ведут, в санчасть! На укольчик.

– Не надо в санчасть на укольчик! – визжит кто-то знакомо. – Я буду тут сидеть! Оставьте меня в ШИЗО!

– Давай-давай!

– Ну, точно его голос! – дает заключение Бахтин.

Вечером, перед самым отбоем приводят стреноженного Витю. Перед тем как оставить его сокамерникам, корпусной раскрывает браслеты, застегнутые у того за спиной.

Витя скулит, словно побитый щенок, растирая занемевшие запястья и, даже не покурив, лезет в люлю спать.

Утром он не встает, как обычно, к подъему и не обращает внимания на требования мента «подняться сейчас же». Даже грохот кормушки не производит на него впечатления.

– Да не буди ты его, – просит Толян. – Все равно не проснется: его аминазином шпиганули... Пусть поспит. Ему сейчас хорошо... Пожары снятся...

Пообещав написать на виновного рапорт, мент в конце концов закрывает кормушку и уходит.

Ликвидация безграмотности

Иной зэк считает, «что с дурака взять нечего», и потому рвется в дурдом. «Скорее отпустят. И все ж таки в больницу, не в тюрьму». И говорить такому, что он не «дурак», а просто неумный, – бесполезно! Крепка в народе вера, что дуракам все прощают и всегда отпускают!

На деле получается, что признание «колпаком» от заключения не избавляет и тяготы его только усиливает.

Если признали невменяемым, доказать невиновность уже невозможно: с этого момента человек отстраняется от «Дела». А его виновность – легко, потому что не видать ему больше адвоката, следователя и судью. За всем этим узаконенным произволом будет следить прокурор, но жалоб от дураков он принимать не станет.

Оно и понятно – он и от умных-то их принимает неохотно... Так что «признания» хочет либо настоящий дурак, либо тот, кто слишком накуролесил. Но еще не факт, что в дурке ему будет лучше.

И почему-то все думают, «что там только полгода», а потом – свободен.

Бывалый «колпак», да даже и не бывалый, а просто проскочивший по той системе, делится в дурхате своими знаниями с тем, кто закосить мечтает. И как вести себя, чтоб «не признали».

По этой причине существует инструкция, обязывающая ментов разделять по камерам уже «признанных» и идущих на «признание». Но менты себя обычно не утруждают и пихают кандидата в дураки туда, где есть места.

С медицинской безграмотностью Дурогона борются обычно Бахтин и Толян – как самые бывалые и просвещенные.

Толян начинает свои лекции с того, что никакой шизы вообще нет, стало быть, и косарезить на нее смешно.

– «У нас диагноз дают не по анализам, а по поведению!» – возмущается он, передразнивая кого-то. – И за плохое поведение лечат?! Это какой профессор на экспертизе попадется и как у него у самого в бошке замкнуло – то и дадут! Один профессор скажет «шиза», а другой – что ее нет. Вот и разберись! Эпелептия – тоже дело дохлое: по-

смотрят зрачки глаз во время припадка – и приехал. Да к тому же эпилептия не гарантирует длительную командировку в дурдом.

Сереза задает ему вопросы шепотом – тихарь и в дурхате не редкость:

– А если вообще ни на что не реагировать – лег и баста? Чего тогда? Выкупят?

– Чего тогда? – улыбаясь переспрашивает Толян.

– Да?

– Пришлют в ванную санитарку болт твой помыть. Как отреагируешь?

– Блин, – крикает растерянно Дурогон. – А как же тогда?

– Вон на Гоблина смотри. Так сыграть сможешь? Если сможешь, то тебя не раскусит никто!

В конце каждой лекции он замечает глубокомысленно, что признали – не признали – это скорее дело случая, чем науки, потому что от науки в психиатрии – ноль!

– Там могут и Гоблина не признать, – добавляет он.

После этого он передает студента второму профессору.

Бахтин ведет лекцию издалека, с рассказа о том, как еще до него тут одного симулянта спустили к ним с корпуса, провериться на голову – не хворый ли? Рожа у того была – будьте-нате, почище, чем у Гоблина. Вроде как и правда от рождения не очень умный и фантазии – чуть-чуть. Из бандюганов...

За рожу его даже в дурхате побаивались...

Так он даже ликбеза в качестве простой лекции не прошел и дурковать начал просто, что в голову первое пришло: стал говорить всякую чушь про богов, Вселенную и рассказывать про антимирры. Потом начал мыть потолки и решетку. Айболит на все это посмотрел день-два и организовал ему тест галопередолом. В уколах. Говорит, помогает. И хитро так:

– А там видно будет...

Через неделю симулянт начал ломиться на корпус, а между судорогами и спазмами шипел, как индийская кобра, что «он косил».

Айболит, само собой, этому не поверил и сказал, что «обследоваться все-таки нужно основательно». И уколы продлил.

Этому бы идиоту послушать умных людей да сказать Айболиту, что он «вылечился и все прошло»! Тогда, может быть, все по-другому было бы. А разговоров, что ты «здоров и в дурке по недоразумению», психиатр не любит!

– Поживешь у нас немножко. Подкормишься. Посмотри, какой ты худой! – Айболит, как всякий психиатр, любит попозировать да попарясничать. – А назначения я тебе изменю, раз тебе так плохо.

И изменил. Что он там ему назначил, неизвестно, потом всей хатой дружно гадали, все ж в уколах было, но Дурогон на какое-то время затыл, потом почти ослеп и тронулся по-настоящему...

А через пару недель, когда его «полностью обследовали и даже вылечили», Айболит поднял уже здорового на корпус.

Кому ж тут неясно, что с ментами тут была договоренность?!

Только самый наивный ээк думает, что мент и психиатр в тюрьме – они тут отдельно, и тот и другой сам по себе, оба бродят своими путями, друг друга не касаясь и каждый по своим делам.

Дела-то у них, может быть, и разные, зато цель одна! Это лишь те, кто побывал на Серпах да на спеце и видел этих «медиков» в ментовских погонах, иллюзий особых не имеют. Хотя и здесь нет-нет, а увидишь Айболита, раскрашенного во все цвета радуги, словно попугая.

Дурогон слушает все это, на ус мотает, но назад на корпус возвращаться боится и продолжает жаловаться на голову и на какие-то головы. Наслушался уже консультантов...

– Да на фиг тебе это нужно – в дурдом! – втолковывает ему Бахтин. – У тебя статья до пяти лет. Дадут три. Полгода уже отсидел. И если в дурку, то все это не в счет!

– При совдепии «гнать» было легко и просто, – подумав, добавляет он. – Власть ругать начал повсюду – от врачебного кабинета до туалета – и признают. А при демократии даже непонятно, из чего диагноз складывают. Дурдом стал аполитичен, но меркантилен. Сейчас даже растормозку заказать можно, как 100 грамм в ресторане, – только плати. А дурак ты или нет – это дело твое личное и доктора мало интересует.

Он вздыхает.

– Ээку-то что? Терпи и жди конца срока. А чтоб в дурхату попасть – закосить нужно, да так закосить, чтоб от этого хуже потом не было! К примеру, у тебя статья «тяжкие телесные» – и агрессия в «Истории» стоит. Хорошо «лечить» будут...

А уж как закосил – надо потихоньку выздоравливать. Потому что дураку все пути на волю отрезаны. Но то для тех, кто хочет в дурку. А если человек туда не хочет, невиновен и суда ждет совсем немного, то признания он боится. А уж если там был – тем более...

Оба «профессора» пытаются вбить ему в голову, что в дурке ничего хорошего нет и дурхата – это последний курорт на пути к ней. Но он никого не слышит.

Ну-ну... Чем-то все это кончится?

Заканчивается все как в учебном фильме. Открывается дверь и вводят новенького из старых: на пороге с матрацем в охапку Шаман, кото-

рый пару месяцев тому назад уезжал отсюда на Серпы. Он весь сияет как начищенный пятак: раз вернули в дурхату, значит, признали!

Каждый сам за себя старается решить, где ему будет лучше – туда и рвется.

Обход

На следующий день была пятница, и по традиции в пятницу всегда обход с утра.

Хотя какой в тюрьме обход, пусть даже и в дурхате. Так, проверка на наличие опасных мыслей. Вован, как старший в хате, обязан доложить Айболиту, если кто-то с катушек съехал. Он делает это неохотно, скорее по принуждению, чем по собственной воле. Отказываться нельзя, да и опасно – припомнят в сопроводительном документе. И все равно кого-то поставят, а будет ли от этого лучше?

Айболит в хату идет не один, с собой он берет медсестру из санчасти, чтоб визит его полностью копировал эту медицинскую традицию. О том, что он самый обыкновенный мент, догадаться можно только по красным петлицам и брючным лампасам. Если малоопытные указывают ему на это, он раздраженно уточняет:

– Капитан медицинской службы...

Намеков на ментовские корни Айболит не любит. А какой он врач, если у него обход и разговор с пациентом больше о «деле» и скорее допрос напоминает?

Айболит начинает с Сережи-Дурогона. Тот прячется в дурхате – его менты за отказ давать «правдивые показания» кинули в пресс-хату, где его хотели опустить, но он вовремя оттуда слинял. Сейчас он косит под дурака и подыматься на корпус боится. Чего там еще менты придумают?! В дурхате, считает он, все-таки поспокойнее, можно отсидеться и, может, даже спастись от них... А что может придумать и изобрести Айболит – над этим он, видимо, еще не задумывался. А зря!

– Как себя чувствуешь? Как с голосами у тебя? Общаешься? А как у тебя с памятью? По делу еще ничего не вспомнил? Давай-ка я тебе укольчики назначу? Маден-де-По? Импортный препарат, память хорошо восстанавливает! А?

Дурогон начинает пожимать плечами, совсем как Гоблин, и что-то невнятно мычать, пряча глаза – единственную улику, которая может его выдать... «В глаза психиатр заглядывать любит и умеет» – эту фразу он хорошо запомнил на дурдомовских семинарах...

– Просьбы, жалобы какие-нибудь есть? – Айболит обводит взглядом всех присутствующих. Он спрашивает то, чего слышать совсем не хочет. Здоров ли он сам-то душевно?!

– Камеру бы поменять... – осторожно начинает Бахтин. – Сыро очень. Стена течет, и лужа в углу постоянно... Пол бетонный...

– Где лужа? – Айболит крутит головой в поисках лужи.

– Вытерли с утра. Если ее не вытирать, вообще затопит. Перевели бы вы нас из подвала на этаж... Там хоть сухо.

– Ну, это не по моей части. Пишите заявление начальнику. У нас просто возможностей нет, чтоб вам хорошую камеру выделить. Вот наряд придет, – он примиряюще хлопает по плечу Бахтина, – уедешь на больницу. Там условия совсем другие...

И тут же пытается ускользнуть от темы.

– А тебя как, по-прежнему раздражают и возмущают действия работников психиатрии? – поворачивается он к Толяну.

Тот молчит – спорить бесполезно. И обо всем уже тысячу раз с Айболитом переспорено, благо режим дурхаты позволяет и за спор тут особо не преследуют. Не то что в дурке.

До тюрьмы, спеца и дурхаты Толян жил один, в оставленной предками квартире. Состоял на психучете, но на районного психиатра и всю их контору, что называется «забил»: посещал их нерегулярно, а посещая, в словах и выражениях себя не стеснял. За что там был не любим.

На спец он уехал за «сопротивление властям» – дверь не открывал и «оказал физическое сопротивление». А что там до этого было, одному районному психиатру известно. Пока он ползал по экспертизам, квартиру его оприходовали, и выходить ему, получалось, уже и некуда. Стало быть, он и не нужен в этом мире.

Айболит на все рассказанное им на первой беседе, покачал головой и недоверчиво заметил:

– Это устная версия. К тому же неофициальная и твоя. А есть еще официальная, отраженная на бумаге. Так вот там говорится, что ты угрожал работникам психдиспансера и их семьям физической расправой. Нападал на санитаров с монтировкой. Ударил санитаря. Мм?

– Так что делать-то было? Они в квартиру ворвались. Меня били...

– Ага! Значит, было все-таки!

– Ну, было. Так пошлите меня на суд и дайте адвоката! Я ни следователя, ни судью не видел! Ни своего дела! Сижу несколько лет и срока своего не знаю! Как это понимать?!

– А так и понимай: я твой следователь, судья и адвокат! – Айболит хлопает себя ладонью по груди. – И все вопросы ко мне. А за такие выступления буду лечить!

Предупрежденный Толян сразу замолкает. На спеце ему преподали хороший урок.

Лечить и опекать дураков – дело хлебное. К тому же ордена и уважение за это полагаются – юридическим помогает! А что квартира куда-то ушла...

– А зачем дураку квартира?

Да и не сказано в документах об этом ничего...

Теперь Толян все это знает, поэтому молчит и не отвечает на заданные вопросы...

Айболит делает шаг к Пожарнику и внимательно смотрит на него. Витя виновато разглядывает свои рваные тапочки и сопит. После вчерашнего аминазина он стоит, словно пьяный, покачиваясь и облизывая пересохшие губы.

В дурдоме и дурхате человека никто не встречает по диагнозу – ни сосед, ни менты, ни психиатр. Скорее по статье и характеристике. И поведению. Даже новый лечащий относится к диагнозу скептически и спешит сначала пролистать ту же характеристику да выписку из дела, а уж потом и пообщаться самому да посмотреть на «поступившее чудо». А у Вити дело и характеристика достойные, и в дурхате проявил он себя уже не раз.

– А как у тебя дела? Все жжем и портим окружающее? Может, тебе еще и галопередольчику назначить в уколах, а? – Он переводит взгляд то на Бахтина, то на Витю.

Бахтин неожиданно приходит на выручку:

– Что вы, Александр Семенович! – Имя-отчество Айболита знают все, а фамилия у него, как всегда, засекречена. – Он у нас шелковый! Огня стал бояться – во как! Курить бросает! А вчера – это просто недоразумение какое-то было. У него сейчас стойкая ремиссия... – ехидничает Бахтин и разводит руками.

Толян, слушая эти комментарии, хихикает.

– Ну-ну, – недоверчиво тянет Айболит: он давно горит желанием серьезно «подлечить» Витю, не одним укольчиком, но условия не позволяют – ни связать его на недельку, ни настоящей надзорки с постом санитары... Только карцер, наручники и «стакан», как для всех эзков... А этим не успокоишь...

Все-таки дурхата еще не дурдом, где расплата за нарушения жуткая и быстрая. Назначь ему тут чего-нибудь из нейролептиков в уколах да не свяжи, так он весь перережется или вздернется...

Айболит еще крутится какое-то время по хате, разглядывая картинку с голыми бабами над Витиной шконкой, смотрит на него осуждающе и качает головой:

– Да ты к тому же еще и развратник!

Потом в окружении свиты удаляется. Теперь дурхата предоставлена на весь день сама себе.

Время между обедом и ужином в дурхате всегда спокойное: прогулка прошла, и после обеда все устаканилось на час-два.

Поиски видеокамеры и микрофона были признаны неперспективными и срочно приостановлены.

Устав от них, Пожарник лежит на спине с раскрытым ртом и похрюкивает во сне. Толян сопит, отвернувшись к стене. Гоблин с закрытыми глазами молча шевелит губами, что-то пережевывая: ему, скорее всего, снится колбасная витрина супермаркета. Шаман блаженно улыбался во сне случившемуся счастью – признали!

Письмо вручили, как всегда, – неожиданно и внезапно.

Попади это письмо не в спецчасть, а к Айболиту, осело бы оно где-нибудь в «медицинских» документах навечно и никогда бы не дошло до адресата.

Но дурхата живет по законам тюрьмы, а не дурдома.

Казалось смешным и нелепым, что оно, это письмо, – как пожизненный приговор, высланный запоздало...

Соседка сообщала, что «мать твою похоронили... некоторые вещи я забрала – вернешься, я тебе их отдам... квартира...»

Земля шаталась под ним, и пол уходил из-под ног. Мир на глазах рушился, превращаясь в развалины.

Шансов увидеть свободу даже в роли бомжа у одинокого пациента из дурдома нет. У бывшего принудчика – тем более. Если очень повезет и доживет он до этого часа, то попадет на закрытое отделение психинтерната...

А режим там жестче, чем в дурхате.

Бахтин аккуратно сложил письмо и пихнул его в личные вещи.

Ноги оставили опору и прыгнули вниз, рванув всей тяжестью к себе, затянув петлю на шею. Воздух исчез. Он дернулся раз, два, пытаясь нащупать его губами, пальцы ног чиркнули по бетонному полу. В этот момент в шейных позвонках что-то небожно щелкнуло, перед глазами, как в калейдоскопе, зажужжал красный и сиреневый цвет, и он почувствовал себя легко и свободно, как птица, которую наконец выпустили из клетки...

Иван Маркелов

Прокурорские проверки

В недавнем прошлом Гражданская комиссия по правам человека Санкт-Петербурга направила свое письмо в прокуратуру Дульдургинского района Забайкальского края с просьбой о проведении проверки в отношении ГСУ СО «Токчинский дом-интернат для престарелых и инвалидов» (далее – ТДИПИ).

В ответе прокурора Дульдургинского района, Д.Г. Цырендоржиева сказано, что в ТДИПИ проведена соответствующая прокурорская проверка. В ходе той проверки проверены Устав ТДИПИ и Положения ГСУ СО «Токчинский дом-интернат для престарелых и инвалидов». Они не противоречат законодательству РФ. Нарушений прав граждан на свободное пользование паспортами, ограничения прав проживающих на общение с посетителями, ограничения прав граждан на свободу передвижения в ходе прокурорской проверки не было установлено.

Прокуратура Октябрьского района города Ижевска также провела проверку Нагорного психоневрологического интерната (далее – НПНИ). В НПНИ проживает 260 человек, из которых инвалидов первой группы – 129 человек, второй группы – 126 человек, третьей группы – один человек, четыре человека не имеют группы инвалидности. На момент проверки восемь граждан находились на постельном режиме, на «наблюдательном» режиме – 92 человека, на свободном режиме второй степени – 145 человек, на свободном режиме третьей степени – 13 человек, на свободном режиме четвертой степени – один человек. Нарушений законодательства России в НПНИ прокуратурой не выявлено.

Шебекинская межрайонная прокуратура Белгородской области ответила на обращение исполнительного директора Гражданской ко-

миссии по правам человека Санкт-Петербурга, проведя проверку Шебекинского дома-интерната для престарелых и инвалидов.

В ходе проверки обстоятельств, указанных в обращении правозащитников, было установлено, что Шебекинский дом-интернат для престарелых и инвалидов (далее – ШДИПИ) осуществляет свою деятельность в соответствии с Уставом, который был утвержден приказом Управления социальной защиты населения Белгородской области и согласован с Департаментом имущественных и земельных отношений Белгородской области. Кроме того, приказом директора ШДИПИ утверждено Положение об этом государственном бюджетном стационарном учреждении социального обслуживания населения. В Уставе ШДИПИ и Положении требований о хранении паспорта и/или заменяющего его документа у администрации интерната, а также иных ограничений, ущемляющих права престарелых и инвалидов, которые обслуживаются в ШДИПИ, не выявлено.

В 2012 году прокуратурой Задонского района Липецкой области на основании поступившей информации из Гражданской комиссии по правам человека была проведена проверка Задонского психоневрологического интерната. В ходе проверки были выявлены факты изъятия паспортов у дееспособных пациентов в день их поступления с целью последующего хранения в кабинете социально-правового отдела, что не соответствует сложившейся правоприменительной практике. По этому факту прокурором района в адрес директора интерната было внесено представление о привлечении виновного должностного лица к дисциплинарной ответственности. Нужно напомнить, что и Липецкая, и Белгородская области являются частью одного и того же Центрального федерального округа.

А в мае 2012 года прокуратурой Локнянского района Псковской области также была проведена проверка по обращению исполнительного директора некоммерческого партнерства «Гражданская комиссия по правам человека». Проверкой в деятельности Локнянского психоневрологического интерната (далее – ЛПНИ) выявлены нарушения законодательства России. Паспорта 51 подопечного, которые не были признаны судом недееспособными, хранились в сейфе бухгалтерии, а не на руках у граждан. В целях восстановления нарушенных прав граждан, проживающих в ЛПНИ, в адрес директора прокуратурой было внесено представление.

Президент Гражданской комиссии по правам человека Санкт-Петербурга Роман Чорный заметил: «Я удовлетворен: органы прокуратуры провели необходимую проверку по нашему заявлению. Мы надеемся, что и в будущем сотрудники прокуратуры Белгородской и Липецкой областей да и всей европейской части России будут стоять на страже прав и законных интересов пожилых людей, инвалидов и лиц с психическими расстройствами».

Прокуратура города Кызыла Республики Тыва рассмотрела обращение, подготовленное директором производственного отдела Гражданской комиссии по правам человека Санкт-Петербурга Татьяной Зиновьевой, о возможном несоблюдении прав человека в Кызылском доме-интернате для престарелых и инвалидов.

В недавнем прошлом Гражданская комиссия по правам человека культурной столицы России направила свое письмо в прокуратуру города Кызыла Республики Тыва с просьбой о проведении проверки в отношении ГБУ РТ «Кызылский дом-интернат для престарелых и инвалидов» (далее – КДИПИ).

В ответе заместителя прокурора города Кызыл Л.С. Гилевой сказано, что в КДИПИ проведена необходимая прокурорская проверка. В ходе проверки установлено, что пункт 8.8 Устава КДИПИ противоречит пункту 22 Положения о паспорте гражданина РФ, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 8 июля 1997 года № 828. В связи с этим прокуратурой Кызыла в адрес директора принесен протест об изменении данного пункта Устава.

Прокуратура Новгородского района Новгородской области провела проверку Новгородского дома-интерната для престарелых и инвалидов по заявлению исполнительного директора Гражданской комиссии по правам человека Санкт-Петербурга Романа Чорного.

В ходе проверки обстоятельств, указанных в обращении правозащитника, установлено, что Новгородский дом-интернат для престарелых и инвалидов (далее – НДИПИ) осуществляет свою деятельность в соответствии с Положением об этом автономном учреждении социального обслуживания населения. В Уставе НДИПИ нарушений не выявлено. На момент проверки в НДИПИ содержалось 50 человек, из которых 25 являются «лежачими». На хранение социальному работнику паспорта передавались только на основании заявлений проживающих. По первому требованию граждан документы выдались престарелым и инвалидам. Ограничений на передвижение престарелых

граждан и инвалидов, на общение с посетителями не было установлено. Информация о проведенной новгородской районной прокуратурой проверке была сообщена Гражданской комиссии по правам человека в письме, поступившем в Комиссию в октябре 2012 года.

Интересно, что осенью 2012 года и прокуратура Йошкар-Олы Республики Марий Эл провела проверку на основании поступившей информации из Гражданской комиссии по правам человека Северной столицы России в Шоя-Кузнецовском психоневрологическом интернате и Йошкар-Олинском доме-интернате для престарелых и инвалидов «Сосновая роща». Были выявлены нарушения законодательства в части хранения паспортов проживающих в них граждан.

По выявленным нарушениям закона прокуратурой города Йошкар-Ола в адрес руководителей отмеченных выше учреждений социального обслуживания были внесены представления. «На данный момент указанные представления находятся на стадии рассмотрения», – сказано в ответе заместителя прокурора Йошкар-Олы А.Ю. Павлова.

Президент Международной Гражданской комиссии по правам человека г-жа Джен Истгейт писала в своей статье «Насилие над престарелыми...»: «В современном быстро меняющемся мире традиции слишком часто заменяются более современными способами справляться с трудностями жизни. К примеру, раньше общество в большой степени было связано соседскими, церковными и семейными узами. Сегодня задача по опеке наших родителей и прародителей обычно ложится на плечи организаций – таких, как дома престарелых. Предполагается, что в этих организациях профессионально обученный персонал заботится о них так же, как и в семье...»

Прокуратура Ленинского района Иркутска и Алатырская межрайонная прокуратура Чувашской Республики проверили психоневрологический интернат и дом-интернат для престарелых и инвалидов по обращениям заместителя исполнительного директора Гражданской комиссии по правам человека Санкт-Петербурга Татьяны Зиновьевой.

В ходе проверки обстоятельств, указанных в обращениях правозащитницы, было установлено, что администрация Атратского психоневрологического интерната (далее – АПНИ) не изымает паспорта проживающих. От дееспособных пенсионеров поступали заявления о передаче паспортов на хранение специалисту по социальной работе. Паспорта же недееспособных хранятся в их личных делах. Таким об-

разом, проведенная прокурорская проверка в АПНИ не выявила нарушений действующего законодательства.

Прокуратура Ленинского района Иркутска также по заявлению Татьяны Зиновьевой провела проверку Новоленинского дома-интерната для престарелых и инвалидов (далее – НЛДИПИ). Было установлено, что в НЛДИПИ проживало на момент проверки 162 престарелых и инвалида. Паспорта 141 человека хранились в сейфе социальной службы НЛДИПИ, 21 паспорт находился на руках проживающих в интернате.

Как сказано в ответе заместителя прокурора Ленинского района Иркутска Е.В. Мальхановой, в нарушение действующего законодательства РФ «паспорта 141 гражданина, проживающего в данном учреждении, хранились в сейфе, а не при клиенте... Причинами указанных нарушений послужили ненадлежащее исполнение обязанностей работниками... Новоленинского дома-интерната для престарелых и инвалидов. По выявленным нарушениям закона прокуратурой района в адрес руководителя ОГБУСО “Новоленинский дом-интернат для престарелых и инвалидов” внесено представление об устранении нарушений».

Президент Международной Гражданской комиссии по правам человека г-жа Джен Истгейт писала в своей статье «Насилие над престарелыми...»: «Реальность жизни в домах и центрах по уходу за престарелыми сегодня часто далека от разрекламированного имиджа общительных, помогающих друг другу пожилых обитателей, живущих в идиллических условиях... вместо заботы и уважения слишком часто наши пожилые граждане становятся жертвами крайне недостойного отношения к ним... предательство интересов близких нам пожилых людей нельзя терпеть в цивилизованном обществе».

По материалам зарубежных СМИ

Легендарные тюрьмы

Тюрьме Бордо в Монреале исполнилось 100 лет

18 ноября 2012 года Монреальскому центру заключения, более известному как тюрьма Бордо, исполнилось ровно 100 лет. Это самая знаменитая канадская тюрьма, история которой изобилует и массовыми беспорядками, и побегами, и казнями...

Заключенные мечтают, что однажды они смогут выйти отсюда на волю. А вот для многочисленных СМИ день столетия тюрьмы Бордо означает, что им выпал исключительно удачный шанс: они смогут сюда войти. Центр заключения, расположенный в монреальском квартале Аэнтсвик-Картьевиль, – хорошо укрепленная крепость, внутри которой не смолкает звяканье металлических ключей, хлопанье дверей, перекрикивания, постоянные обыски и непрерывное слежение видеокамер, которые, кажется, натяканы здесь повсюду.

Министерство общественной безопасности провинции Квебек, столицей которой является город Монреаль, по случаю столетия тюрьмы разрешило распахнуть двери перед репортерами, чтобы рассказать о ее истории – одновременно зачаровывающей и страшной: здесь повесили 82 человека, зафиксировано несколько знаменитых побегов и массовых беспорядков, о которых рассказывали буквально все канадские и многие зарубежные СМИ. Конечно, журналистам в один момент хотелось бы понять, что такое обычный день обычного заключенного, из чего он состоит и как протекает, что собой представляет современный арестант, с которым рано или поздно нам всем придется столкнуться, но уже не здесь, а за пределами тюрьмы. Но понять все это за один лишь день, проведенный внутри, невозможно.

Заключенные? Мы видим их силуэты в окнах корпусов, в каждом из которых множество камер. Из внешнего двора тюрьмы, где мы сейчас находимся, нам слышны их крики. Заключенные дают нам понять, что

они здесь, рядом, хотя и спрятаны за каменными стенами и железными решетками. Чуть позже нам удастся перекинуться с ними несколькими словами в корпусах и в коридорах, когда они выходят из камер, которые открыты специально для нас.

«Заключенных сейчас выведут из этого отделения и отправят на первый этаж, чтобы вы смогли сфотографировать их камеры», – предупреждает нас сотрудница тюрьмы, ответственная за эту «экскурсию» для журналистов.

Уже на стоянке автомашин, перед входом в тюрьму, понимаешь, что главное за этими стенами, обнесенными колючей проволокой, – обеспечение безопасности. Такая вот сцена: к главному входу в тюрьму направляется девушка. Охранник через громкоговоритель трижды предлагает ей остановиться, но она его не слышит – у нее наушники, и, судя по всему, она слушает громкую музыку. Буквально через несколько секунд она уже в кольце из трех легковых автомобилей. Ошарашенная, девушка понимает, в чем дело, лишь сняв наушники. Вид у нее при этом, мягко говоря, удивленный... Добро пожаловать в Бордо!

Главный вход. Через эти стены удалось бежать нескольким заключенным, в одночасье ставшими знаменитыми. Люсьен Ривар, например, в марте 1963 года преодолел их с помощью шланга, который он попросил у администрации, чтобы «залить каток» во внутреннем дворе.

Затем был Ричард Бласс, серийный убийца по кличке Кот, на совети которого не менее 21 трупа. Бласс за 10 лет тюремного заключения совершил три побега – один другого зрелищнее. Прочитав в одной из монреальских газет, что они не могут опубликовать его фото за неимением оного, Бласс сам выслал его в редакцию. В ноябре 1974 года Бласс через СМИ опубликовал «открытое письмо» прокурору Фрэнку Шуфи, в котором угрожал убить несколько человек, если тот не организует посещение журналистами одной из тюрем, условия содержания в которых, по мнению Бласса, унижали человеческое достоинство.

Ричард Бласс рассматривался властями как «самый опасный преступник Канады». В конце концов он был убит при задержании: в его теле судмедэксперты насчитали 27 пуль!

Жак Месрин, именовавшийся во Франции «враг общества № 1», после очередной на него облавы сбежал в Квебек. Совершив многочисленные преступления, он был задержан уже в США и экстрадирован в Монреаль, в тюрьму Бордо. Обвинявшийся в убийствах и похищении человека Месрин и в Канаде «завоевал» звание «враг общества № 1». В 1972 году он организовал побег из тюрьмы и скрылся в

Венесуэле. Спустя некоторое время вернулся в Канаду и был убит во время одного из ограблений.

Сегодня кажется, будто у тюрьмы праздничный вид: она недавно отремонтирована. Да и пенитенциарные сотрудники по случаю 100-летия переоделись в парадную форму. Они пожимают друг другу руки, поздравляя с юбилеем, – все в белых перчатках. На груди у многих медали и специальные нашивки. По этому случаю в Бордо нагрязнул сам министр общественной безопасности Стефан Бержерон. Это его первый визит в Бордо. У него, в отличие от журналистов, другие сопровождающие. Но репортерам удается задать ему единственный вопрос: «Какие меры вы намерены предпринять, чтобы решить проблему переполненности в тюрьме Бордо?» Впрочем, вопрос так и остался без ответа.

В качестве приветствия для всех этих важных чиновников, прибывших вместе с министром, а также журналистов, шестеро заключенных подготовили музыкальный номер. Называют они нас «граждане» – так заключенные называют всех тех, кто находится вне тюремных стен. «Добро пожаловать, граждане, добрые люди. Я приветствую вас и общаю, что защищаю себя сам» – это слова песни. С последней нотой заключенные куда-то исчезают.

Впрочем, нам, не посвященным в историю заведения, чуть позже кое-что расскажут об этой тюрьме и откроют перед нами кое-какие двери. Например, эту, ведущую в комнату свиданий. Здесь целая анфилада небольших клетушек, в которых стоят стулья. А беседовать с посетителями можно только через толстое стекло. Именно здесь один-два раза в неделю заключенные могут встретиться со своими родственниками. И – никаких физических контактов.

При нашем приближении двери автоматически открываются, а сверху неусыпно следят камеры видеонаблюдения. Закрываясь, двери издают особый – «клацающий» – звук. Видимо, чтобы не было никаких сомнений, что это именно тюрьма. Наша сопровождающая рассказывает, что ей самой поначалу было трудно привыкнуть к этим звукам, а так как коридоры здесь большие, потолки высокие, а двери металлические, звуки получаются очень громкими. В этом коридоре особенно ощущается течение времени. Ведь именно здесь произошли знаменитые массовые беспорядки в 1960, 1992 и 2003 годах. Следов никаких, конечно, не видно: сказывается недавний ремонт.

29 июня 1960 года заключенные, недовольные условиями содержания, нанесли тюрьме серьезный ущерб. Было разбито все, что можно разбить, и сломано все, что можно сломать. Волнения длились целую неделю. В результате властям пришлось прибегнуть к помощи спецназа Министерства общественной безопасности и отряда специального реагирования полиции Монреаля.

В 1992 году в Бордо произошли самые крупные за всю историю существования тюрьмы массовые беспорядки. В них участвовали заключенные четырех корпусов общим числом около 500 человек. Арестанты подожгли несколько камер, захватили ряд помещений и подвал. Причиной беспорядков стала перенаселенность тюрьмы. Сотрудники покинули захваченные корпуса и, вооружившись огнестрельным оружием, встали по периметру корпусов, в которых скопились восставшие заключенные, чтобы не допустить массового побега. Противостояние продолжалось всю ночь. Наутро тюремному персоналу при поддержке спецназа полиции удалось взять ситуацию под контроль. Было ранено несколько человек, многие отравились угарным газом.

В 2003 году массовые беспорядки произошли в секторе «А». Их причиной стали напряженные отношения, сложившиеся между персоналом и заключенными. Арестанты атаковали сотрудников, используя подручные средства, например бильярдные шары. Затем во многих камерах вспыхнули подожженные матрасы, одежда и мебель. Такой ситуация оставалась всю ночь. Наутро персоналу тюрьмы при поддержке пожарных и спецподразделений удалось прекратить массовые беспорядки и восстановить контроль над сектором «А».

Построена тюрьма в виде звезды (центральное здание, представляющее собой купол, от которого отходят пять корпусов). Это позволяет осуществлять контроль за всеми помещениями, в которых находятся заключенные, одновременно. Под самим куполом находится католическая церковь.

В 1912 году на строительство Бордо ушло 2,5 млн долларов США, что вызвало в обществе скандал, поскольку по расчетам строительство тюрьмы должно было обойтись лишь в 750 тысяч. В каждой камере имелся умывальник с проточной водой – роскошь, недоступная в те времена большинству законопослушных граждан. Эти-то умывальники и были главной причиной ярости рассерженных монреальцев.

Архитектором тюрьмы был Жан-Омер Маршан, и строил он ее по требованиям «пенсильванской системы», основанной на строго одиночном заключении, абсолютном молчании и утонченной религиоз-

но-изуверской обработке заключенных. При этой системе арестанты проводили весь срок наказания в полной изоляции от внешнего мира. Правило молчания проводилось столь последовательно, что не только тюремная администрация ходила в бесшумных войлочных туфлях, но даже колеса экипажей, въезжающих в тюремный двор, обматывались войлоком, чтобы шумом не нарушить тишины. Тюремь «пенсильванской системы» нашли широкое применение во всей Европе, а также и в царской России.

Спустя некоторое время «пенсильванская система» была заменена на более прогрессивную «оборнскую систему», при которой одиночное заключение сохранялось, но арестанты днем имели право работать вместе.

...В левом крыле мы слышим голоса заключенных, но их самих не видим. В это время их как раз заставляют покинуть камеры и спуститься на первый этаж, чтобы журналисты могли пощелкать фотоаппаратами.

В камерах ремонта не было давно: буквально в каждой есть поврежденные стены. В каждом таком закутке есть кровать, полка, одна или две табуретки, унитаз, умывальник и шкафчик, в котором разложены личные вещи. На стенах – семейные фотографии, а иногда (или попеременно) постеры с обнаженными девушками, вырезанные из журналов категории ХХХ. Снизу опять слышны крики заключенных. Но приблизиться к ним и поговорить мы не можем – нельзя.

Снаружи, в тюремном дворе, мы опять узнаем кое-какие исторические факты, заставляющие журналистов немного взволноваться. Прямо над баскетбольным кольцом находится балкон, на котором в период с 1914 по 1960 год приводились в исполнение смертные казни (всего в Бордо было повешено 82 человека). Виселица до сих пор находится на месте и в исправном состоянии. Пол балкона состоит из двух половинок, которые палач, по команде, раздвигал под ногами у осужденного.

Крики заключенных перекрывают голос сопровождающей. Они надеялись рассказать нам о переполненности, царящей в тюрьме, а сейчас видят из окон камер, что «граждане» журналисты, вооруженные фотокамерами, уже идут к выходу. Они стараются привлечь внимание репортеров, безуспешно пытаются что-то нам рассказать. Но понять что-либо в этом шуме невозможно.

А мы здесь, чтобы рассказать о прошлом этого учреждения, но прошлое этой тюрьмы (и крики заключенных дают это ясно понять) тесно связано с настоящим.

О чем сигналил нам батайский семафор?

Ханский ручей у кавказских ворот

Батайск – городок небольшой. Конечно, побольше Урюпинска, но сто с поросычьим хвостиком тысяч населения – не бог весть что. А нынче город и вовсе собираются включить в состав так называемого Большого Ростова – вместе с Аксаем. И то сказать – 40-тысячный Аксай находится в 12 километрах от донской столицы, а Батайск и вовсе в семи. Так что недалек час, когда с карты Родины город Батайск исчезнет, а его место займет Батайский район Ростова-на-Дону. Но, несмотря ни на какие географические метаморфозы, из российского уголовного жаргона не вымарать память о знаменитом батайском семафоре... Однако, прежде чем рассказать о нем, придется совершить небольшой экскурс в историю маленького, но славного городка.

По одной из версий, название Батайск происходит от сочетания Ба-Тай-Су, что в тюркских языках значит «влажная долина с ручьем». Действительно, местность, где расположен город, влажная и болотистая. Именно это мешает присоединить Батайск к Ростову. По другой легенде, город назван по речке Батайсу, что значит «ручей Батыя». Говорят, здесь находилась ставка Бату-хана. Это подтверждает и секретная военная карта 1743 года, где закреплено размежевание территорий России и Турции после очередной войны. На месте Батайска указан Батыев чеграк – колодец Батыя.

И удачно же выбрал ставку золотоордынский владыка! С древних времен шумели в округе такие крупные города, как Танаис, Азак-Тана, Азов. Прекрасные места – черноземье, богатые пастбища, полноводные реки, обилие зверья, птиц и рыбы – дополняло перекрестье оживленных сухопутных и водных торговых дорог. Кто только не обживал эти земли: киммерийцы и скифы, сарматы и аланы, гунны, болгары, хазары, печенег, половцы... В конце концов, после того как славный князь

Святослав в 965 году разметал Великую Хазарию, началось активное заселение нижнего Дона славянами. В летописях этих колонизаторов называли бродниками (они держали переправы через речные броды). Многие историки от них ведут происхождение донского казачества.

А затем пришли татаро-монголы... К слову сказать, в 1223 году подонские бродники приняли их сторону и бились против Руси на реке Калке. А по территории современного Батайска пролегал Великий шелковый путь. С Востока через Крым и Италию в завшивленную Европу потек шелк (на этой ткани вошь не удерживается – соскальзывает), а также пряности и другие экзотические товары, а из Европы на Восток – сукно из Милана, парча из Генуи, венецианское стекло...

Татар со временем выбили, но их место к концу XV века заняли турки. С ними тоже пришлось воевать долго и нудно, пока наконец-то в 1774 году Турция окончательно не уступила южные земли России. Именно тогда на месте Батыевой ставки возникло постоянное русское поселение, а весной 1769 года к берегам реки Койсуг потянулись запорожские казаки и малороссийские бурлаки. Тогда поселение и было названо Батайское.

Место, как уже говорилось, крайне удачное. Батайск – важнейший стратегический узел на юге России. Это – ворота на Кубань и далее на Кавказ. Неудивительно, что к середине XIX века Батайск был уже центром Батайской волости (хотя статуса города не имел), который по населению превосходил многие уездные города империи. К 1904 году в селе Батайском проживало 17 616 человек. А после прокладки в 1911 году линии Батайск – Азов станция стала крупным железнодорожным узлом на юге России.

Эпоха железных коней

А теперь – несколько слов о железной дороге, без которой в Батайске никакого семафора вообще не появилось бы. Начало ей положил наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, который 7 января 1869 года представил императору Александру II записку о необходимости проложить железную дорогу от Ростова-на-Дону до Владикавказа с веткой к Черному морю. Предложение было поддержано, и 2 января 1870 года последовало высочайшее повеление «включить линию от Ростова до Владикавказа в сеть главнейших железных дорог и приступить к ее строительству не позднее 1872 года». Магистраль проходила по землям Екатеринославской и Ставропольской губерний, Донской, Кубанской и Терской областей. Дорога протяженностью 652 версты (695 км) была проложена за три года. Официальное открытие движения поездов состоялось 2 июля 1875 года.

Первые годы Владикавказская железная дорога не приносила значимых доходов. Но вскоре положение изменилось благодаря ее абсолютной монополии на юге и дальнейшему разветвлению по всему Кавказу. Если в 1894 году дивиденды концессионеров «Общества Ростов-Владикавказской железной дороги» составляли 25 рублей на акцию, то к 1903 году – 91 рубль 40 копеек, а через несколько лет – 200 – 220 рублей. Ни одна дорога империи не давала столь безумных доходов.

Особо возросло значение Владикавказской магистрали во время Первой мировой войны – учитывая то, что ВЛК ЖД добилась права широко заниматься нефтедобычей на территории всего Северного Кавказа. Батайск благодаря своему расположению приобрел стратегическое значение, которое сохранил до наших дней. Сегодня станция – и связующее звено, и граница между центром и югом страны.

Символом пограничья стал легендарный батайский семафор.

Дядя Степа как символ прогресса

А что же это за зверь такой – семафор? В технические подробности глубоко вникать не будем – буквально в двух словах. Семафор (от греч. *sema* – знак и *phoros* – несущий) – сигнальная установка на железной дороге. Она состоит из мачты, в верхней части которой находятся от одного до трех фонарей с «крыльями» (специальными дощечками). К крыльям семафора жестко прикреплены светофильтры со стеклами различных цветов. Положение крыльев и огней меняется при помощи натягивания проволоки вручную или рычагом при семафоре или же из центрального пункта. При закрытом положении семафора виден красный огонь (сигнал «Стоп»), при открытом – зеленый («Путь свободен»). Желтый огонь указывает на необходимость снижения скорости поезда.

То есть речь идет о прообразе современного светофора. Собственно, семафор и был в конце концов вытеснен более совершенным светофором. Помните знаменитого михалковского дядю Степу? В 1935 году, когда детская поэма о нем впервые появилась в журнале «Пионер», добрый гигант успешно исполнил роль семафора, чтобы предупредить машинистов, что «дождями путь размыт». А в 1954 году в поэме «Дядя Степа – милиционер» малыши прозвали великана «Дядя Степа-светофор» уже за устранение дефектов в светофоре...

Вот и на Северокавказской железной дороге с 1930 года начинается замена семафоров на светофоры. Увы, процесс этот растянулся надолго. Еще и после войны, и позже здесь честно тянули свою проволочную лямку устаревшие трудаги-семафоры...

Шпалы Стикса и мигающее весло Харона

Но вернемся к станции Батайск. Уже 16 ноября 1875 года (спустя несколько месяцев после пуска ВЛК ЖД) здесь было открыто самое большое на дороге депо. И все же первое время станция выглядела скромно. В отчете правления общества Ростово-Владикавказской железной дороги за 1876 год читаем: «Паровозное здание на станции Батайской на 9 паровозов, кирпичное, стропила крыши растяжные, с деревянными ногами и железными стяжками, на каменных фундаментах».

В воспоминаниях белогвардейского офицера Андрея Власова «О бронепоездах Добровольческой армии» (описываются события 1919–1920 годов) станция предстает уже внушительно: «На узловой станции Батайск, к югу от Ростова, от главной линии Владикавказской железной дороги отходили две ветки: короткая ветка на Азов и ветка в сторону узловой станции Торговая (на линии Царицын – Тихорецкая). Таким образом, во время январских и февральских боев у станции Батайск наши бронепоезда могли выезжать по трем направлениям... Тяжелые орудия бронепоезда “На Москву” могли быть размещены на некотором расстоянии друг от друга, так как расцепленные бронеплощадки ставились на многочисленных запасных путях большой станции Батайск».

У того же Власова встречаем и упоминание батайского семафора: «Бронепоезд “За Русь Святую” выехал утром на Ростовское направление и открыл артиллерийский огонь по густым цепям советской пехоты, шедшим на Батайск от Нахичеванской переправы. Несколько неприятельских батарей открыли по бронепоезду сильный огонь. Но бронепоезд “За Русь Святую” оставался на позиции у семафора станции Батайск до смены донским бронепоездом “Атаман Платов”».

Таким образом, понятно, что знаменитый семафор находился между Батайском и Ростовом-на-Дону.

Сегодня выражение «батайский семафор» все шире проникает в обыденную речь россиян как фронтир между основной частью России и ее кавказским подбрюшьем. Что-то вроде лады Харона на реке Стикс. А семафор – своего рода Хароново весло. Как своеобразно заметил батайчанин В. Долгополов в стихотворении «Славный мой город»:

Известный всем батайский семафор –
 Российские ворота на Кавказ,
 Дает путевку в жизнь он до сих пор
 И в дальний путь благословляет нас.

Поэтому, скажем, в представлении южан выражение **«за батайский семафор»** значит – за пределы юга, по всей России. Часто о неопытном человеке говорят: «Не бывал дальше батайского семафора». При этом речь идет не только о Кубани и Кавказе, которые находятся действительно южнее семафора, но даже и о Ростове-на-Дону, расположенном уже к северу от Батайска: «Вся шпана от Одессы до Ростова, и даже дальше, за батайский семафор, знала про Жору, что он есть первый вокзальный вор...» (Г. Гофман, С. Гагарин. «Мясной Бор»).

В то же время для жителей Центральной России и далее идиома **«за батайский семафор»** близка выражениям «к черту на кулички», «куда Макар телят не гонял»: глухомань, задворки, труднодоступное место, глушь. Очень любят использовать выражение и в Малороссии. Так, в ироническом рок-н-ролле, направленном против вступления Украины в НАТО, поется:

Перед дедом стыдновато,
Ох и дал бы мне за НАТО!
Взял дубину и загнал бы
Аж за семафор!
Ох, загнал бы за батайский
Дальний семафор...

Не гнушаются блатной идиомой и «незалэжные» украинские политики. В частности, председатель кировоградской партии «ЯБЛУКО» Юрий Смирнов пишет об одном из оппонентов: *«Господин Корчинский, теряющий потихоньку пальму первенства в соревнованиях по загону Ющенко за батайский семафор, сообщил аудитории программы “Проте” вконец душераздирающую историю о том, как Виктора Андреевича в ночь перед голосованием вызвал к себе американский посол»*. Позднее, когда Ющенко все-таки «засемафорили», «яблучник» обрушился уже на чиновников нового президента Януковича: *«То сельское хозяйство за батайский семафор загонят, то коррупционеров распустят»*.

Жители Ростовской области, особенно горожане, нередко используют идиому **«через батайский семафор»** в смысле – чудовищно далекий объезд, бессмысленно выбранный окольный путь огромной протяженности. Так, на Интернет-форуме «Обсудим таганрогское такси» об одной из фирм, предоставляющих машины с «шашечками», с одобрением пишут: «Возят не через батайский семафор, как остальные любят, что просто-таки отратно». А в газете «Таганрогская правда» автор сетует, что из-за ремонта моста водители должны были совер-

шать объезды «по принятому в Таганроге определению, “через батайский семафор”». Так сказать, география на уровне краеведения...

Нередко идиома **«как до батайского семафора»** используется в качестве синонима просторечного «как до Китая на полусогнутых» – нечто далекое, недостижимое: *«Куда ты лезешь против Кости? Тебе до него, как до батайского семафора!»*

Как малая нужда влилась в большой фольклор

Но «стержневой» смысл многих упоминаний чудесного сигнального прибора отражает перевозку арестантских этапов с Кавказа и Кубани в Центральную Россию и далее на север и восток. Дело в том, что именно перед батайским семафором товарные и пассажирские составы с юга нередко простаивали сутками: узловая станция была крайне перегружена из-за низкой пропускной способности. Поэтому арестантов из спецвагонов, загнанных на запасные пути, время от времени выводили группами на свежий воздух и сажали на корточки.

Эта поза характерна именно для советской пенитенциарной системы и связана со становлением арестантских «законов» и «традиций» 1930-х годов. По представлениям новых поколений «блатных», «босняков» и «бродяг» стало позорным садиться на землю (прежде такого запрета не отмечалось). Даже предмет или пища, упавшие на землю, считались и до сих пор считаются «нечистыми»: поднимать их «честному арестанту» нельзя. Также «kozyрные» зэки предпочитают не облокачиваться о стену, чтобы не испачкаться и сохранить одежду в приличном состоянии: иначе можно перекочевать в разряд «чушков» – грязных, неряшливых арестантов. При длительных остановках конвой позволял этапникам отдыхать, присев на корточки; постепенно это вошло в обычай. В результате появилось выражение: **«расселся, как на Батайской пересылке»**. Так и нынче говорят об арестантах, сидящих на корточках.

А вот некий Евгений Ермизин, сочинивший «художественную хронику» «Криминальная Россия», воспринял выражение «батайская пересылка» буквально – то есть именно как пересыльная тюрьма в Батайске. В главе «Батайский светофор» (!) Ермизин пишет о своем герое – воре в законе: *«За свою каторжанскую жизнь он немало повидал кавказских воров, обычно шумные, на этапах, дерзкие, на глазах менялись, попадая в Батайскую пересылочную тюрьму. Насобирав на переездах мешки для общака, сидели на них в транзитных тюремных камерах»*. На самом деле никакой пересыльной тюрьмы в Батайске не существует и никогда не существовало. Есть колония строгого режи-

ма № 15, созданная в 1963 году на базе Батайского литейно-механического завода, переданного в систему отдела мест заключения. Но никакого отношения к пересыльным делам она не имеет и находится далеко от станции, на другом конце города.

С долгим ожиданием отправки этапов в европейскую часть России (поскольку Батайск находится южнее Ростова-на-Дону, а семафор стоял именно на пути от Батайска к Ростову) связан также целый ряд фольклорных упоминаний батайского семафора как места... для отправления малой нужды. И в самом деле, во время вынужденного простоя арестанты большую нужду справляли в «парашу» (специальный переносной металлический бачок, ведро или кадку), а малую – под недреманным окном конвоиров где-нибудь поблизости, в уголке. Так появились соответствующие идиомы. Например, **«пойди посысы через батайский семафор»** в значении «это тебе не по силам», «ты не в состоянии этого сделать»: «Значит, Миша хлестался, что попробует сдернуть с этапа? А **поссать через батайский семафор** он не попробует?» Или другое выражение пренебрежения к собеседнику: «Иди пугай свою бабушку! **Ссать я хотел на тебя через батайский семафор!**» Впрочем, есть и более мягкая формула: **«Плевал я на тебя через батайский семафор!»** Или: **«Мотал я тебя на батайском семафоре!»**

Не всегда речь идет об оскорблении. Порою говорящий всего лишь подчеркивает, что он пересекался с человеком на южных этапах. Как в романе «Расписной» мастера детективного жанра ростовчанина Данила Корецкого: «Косого Керима я знаю, – сказал один из блаткомитетчиков – здоровенный громила с блестящей лысой башкой. – Мы с ним раз **ссали под батайский семафор**». В примечании автор уточняет: «Грузились при этапировании на станции Батайск под Ростовом-на-Дону».

Нельзя обойти молчанием и знаменитую формулу уголовной «бобы», то есть клятвы: **«Ссыкуха буду через батайский семафор!»** Почему именно «ссыкуха»? Во-первых, потому, что просторечные «ссыкун», «ссыкуха» обозначают труса (от «ссать» – трусить, бояться). Во-вторых, особо постыдно именно употребление слова в женском роде – «ссыкуха». Такие определения в адрес мужчины («падла», «сука», «курва», «блядь») в уголовном мире считаются особо унижительными. Так же и «ссыкуха» вкупе с упоминанием семафора в уголовном жаргоне характеризует жалкого, ничтожного человека: **«Кого ты назвал “правильным пацаном”? Да это ссыкуха через батайский семафор!»**

Автор романа «Саркофаг» Лев Сокольников пытается объяснить странную клятву несколько иначе:

«Никто так тонко и грубо... не издевался над теми, кто давал невыполнимые, мелочные, ценою в грош, клятвы:

- Ссыкуха буду через батайский семафор!
- Почему поминается семафор в Батайске?
- Он на высоченной горе стоит. Попробуй клятву исполнить?»

Можно подумать, если бы семафор не стоял на возвышенности, пустить струю через него было бы легче... Есть ведь и формулы без мочеиспускательных устремлений ввысь. Например: **«Гадом буду, забожусь под батайским семафором!»**

И все же высота семафора, несомненно, имеет значение для «божбы». Это подчеркивается в одном из вариантов клятвы: **«Блядь буду через батайский семафор и бакинскую вышку!»** Вышка упомянута неспроста. Вообще-то «бакинская вышка» – одна из разновидностей нефтяной деревянной вышки – в отличие от «американской». У «бакинских» угловые стойки делаются из целых бревен, у «американских» сколачиваются из отдельных досок. Но в уркаганской «божбе» речь идет несколько о другой «бакинской вышке».

С 1927 года в СССР существовала массовая добровольная организация Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Целью ее было воспитание патриотизма и распространение военных знаний среди населения. Осоавиахим среди прочего содействовал развитию в стране парашютного спорта. Для этого в парках отдыха и других местах массовых гуляний возводились специальные аттракционы в виде парашютных вышек.

Типовая парашютная вышка возводилась высотой 20 метров (учитывая мачту с громоотводом – до 30 метров). А вот к 16-летию создания Азербайджанской ССР по инициативе бакинского городского совета на машиностроительном заводе «Бакинский рабочий» была изготовлена парашютная вышка высотой 75 метров! Сооружение имело форму металлической нефтевышки; его установили на Приморском бульваре Баку 28 апреля 1936 года. Аттракцион предусматривал прыжки с высоты 10, 20, 25 и 60 метров. Прыгать мог любой, привязные ремни охватывали бедра и спину, получалась мощная ременная связка, «абажур» опускался медленно, и парашютист аккуратно приземлялся на ноги. Но все же на самый верх пускали далеко не каждого.

Понятно, что Бакинская парашютная вышка прославилась на всю страну. Потому и вошла в эзовское народное творчество. Увы, в начале 1960-х во время одного из прыжков произошел несчастный случай, и аттракцион был закрыт. А вышка существует и сегодня, сверкая

неоновыми огнями и указывая на электронном табло время, дату, температуру воздуха и силу ветра...

Время больших ожиданий

Итак, мы разобрались, почему батайский семафор проник в блатной фольклор и далее – в русское просторечие. Остается вопрос: когда это случилось? Если семафор появился на Владикавказской железной дороге уже к концу XIX века, почему не предположить, что арестантский люд увековечил его уже до революции?

Никак невозможно. Ни в начале прошлого века, ни в гражданскую войну, ни даже в первые годы СССР светлый образ батайского семафора не мог отпечататься в темных анналах арестантского жаргона. До того как советская власть затопала по России семимильными шагами, с Кавказа и Закавказья просто **не могли по «железке» направляться на север сколько-нибудь масштабные арестантские этапы!** Не было для этого никаких оснований. Для местных уркаганов вполне хватало кавказских и закавказских, а также кубанских тюремных замков. Конечно, набиралось достаточно уркаганов, которые за тяжкие преступления приговаривались к каторжным работам; их отправляли в Сибирь и на Дальний Восток. Однако такие этапы были не слишком частыми и не слишком многочисленными. Да и в целом Владикавказская железная дорога вполне справлялась со своей нагрузкой.

В 1920-е годы экономическая и пенитенциарная система Страны Советов только поднимались на ноги после опустошительной Гражданской войны и не отличались большим размахом. Батайск лишь с 1925 года принялись электрифицировать. А вот с 1927 года положение начинает резко меняться. К этому времени число жителей Батайска достигло 22 852 человек, увеличившись с 20-го года на 13 тысяч. Такого роста населения не знало ни одно селение Дона. И в 1927 году Батайск преобразуют в рабочий поселок. Управление СКЖД решает создать в Ростове крупную пассажирскую станцию, а в Батайске – товарную. Из-за начавшегося расширения к концу 1927 года на станции Батайск уже работали более четырех тысяч человек!

С 1928 года родная до боли компартия большевиков – ВКП(б) – берет курс на индустриализацию всей страны. Принимается первый пятилетний план, ставятся грандиозные задачи подъема сельского хозяйства и промышленности, модернизации всех отраслей экономики. Кавказу в этой связи отводилось особое место. Как пишет в исследовании «Преобразование Кавказа в СССР» Марк Шейман: «В национальных районах были созданы крупные промышленные центры... Гор-

ские народы совершили гигантский скачок в экономике и промышленности. За время предвоенных пятилеток Северный Кавказ был превращен в один из основных экономических районов страны с высоко развитым и сложным хозяйством, с ведущей ролью в нем тяжелой индустрии. Благодаря расширению сети железных и безрельсовых дорог и увеличению производства расширились экономические связи Северного Кавказа с другими районами страны».

То есть значение Северо-Кавказских железных дорог (так с 1922 года стала называться Владикавказская железная дорога, объединенная с Армавир-Туапсинской) возросло, а уж нагрузка на них увеличилась в разы!

Это то, что касается грузоперевозок в сторону Кавказа. Между тем и с юга на север железнодорожные потоки многократно возросли. Правда, поводы были печальные. В связи с массовой коллективизацией сельского хозяйства в некоторых регионах СССР до 90 % середняков были репрессированы как «подкулачники». За период коллективизации в целом по стране под репрессии попали около 5 миллионов жителей деревни. Но в первую очередь процесс ударил по черноземным плодородным Украине, Дону и Кубани, не оставив в стороне Кавказ и Закавказье. На нерусских «засамафорных» окраинах выступления против новых идей советской власти получили и националистическую окраску. Попытки неповиновения подавлялись жестоко. Из-за батайского семафора потянулись эшелоны «столыпинских вагонов», под завязку набитые тысячами арестантов... СКЖД начало лихорадить от перегрузок.

Политика ломки традиционных отношений на селе привела к голоду в городах, к всплеску преступности; многие крестьянские парни бежали из деревень и вливались в ряды уголовников. Жуткая волна криминала грозила захлестнуть страну.

Между тем на стройках социализма катастрофически не хватало рабочих рук, даже учитывая крестьян, бежавших из колхозов. Они пополнили ряды «ударников пятилеток» на 8 с лишком миллионов человек, но зато стали пустеть села. Пришлось прикреплять крестьянство к земле декретом 1932 года «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов».

А рабочие были нужны на великих стройках в огромных количествах! И тогда большевики разрабатывают идейную базу для развития лагерного рабства – теорию «исправления трудом». В 1930 году возникает ГУЛАГ – Главное управление лагерей ОГПУ СССР. Концентрационные лагеря ОГПУ СССР переименованы в исправительно-трудовые.

Для их наполнения с 1930 года вступает в действие статья 35 УК РСФСР, которая предусматривала «удаление из пределов отдельной местности с обязательным поселением в других местностях... в отношении тех осужденных, оставление которых в данной местности признается судом общественно опасным» на срок от трех до десяти лет с исправительно-трудовыми работами.

Статья 35 применялась вкупе со статьей 7 УК РСФСР («через седьмую»), согласно которой такие меры социальной защиты применялись «в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности». Чтобы попасть за колючку, теперь не надо было совершать преступление. Любому ранее судимому или даже просто подозреваемому в преступлении (в «связях с преступной средой») можно было вклеить солидный срок. Преступников, осужденных по 35 статье УК РСФСР, называли «тридцатипятниками».

С Кубани и кавказско-закавказских республик поплыли в центр и на север матушки-России не только крестьяне, но и многочисленный уголовный элемент вкупе с участниками националистических движений и вообще «подозрительными личностями».

Вот именно тогда узловая станция Батайск стала по-настоящему захлебываться. Здешний Харон все чаще использовал свое семафорное весло, чтобы регулировать движение поездов, останавливая одни и пропуская другие. Арестантские этапы постоянно тормозились на «Батайской пересылке». В Ростове создание арестантских «отстойников» было исключено во избежание всевозможных эксцессов: все-таки крупнейшая пассажирская станция юга... Зато крупная товарно-сортировочная станция Батайск подходила для этой цели идеально.

Именно тогда – и только тогда – разношерстные этапники увековечили в своем фольклоре образ «батайского семафора». Тем более станция расширялась, и в конце концов в 1938 году Батайск был удостоен статуса города.

От воров до поваров: этапы большого пути

В общем, несмотря на то что ныне «батайский семафор» во многих ракурсах широко проник в речь русского народа, связь его с уголовно-арестантским жаргоном по-прежнему остается на первом месте. И сам народ это прекрасно ощущает. Образ «батайского семафора» именно как символа неволи, мест лишения свободы встречается и в литературе – например в стихах донского поэта Виктора Бокового:

Протрубило время сбор,
Дни пора итожить,
Но батайский семафор
Память стал тревожить.

Оглянешься в тишине,
Явятся в тумане:
Глаз зеленый в вышине,
Вскинутые длани.

Душу боль пронзит насквозь,
Как в стрелковом тире,
Тяжко жить любимым врозь
В суматошном мире.

Не с того ли с неких пор
В путь стремятся ноги,
Но батайский семафор
Перекрыл дороги...

Отсюда и более широкое понимание «батайского семафора» как жизненных испытаний, непростых поворотов судьбы – то же, что простонародное *«пройти Крым и Рым»*: **этот человек прошел батайский семафор!** По настрою связано с этим и выражение **«кинуть через батайский семафор»** – обмануть, не исполнить обещание, надуть. Так, когда в сезоне 2007/2008 года количество участников международного баскетбольного Кубка УЛЕБ расширилось с 24 клубов до 52, одну из дополнительных вакансий должен был получить ростовский «Локомотив» (5 место в первенстве России). Но вакансию решили отдать московскому клубу «Динамо» (6 место), который «с точки зрения географии и инфраструктуры более привлекателен для УЛЕБ». И тогда один из ростовчан на спортивном форуме гневно бросил: **«Блин, они же там – упыри, хотят Локо через батайский семафор кинуть?!»**

В воровском языке Батайск – не просто граница между Севером и Югом. Это – граница между «правильными» и «неправильными» ворами, между «честняками» и «лаврушниками», «терпигорцами» и «апельсинами»... В последнее время воровской мир предпочитает постепенно сглаживать эти противоречия. Многие «черные идеологи» говорят о том, что различия между «кавказскими» и «славянскими» ворами большей частью надуманные, клин пытаются вбить коварные «мен-

ты»... На самом деле противостояние «славян» и «кавказцев» возникло давно, еще на закате СССР. Правильнее было бы даже сказать – закавказских воров, потому что речь чаще всего шла о грузинах, армянах, отчасти азербайджанцах, к которым примыкали и представители кавказских республик. В СССР за время многочисленных «ломок» и «гнуловок» преступного сообщества выработался жесткий «воровской закон» и традиции с системой довольно суровых табу: не жениться и не заводить семью, дома, не обрести имуществом, отказаться от связей с близкими (даже с матерью) и т.д. Для кавказских народов такие запреты часто воспринимались как нелепые и необоснованные. Здешние воры их легко нарушали. Более того: воровской «титул» здесь часто расценивали вроде княжеского и норовили передать «по наследству». Если до 1980-х годов, даже несмотря на достаточную «либерализацию» уголовных «правил» и «понятий», такие поползновения не приветствовались, то уже к началу 1990-х, когда и в стране, и в криминальном сообществе новой России пошли фундаментальные перемены, они коснулись и воровского мира. Титул «законника» стал объектом торговли: его можно было купить. И прежде всего – на Юге, особенно в Грузии и Армении, где традиционно население было состоятельнее, а воровской культ – особенно почитаем.

Тогда и родились термины «лаврушник», «лавровый», «апельсин» – люди, купившие себе воровскую корону за вагон лаврового листа или фуру апельсинов. Однако в Центральной России, а тем более на Севере и Дальнем Востоке таких воров не жаловали и нередко вообще не признавали их статуса. «Граница влияния» «кавказских воров» как раз и пролегла через Батайск и Ростов.

Появились и соответствующие поговорки. Ростовская гласит: «До Ростова мы воры, от Ростова – черти» (черт на жаргоне – ничтожный, неряшливый, грязный, презираемый арестант). Что касается Батайска, характерен отрывок из книги «Россия в неволе» автора Пара Беллума: «...Сложно с ходу определить, что за человек: здесь может себя вести "на мля буду", а только на этап, и как говорится **"до Батайска ворами, после Батайска поварами"**, заезжают на блатной мурене, а **"после батайского семафора – переобуваются на ходу"**». Другими словами, на юге такие «авторитеты» корчат из себя воров, а за «батайским семафором» забывают свое гордое прошлое и «переобуваются на ходу», то есть идут на сотрудничество с администрацией мест лишения свободы, становясь «козлами», «красными», «лохмачами». Ведь не только для вора, но и для всякого «порядочного пацана» должность в хозобслуге – повар, хлеборез, завклуба и проч. – считается неприемлемой, позор-

ной. Другой вариант «батайской» поговорки: «На свободе мы вора, а на зоне – повара». «Вора» – кавказское произношение слова «вор».

Откуда штылеты? С Батайска, вестимо...

Завершая тему Батайска в русском народном уголовном творчестве, коснемся еще одного выражения, в котором упомянут славный спутник Ростова-папы. Идиома эта довольно редкая и, в отличие от «батайского семафора», сегодня почти забыта. Но во времена сталинского ГУЛага она была на слуху. Так, в одном из очерков преступного мира – «Тюремная пайка» – Варлам Шаламов упоминает о неписаном законе лагерного мира: «...Официальный тюремный паек, тюремная пайка в условиях заключения – “священна и неприкосновенна” и ни один вор не имеет права покушаться на этот казенный источник существования. Тот, кто это сделает, – проклят отныне и во веки веков. Безразлично, кто бы он ни был – заслуженный блатарь или последний “штылет батайский”, юный ффраер».

Что же это за таинственный «батайский штылет»? Из контекста понятно: речь идет о презрительной характеристике арестанта, который не принадлежит к касте профессиональных уголовников. Именно таких лагерников называли «ффраерами». Но почему именно «штылет»? Не говоря уже о Батайске...

Начнем со «штылета». Это старая русская форма слова «стилеть», то есть итальянский кинжал с прямой крестовиной и тонким узким клинком (*итал. stiletto* от *лат. stilus* – «палочка для письма», «острый стержень»). Впервые, видимо, «штылет» упомянут в путевых записках государственного деятеля Петровской эпохи Петра Андреевича Толстого «Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе» (1697–1699). Эту книгу считают энциклопедией европейской жизни и одним из наиболее замечательных литературных явлений в России конца XVII столетия. Толстой был отправлен по указу Петра Первого «в европейские христианские государства для науки воинских дел». Стольник побывал в Польше, Священной Римской империи, Венеции, Милане и Неаполе, Папской области, Дубровнике, на островах Сицилия и Мальта. Свои впечатления путешественник описал в дневнике, где отражено понимание петровским сподвижником современной ему европейской экономики, политики, общественной жизни. Петр Толстой рассказал в заметках о нравах и обычаях разных народов, о памятниках религиозной и светской культуры и о многом другом.

Разумеется, «Путешествия» полны новой для русского человека лексики – с соответствующими пояснениями. Здесь мы впервые встре-

чаем и упоминание «штылета»: «А все венецыяне, дворяне и купцы... имеют при себе под одеждами тайно невеликие *штылеты*, подобны *ножам остроколым*...» (стилеты предназначались не для резки, а для ударов, поэтому лезвие не затачивалось). Кстати, в белорусском языке по сей день сохранилась форма «штылет». «Штилет» фиксирует и «Этимологический словарь русского языка» Фасмера в значении «маленький кинжал, шило».

Да и в разговорной русской речи до революции преобладала именно форма «штилет». Например, у Николая Лескова – «Страстная суббота в тюрьме» (1862):

- А зачем вы с топором по улице ходили?
- Не с топором-с!
- Как не с топором?
- С палкой, со штилетом.

Но как с этим связаны юные гулаговские фраера? – спросит читатель. Если речь идет о кинжале, это ближе скорее уж к профессиональным преступникам... А вот тут нас ожидает чрезвычайно любопытный поворотец! Дело в том, что в нашем случае имеется в виду вовсе не кинжал, «подобный ножам остроколым». На самом деле под «штылетом» подразумевается... скелет! Все достаточно просто – замещение по созвучию. В русском просторечии скелет часто искаженно звучал как «шкилет».

Вспомним хотя бы чеховских «Нахлебников»: «А собака – чистый шкилет! На кой черт ты их кормишь?» Или роман красного кавалериста Александра Листовского «Конармия»: «Ты, товарищ командир, не гляди, что у меня один шкилет и шкура остались...»

А от «шкилета» до «штилета» («штылета») – один шаг.

И это – не догадки и фантазии. «Штилет» как просторечная форма «скелета» отмечен в разговорной речи не однажды. Вот отрывок из заметки Веры Камышовой «Такое не забывается» в газете «Заводская правда» Климовского патронного завода (2010): «Однажды мы с сестрой заболели, и нас положили в изолятор при медпункте... В комнате за стенкой занимались студенты, и в ней стоял скелет. По ночам, когда оставались одни, мы очень боялись, что это чудовище залезет к нам в кровать. В один из вечеров мы долго не могли заснуть. Вдруг за стенкой послышался разговор и звуки передвигаемой мебели. Мы с Лилей всю ночь просидели на кровати, прижавшись друг другу. А утром рассказали маме, что “штилет” ходил и пугал нас. Позже выяснилось, что

в ту ночь в комнате за стенкой рабочие делали срочный ремонт, чтобы студенты могли уже с утра в ней заниматься. Я до сих пор скелет называю «штилетом»».

Описанный случай относится к первым годам после Великой Отечественной войны. Однако такое словопотребление, оказывается, встречается и до сих пор. Так, на сайте «Литпром» опубликован рассказ авторов Бравого и Трюфеля «Все о вечности», где один из героев заявляет: «Да вы посмотрите, какой Карачев дохлый, истинный штилет. Куда денешься, кады родители не кормят, да бабка коромыслом по хребту!»

Не исключена и контаминация (смешение) сравнений «тощий, как скелет» и «тощий, как стилет» в их просторечной форме. Потому что как раз худоба является основой идиомы «батайский штылет». Обычно именно «фраера» в ГУЛАГе составляли армию «доходяг», «фитилей», «огней» (то есть дистрофиков на последнем издыхании: дунь – погаснет).

И Батайск тоже, видимо, притянут не случайно. С одной стороны, известная арестантская неформальная «пересылка», с другой – привязка к батайскому семафору, который смахивает на «тощий штылет»... И опять-таки это не домыслы. Сравнение со «штилетом» на основании тонкости не является чем-то исключительным. Так, в заметке «Когда появилась обувь на шпильке?» на сайте «Обувщик» читаем: «Современные туфли на высоком каблуке, или штилеты (от *англ.* stiletto heel), появились в 1950-х в коллекциях известного французского дизайнера обуви Роджера Вивьера (Roger Vivier), которого и принято считать изобретателем штилетов – высокого каблука с металлическим стержнем внутри». Вот вам и «штилет английский»...

Но тут следует отметить, что право именоваться родиной «фраерского штылета» оспаривает у Батайска еще один населенный пункт России. В самом начале этой главы мы цитировали отрывок из Варлама Шаламова. Однако упоминание «штылета» встречается и в другом произведении – повести Александра Зеленова «Второе дыхание»:

«Выбил я нож у него, руку малость при этом ему повредил, сел на этого типа верхом... А он лежит подо мной, белками хмельными ворочает и никак не может в соображение взять, как это я не только остался живой, а еще и верхом на нем оказался.

Ворохнулся, в спину коленкой мне поддает:

– Пус-сти, фраерюга, штылет балтайский!..»

Вот как! Тот же «штылет» вместе с «фраерюгой» – да только не «батайский», а «балтайский»! Можно, конечно, сослаться на то, что Зеленов попросту повторил вслед за Шаламовым редкое выражение – да и ошибся. Однако ко времени выхода повести «Второе дыхание» –

1981 год – очерк Варлама Тихоновича (хотя и написанный в 1959 году) не публиковался ни отдельной книгой, ни в периодике! Не исключено, разумеется, что Зеленов был знаком с прозой Шаламова по самиздату. Но все равно – какой смысл менять «батайский» на «балтайский»? Скорее всего, оба писателя все же использовали идиому независимо друг от друга.

Но тогда новое определение «штылета» происходит от какого-то другого населенного пункта! Действительно, такой населенный пункт на территории России имеется. Он расположен в Саратовской области. Это – село Балтай (оно же – Балтайск), центр Балтайского района, образованного в 1928 году. Село находится в 125 километрах к северо-востоку от Саратова на реке Алай при впадении в нее реки Балтай. Население райцентра составляет 2,6 тысячи человек, а вообще в районе – чуть более 12 тысяч жителей. Не в обиду балтайчанам – глубинка, глухомань.

А при каких делах здесь «балтайский штылет»? Знаете, есть и тут остроумная версия. До того как пришли русские, обитателями этих мест были татары. Татарские старожилы и новоосевшие «русаки» (с примкнувшей к ним мордвой) долго не могли ужиться. Между ними постоянно вспыхивали кровавые драки. Одно из таких жестоких сражений произошло на так называемой «Божьей Горе». По преданию, верх взяли татары, несмотря на то что русские были вооружены топорами. После побоища татары свое оружие, а также доспехи и топоры, отобранные у недругов, отмывали в ручье, который они называли Балта – в переводе с татарского это значит «топор». От названия ручья якобы и произошло название села.

Возможно, «штылет балтайский» – это как раз иронически-насмешливое определение топора? А презрительный оттенок у выражения появился потому, что даже с таким «штылетом» вахловатые мужики оказались битыми.

Возможно, возможно. В нашем мире все возможно. В том числе и сосуществование обеих версий. И все же мне как коренному ростовчанину хочется верить в то, что и в этот раз, пусть «фраерски», но все же запечатлен в блатном фольклоре именно младший брат Ростова-папы. А «саратовские страдания» – ну что же, пусть будут. Хотя бы как творческое переосмысление. Так сказать, топорная джазовая обработка...

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 25.02.2013 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная